

ШАХ И МАТ

ИСПЫТАНИЕ

18+

БЕСТСЕЛЛЕР NEW YORK TIMES

ТРЕЙСИ ВУЛЬФ

Жажда

Трейси Вульф

Испытание

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

Вульф Т.

Испытание / Т. Вульф — «Эксмо», 2021 — (Жажда)

ISBN 978-5-04-186326-5

«Испытание» – четвертая часть серии, продолжение бестселлеров «Жажда», «Искушение» и «Желание» Трейси Вульф. Серия-бестселлер № 1 New York Times. Выбор Amazon в категории «Лучшая YA-книга месяца». Самая популярная вампирская сага 2023 года. Для поклонников «Сумерек» и «Дневников вампира». Последняя битва не прошла бесследно ни для кого. Флинт зол на весь мир, Джексон превращается в нечто с трудом узнаваемое, а Хадсон воздвиг вокруг себя стены, которые я вряд ли смогу сломать. Грядет война, и мы к ней не готовы. Только наличие армии может подарить хоть какую-то надежду на победу. Но прежде всего мне нужно разобраться со своим прошлым. Я должна найти ответы, которые помогут определить, кто из нас настоящий монстр. Найти истинное чудовище в мире, наполненном кровожадными вампирами, бессмертными горгульями и непрекращающейся враждой богов. Нет никакой гарантии, что кто-то останется в живых, но, если мы хотим спасти этот мир, у меня нет выбора. Мне придется принять каждую часть себя... даже ту, что я боюсь больше всего. Об авторе Трейси Вульф – американская писательница, автор 64 книг в разных жанрах, некоторые из них стали бестселлерами по версии New York Times и USA Today. В прошлом преподавала английский язык и литературу, сейчас полностью посвятила себя писательству. Любит создавать загадочные и романтические истории с непростыми героями и крутыми героинями. Обожает вампиров, драконов и всяких жутких ночных тварей. Все свои книги написала в своем доме в Остине, Техас, где живет по сей день вместе со своей семьей.

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-186326-5

© Вульф Т., 2021

© Эксмо, 2021

Содержание

Глава 0. Играй роль, пока роль не ломает тебя	7
Глава 1. Иногда две правильности вместе дают одну очень большую неправильность	10
Глава 2. Противостояние	13
Глава 3. У постели больного	15
Глава 4. Слишком близки к катастрофе	18
Глава 5. Голос во сне	23
Глава 6. Щелканье, треск и «Поп-Тартс»	24
Глава 7. Что-что?	26
Глава 8. Полный дурдом	28
Глава 9. Может ли гугл перевести язык горгулий?	30
Глава 10. Переверни мой мир	33
Глава 11. Легкие, как перышко, твердые, как камень	36
Глава 12. Много рока и немного ролла	39
Глава 13. Время – не единственная вещь, которая искривлена	41
Глава 14. Пора нам прекратить так терзать себя	45
Глава 15. И ты, Мэриз?	47
Глава 16. У каждого волка бывает свой праздник	50
Глава 17. Не все псы попадают в рай	52
Глава 18. Иногда любому человеку бывает нужен небольшой толчок	55
Глава 19. Вкус радуги	58
Глава 20. Обрушение	60
Глава 21. Не кусай вампира, кормящего тебя	61
Глава 22. Не пустая угроза	64
Глава 23. Много шума из ничего	67
Глава 24. Если нет желания, то нет и сделки	71
Глава 25. Нет GPS для не-таких-уж-нечестивых	73
Глава 26. Нет выбора	76
Глава 27. Куда ведут проселочные дороги	80
Глава 28. Ирландское счастье	84
Глава 29. В полете с драконами	88
Глава 30. Ну как вам эти руины?	89
Глава 31. Мой маленький маяк	92
Глава 32. Я просто хочу отключить подачу энергии	96
Глава 33. Порой перерыв на кофе бывает роковым	99
Глава 34. Теория (зеленых) струн	102
Глава 35. Давай, соберись	104
Глава 36. Ты будишь во мне зверя	107
Глава 37. Все путем	109
Глава 38. Разделяй, и тебя завоюют	112
Глава 39. Это жесть	115
Глава 40. Бабушка, какие у тебя большие зубы	119
Глава 41. Наверное, ты хочешь сказать «Дарт Мейдер»?	122
Глава 42. Не думаю, что для этого есть своя хромосома	124
Глава 43. Не самая милая бабуля	126
Конец ознакомительного фрагмента.	129

Трейси Вульф

Испытание

Стефани, спасибо тебе за то, что сказала «да»

COURT

Tracy Wolff

Copyright © 2021 by Tracy Wolff. First published in the United States under the title COURT: Crave series #4.

This translation published by arrangement with Entangled Publishing, LLC through RightsMix LLC.

All rights reserved.

Cover design by Bree Archer

Cover artwork bykoya79/GettyImages, Renphoto/Gettyimages, and EnvantoElements

© Татищева Е., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Глава 0. Играй роль, пока роль не сломает тебя

— ХАДСОН —

Мы оказались в полной жопе.

И, судя по страху на лице Грейс, она тоже это понимает.

Мне хочется сказать ей, что все будет хорошо, но, если честно, и я напуган. Правда, по другой причине, но я пока не готов об этом думать.

Сейчас она сидит на моем диване перед пылающим камином, и ее мокрые после душа кудри блестят в его мерцающем свете. Она надела одну из моих футболок и спортивные штаны, которые ей пришлось закатать.

Никогда она не выглядела более прекрасной. И более беззащитной.

При этой мысли меня начинает одолевать еще больший страх, хотя я и говорю себе, что она совсем не так беззащитна, как кажется. Что она может справиться со всем, что обрушит на нее этот гребанный мир.

Со всем, кроме Сайруса.

Если я что-то и знаю о своем отце, так это то, что он не останавливается, пока не получает желаемое – и к черту последствия.

От этой мысли у меня холодеет кровь.

За всю мою паскудную жизнь я никогда ничего не боялся – не боялся жить и совершенно точно не боялся умереть. Но появилась Грейс, и теперь я живу в постоянном страхе.

Я боюсь ее потерять и боюсь, что если я ее потеряю, то вместе с ней из моей жизни уйдет свет. Я знаю, каково это – жить во мраке, ведь я провел в нем всю мою чертову жизнь.

И я не хочу возвращаться туда.

– Может... – Я прочищаю горло и начинаю снова: – Может, мне принести тебе что-нибудь попить? – спрашиваю я, но Грейс не отвечает. Я даже не уверен, слышит ли она меня – она продолжает смотреть на свой телефон, не желая пропустить ни слова из того, что станет известно о состоянии Флинта. Десять минут назад прибыл специалист, приглашенный, чтобы осмотреть его, и ожидание вести о том, сможет ли Флинт сохранить ногу, кажется, длится уже целую вечность. Я знаю, что она хочет сейчас находиться в лазарете вместе с ним – мы все этого хотим, – но, когда он сказал, что хочет побыть один, мы не могли ему отказать. – Ладно. Хорошо. Я вернусь через несколько минут, – говорю я ей, поскольку мне, как и ей, отчаянно нужно принять душ.

Она все не отвечает, и я начинаю гадать, о чем она думает. Она произнесла всего несколько слов с тех пор, как мы вернулись в школу и обнаружили, что Сайрус одурачил нас, похитив всех учеников, пока мы сражались на острове. Узнать бы, что я могу сделать, чтобы помочь ей, чтобы достучаться до нее прежде, чем все опять полетит в тартарары.

Потому что так оно и будет. Доказательством этому служит то, что Сайрус смог заключить новые опасные союзы. А также то, что ему удалось похитить детей самых могущественных сверхъестественных существ в мире. И теперь ему остается сделать только одно – уничтожить *все*.

Чтобы Грейс не пришлось сидеть в одиночестве и молчании, я подхожу к своему собранию пластинок и перебираю их, пока пальцы не останавливаются на альбоме Нины Симон. Я вынимаю винил из конверта, устанавливаю его на проигрывателе, нажимаю кнопку, жду, чтобы игла с шипением опустилась на диск и комнату наполнил хриплый голос Нины. Я уменьшаю

громкость, чтобы это было больше похоже на фоновую музыку, и, еще раз посмотрев на неподвижно сидящую Грейс, поворачиваюсь и иду в ванную.

Я трачу на душ минимум времени, если учесть, сколько мне надо смыть с себя крови и смерти, и так же быстро одеваюсь.

Я не знаю, почему так спешу, не знаю, что именно боюсь увидеть...

Мое бешено бьющееся сердце замедляет ритм, когда я вижу Грейс там же, где оставил ее. И я наконец признаюсь самому себе – я не хотел выпускать ее из виду, потому что боюсь, как бы она не осознала, что, выбрав меня, совершила ошибку.

Может, это иррациональный страх, раз уж она сказала мне, что любит меня? Раз уж она выбрала меня, несмотря ни на что, зная, каким бременем могут быть мои таланты? Наверняка.

Но значит ли это, что я избавляюсь от этого страха? Нет, и близко нет.

Вот какова ее власть надо мной, и так будет всегда.

– Есть какие-нибудь вести о Флинте? – спрашиваю я и, достав бутылку воды из стоящего в углу холодильника, отношу ей.

– Пока в общем чате ничего нет.

Я пытаюсь отдать ей воду, но она будто не замечает моей руки, тогда я сажусь на диван рядом и ставлю бутылку на стоящий перед нами стол.

Она отводит глаза от огня, устремляет свой страдальческий взгляд на меня и шепчет:

– Я люблю тебя.

Мое сердце снова начинает биться часто и гулко.

Она выглядит сейчас такой серьезной, слишком серьезной, у нее даже сделался какой-то отчаявшийся вид. И я делаю то, что и всегда, когда мне надо отвлечь ее от тягостных мыслей, – поддразниваю ее, на сей раз с помощью нашей излюбленной фразы из кино:

– Я знаю.

Когда ее сумрачных глаз касается улыбка, я понимаю, что сделал правильный выбор. И, протянув руки, сажаю ее себе на колени, наслаждаясь прикосновением ее тела к моему. Опустив глаза, я провожу пальцем по «обетному» кольцу, которое я ей подарил, и вспоминаю обет, данный мной в тот день, вспоминаю убежденность и дрожь в моем голосе, когда я произносил те судьбоносные слова, и у меня теснит грудь.

– Знаешь, – говорит она, и я поднимаю взгляд и снова смотрю ей в глаза, – ты сказал, что если я когда-нибудь предположу, какой обет ты дал, то ты скажешь мне, в чем именно он состоял. Думаю, я поняла, что это был за обет.

Я поднимаю одну бровь.

– В самом деле?

Она кивает.

– Ты дал обет приносить мне завтрак в постель до конца моих дней.

Я фыркаю.

– Это вряд ли. По утрам ты похожа на гремлину.

Ее лицо озаряет улыбка – первая за целую вечность.

– Я просто *напоминаю* гремлину. – Она смеется над своей шуткой, и я тоже смеюсь. Это так здорово – снова видеть, как она улыбается.

– А, знаю, – говорит она, сделав вид, будто обдумывает альтернативы. – Ты пообещал отдавать мне победу в каждом споре?

От этого абсурдного предположения я хохочу во все горло. Она обожает спорить со мной. И вряд ли ей действительно хочется, чтобы я просто сложил оружие и сдался без боя.

– Ну уж нет.

Она моргает.

– Ты когда-нибудь скажешь мне, в чем состоял твой обет?

Она не готова услышать, какой обет я дал, когда еще не знал, полюбит ли она меня. И вместо того, чтобы ответить, я шучу:

– Ну и в чем тут веселье?

Она легко толкает меня кулаком в плечо.

– Когда-нибудь я это из тебя вытащу. – И проводит ладонью по щетине на моем лице. – Ведь на то, чтобы угадать, у меня есть целая вечность, приятель.

Внезапно во мне вспыхивает пламя.

– Я люблю тебя. – Я наклоняюсь и легко касаюсь губами ее губ – раз, другой. Но Грейс явно хочется не этого. Ее ресницы трепещут, она берет мою голову в ладони и требует от меня всего, что у меня есть. Мое дыхание. Мое сердце. Мою душу.

Когда мы оба начинаем задыхаться, я отклоняюсь и смотрю в ее ласковые карие глаза. Я мог бы утонуть в их глубине.

– Я люблю тебя, – снова говорю я ей.

– Я знаю, – подразнивает она, повторив то, что чуть раньше сказал ей я.

– Мой нахальный язык когда-нибудь сведет меня в могилу, – шепчу я, целую ее снова, и в моей голове начинают крутиться мысли о том, как я поднимаю ее и несу на свою кровать. Но она напрягается, и я понимаю, что мое неосторожное замечание о могиле напомнило ей, напомнило нам обоим о том, что мы потеряли и что еще можем потерять. Мое сердце едва не останавливается, когда я вижу слезы в ее глазах.

– Прости, – шепчу я.

Она быстро качает головой, будто давая понять, что мне не стоит корить себя за промах, но этому не бывать. Она закусывает губу, ее подбородок дрожит от сдерживаемой муки, и мне хочется кусать себе локти за то, что, когда она рядом, я сначала говорю, а думаю только потом.

– Малыш, все будет хорошо, – говорю я ей, чувствуя, как все в моем теле превращается в жидкость. Кости, артерии, мышцы – все растворяется, и остается то, чем я был бы без Грейс. Пустой кровотокающей оболочкой.

– Что я могу сделать? – спрашиваю я. – Что тебе нужно...

Она заставляет меня замолчать, приложив к моим губам свои тонкие холодные пальцы.

– Лука умер напрасно. Нога Флинта, сердце Джексона, все... Все это было зря, Хадсон, – шепчет она.

Я опять прижимаю ее к себе, держу в объятиях, пока ее терзают воспоминания о том, что мы пережили, и чувствую, как ее дрожь передается мне, потому что знаю, что у меня больше нет оправданий.

И, обнимая девушку, которую я люблю, – девушку, ради спасения которой я готов на все, – я понимаю, что мое время вышло. И на меня обрушивается та холодная жестокая правда, от которой я старался отгородиться весь последний час.

Все это моя вина.

Все. Все муки, все смерти, вся боль, которую Грейс и остальные испытали на острове, – все это моя вина.

Потому что я был эгоистом. Потому что я не хотел отказываться от нее. Потому что я был *слаб*.

Я всю жизнь бежал от той судьбы, которую выбрал для меня отец, но теперь мне ясно – выбора у меня нет. Эта судьба достигнет меня, хочу я того или нет, ее не избежать. Второй раз мне это не удастся, ведь сейчас на кону стоит счастье Грейс.

И, когда я наконец покоряюсь своей судьбе, мне становится страшно, что это разрушит все.

Глава 1. Иногда две правильности вместе дают одну очень большую неправильность

Мне бы хотелось находиться где угодно, но только не здесь.

Где угодно, только не в середине этой чересчур холодной комнаты, в которой пахнет болью, страданием и антисептиком. Я быстро улыбаюсь Хадсону, затем поворачиваюсь к остальным.

– С чего мы начнем? – Мэйси говорит это тихо, но ее вопрос отражается от голых стен и коек разгромленного лазарета, звуча как выстрел из винтовки.

Это вопрос на миллион долларов, нет, не на миллион, а на миллиард. Но сейчас, стоя перед Мэйси и нашими друзьями, я понятия не имею, как на него ответить.

Справедливости ради надо сказать, что я в шоковом состоянии с тех самых пор, как мы вернулись в Кэтмир и обнаружили, что школа разгромлена, ее стены забрызганы кровью, комнаты раскурочены, а все до одного ученики и учителя пропали. А теперь и Флинт может остаться без ноги. Я раздавлена, и от того, что Флинт так храбрится, мне только становится еще хуже.

Прошел час после нашего возвращения, и пусть даже после душа я стала чище, чувство опустошенности не исчезло. Хуже того, глядя на лица моих друзей – Джексона, Флинта, Рафаэля, Лайама, Байрона, Мекая, Иден, Мэйси, Хадсона, – я вижу, что они так же потрясены, как и я. И, похоже, они тоже понятия не имеют, что будет дальше.

С другой стороны, непонятно, что вообще можно сделать, если мир, каким ты его знаешь, разваливается и ты можешь только наблюдать за его крушением. Если любая стена, которую ты пытаешься удержать, неизбежно обрушивается.

За последние несколько месяцев на нашу долю выпало много тягот и потерь, но это первый раз с тех пор, как погибли мои родители, когда все кажется мне действительно безнадежным.

Даже когда я в одиночку сражалась на арене Лударес, я знала, что все будет в порядке – если не у меня самой, то хотя бы у тех, кто мне дорог. Когда мы с Хадсоном дрались с великанами, я точно знала, что он останется жив. И, когда мы были на острове Неубиваемого Зверя, когда мы противостояли королю вампиров и его войскам, я все равно чувствовала, что у нас есть шанс, что мы сможем придумать, как нам победить Сайруса и его альянс.

И в конце, когда он бежал, мы думали, что нам по крайней мере удалось выиграть битву, если не всю войну. Мы думали, что жертвы – огромные жертвы, – которые мы принесли, были принесены не напрасно.

Так было, пока мы не вернулись сюда, в Кэтмир, и не поняли, что это была не война – и даже не битва. Нет, то, что для нас было схваткой не на жизнь, а на смерть, то, что поставило нас на колени и бросило в бездну отчаяния, вообще не было сражением – это было чем-то вроде способа занять детишек, пока взрослые одерживают победу в *настоящей войне*.

Я чувствую себя дурой... и неудачницей. Потому что, хотя мы отлично знали, что Сайрус коварен и что в запасе у него есть множество хитрых трюков, мы все равно попались на его удочку. Хуже того, из-за него мы потеряли друга.

Они убили Луку, а Флинт потерял ногу.

И, судя по лицам в этом лазарете, я не единственная, кто испытывает такие чувства – мы все испытываем такую ярость и муку, что больше у нас ни для чего не осталось места.

Мэриз, школьный фельдшер и единственный человек, оставшийся в Кэтмире, лежит на одной из коек, синяки и ссадины на ее руках и щеке все еще заметны, несмотря на вампирский обмен веществ, говорят о том, что она дралась упорно. Мэйси приносит ей бутылку с кровью

из ближайшего холодильника, и она, благодарно кивнув, пьет. Похоже, то, что осталось от ее сил, ушло на помощь целителю, который занимался ногой Флинта.

Я смотрю на Флинта, сидящего на койке в углу, положив то, что осталось от его ноги, на подушку, вижу боль на его лице вместо обычной дурашливой улыбки, и у меня разбивается сердце. Он кажется таким маленьким, плечи ссутулились от боли и горя. Усилием воли я заставляю себя стоять прямо, а еще за талию меня обнимает Хадсон, как будто понимает, что без его поддержки я упаду. Его попытки меня утешить должны были бы приободрить меня, если бы в этот момент он не дрожал так же сильно, как и я сама.

Повисает напряженное молчание, затем Джексон прочищает горло и резко говорит:

– Нам надо поговорить о Луке. У нас мало времени.

– О Луке? – спрашивает Мэриз, и в ее хриплом голосе слышится печаль. – Он погиб?

– Да, погиб, – отвечает Флинт, и его голос так же безжизнен, как и его глаза.

– Мы доставили его тело сюда, в Кэтмир, – добавляет Мекай.

– Это правильно. Нельзя было оставлять его на том богом забытом острове. – Мэриз пытается сказать что-то еще, но у нее срывается голос. Она откашливается и начинает снова: – Но вы правы. Времени у нас мало.

– Времени для чего? – спрашиваю я и смотрю на Байрона, который достает из кармана свой телефон.

– Мы должны сообщить родителям Луки, – отвечает он, прокручивая записную книжку своего телефона. – Его надо похоронить в течение двадцати четырех часов.

– В течение двадцати четырех часов? – повторяю я. – По-моему, это очень скоро.

– Да, очень, – соглашается Мекай. – Но, если за это время он не будет погребен в их семейной крипте, его тело распадется.

От жестокости этого ответа – от жестокости этого мира – у меня перехватывает дыхание.

Разумеется, в конце концов мы все обращаемся в прах, но как ужасно, что это должно произойти так быстро. Возможно, даже до того, как родители Луки смогут добраться сюда, чтобы увидеть его. И уж точно до того, как мы сможем по-настоящему осознать, что его больше нет.

До того, как мы по-настоящему попросимся с ним.

– Байрон прав, – тихо произносит Мэйси. – Родители Луки заслуживают, чтобы им дали возможность попрощаться с ним.

– Конечно, они этого заслуживают. Но мы не можем дать им такую возможность, – говорит Хадсон таким тоном, что следующее за его словами молчание походит на пульсирующую рану.

Похоже, никто не знает, что на это сказать, так что все мы просто смотрим на него. Может, я его не расслышала? – думаю я, и, судя по растерянности на лицах остальных, они думают о том же.

– Мы должны им сообщить, – говорит Джексон тоном, не терпящим возражений.

– Что ты имеешь в виду? – спрашивает Мэйси, говоря одновременно с Джексоном. Спрашивает не сердито, а просто с тревогой.

– Им нужно время, чтобы перевезти его в их семейную крипту, – говорит Байрон, но он перестал искать номер – то ли потому, что наконец нашел телефон родителей Луки, то ли потому, что не может поверить в то, что услышал. – Если мы не позвоним им прямо сейчас, то от него ничего не останется.

Хадсон убирает руку с моей талии, и меня пробивает дрожь от утраты его тепла.

– Знаю, – говорит он, скрестив руки на груди. – Но они вампиры и состоят при Дворе вампиров. Откуда мы знаем, что им можно доверять?

– Их сын погиб. – В голосе Флинта звучит возмущение, и он пытается встать. Я поверить не могу, что он уже встает и может двигаться, но у тех, кто может менять обличья, все заживает

быстро при любых обстоятельствах. Джексон поворачивается, чтобы помочь ему, но Флинт со злостью отшвыривает его руку, при этом не сводя глаз с Хадсона. – Не можешь же ты и правда думать, что они встанут на сторону Сайруса?

– Разве это так уж невероятно? – Когда Хадсон поворачивается к Джексону, лицо его ничего не выражает. – Ведь сам ты едва выжил после последней встречи с нашим отцом.

– Это другое дело, – рявкает Джексон.

– Почему? Потому что это Сайрус? Ты действительно считаешь, что он один такой? – Хадсон выгибает бровь. – Если бы это было так, нам не пришлось бы сражаться на том острове с чертовой уймой народу.

Воцаряется тишина, затем Иден говорит:

– Мне больно это признавать, но, по-моему, Хадсон прав. – Она качает головой. – Мы не знаем, можем ли доверять родителям Луки. Не знаем, можем ли доверять хоть кому-то.

– Их сын погиб, – повторяет Флинт, глядя в глаза Иден. – Они должны узнать, пока у нас еще есть время похоронить его. Если вы слишком трусливы, чтобы сделать это, то это сделаю я. – Он злобно смотрит на Хадсона. – Тебе не приходило в голову, что нам вообще не пришлось бы их извещать, если бы ты сделал свою работу?

Я резко втягиваю в себя воздух – его слова бьют меня наотмашь. Очевидно, что он имеет в виду способность Хадсона обращать врагов в пыль силой мысли, и мне хочется наброситься на Флинта за то, что он заговорил о таком, но я знаю, что он страдает, так что сейчас не время.

Хадсон переводит глаза на меня, и я пытаюсь взглядом ободрить его. Но он тут же снова уставляется на Флинта и изумленно раскидывает руки.

– Я же тоже был там и дрался, как и ты.

– Но это не то же самое, не правда ли? – Флинт вскидывает бровь. – Послушать тебя, так ты отдал этой схватке всего себя, но мы все знаем, что это не так. Почему бы тебе не спросить себя: если бы смерть тогда грозила Грейс, вели бы мы сейчас этот разговор или же Лука был бы жив?

Хадсон сжимает зубы.

– Ты не понимаешь, о чем говоришь.

– Это ты так считаешь. – С этими словами Флинт, держась за спинку койки, скачет на одной ноге к паре костылей, стоящих в углу. И подхватив их, молча ковьялет из комнаты.

Хадсон не произносит ни слова. Как и все остальные.

Я ощущаю стеснение в груди при мысли о том выборе, который ему придется делать, о том грузе ожиданий, который лежит на его плечах. Этот груз неподъемен. И он продолжает нести его. Всегда. Однако это вовсе не значит, что он должен нести его в одиночку.

Я обнимаю его, кладу голову ему на грудь, закрываю глаза и слушаю биение его сердца, пока его напряженные плечи не начинают расслабляться, пока его губы в легком поцелуе не касаются моих волос. И только тогда я выдыхаю. С ним все будет в порядке. С нами все будет в порядке.

Но, когда я открываю глаза, мой взгляд падает на наших друзей, и у меня пресекается дыхание.

Сожаление. Гнев. *Осуждение*. Я вижу все это на их лицах, и все это направлено на Хадсона и на меня.

И тут я понимаю, в чем заключается истинная победа Сайруса.

Мы разделены.

Иными словами, мы в полной жопе. Опять.

Глава 2. Противостояние

Все эти темные чувства ясно читаются на их лицах, когда весь Орден становится за спиной Джексона, который с вызовом смотрит на Хадсона. У меня обрывается сердце. Это начинает походить на ссору со стрельбой на Диком Западе, и мне совсем не хочется попасть под перекрестный огонь. Или увидеть, как под него попадет кто-то другой.

Поэтому я становлюсь между Джексонном и моей парой. Хадсон недовольно крикает, но не пытается меня остановить. Может, стоит попытаться объяснить его решения в схватке, защитить его? – думаю я, но в конце концов решаю, что сначала надо заняться Лукой. Совсем скоро он обратится в прах. Мысленно я обещаю себе, что мы еще поговорим о том, чего наши друзья ожидают от Хадсона в бою, но это случится не сегодня. У нас и без того хватает проблем.

– Послушай, Джексон, я все понимаю. – Я в примирительном жесте протягиваю руку к парню, который когда-то был для меня всем. – Это жест, полная жест. Но ты должен понимать, насколько рискованно приглашать сюда родителей Луки.

– Рискованно? – Он устремляет на меня изумленный взгляд и раскидывает руки точно так же, как это только что сделал Хадсон. Все-таки недаром в их жилах течет одна и та же кровь. – А какой ущерб они, по-твоему, могут нанести этому месту? На тот случай, если ты не заметила, здесь и так разруха.

– Не говоря уже о том, что, если им захочется напасть, им нет нужды ждать официального приглашения, – вставляет Байрон. – Ведь это здание совсем не укреплено.

– Да, но они не знают, что мы здесь, – замечает Иден и, выйдя вперед, становится рядом с Хадсоном. – Они вполне могут полагать, что пришли сюда, увидели этот разгром и куда-то сбежали. Кстати, возможно, именно это нам и стоит сделать.

– Известить родителей Луки могу я. – Мэриз садится на койке, и, хотя она все еще бледна, ее раны наконец-то начали заживать. – А вы все укроетесь в каком-нибудь более безопасном месте, подальше от кампуса.

– Мы не оставим тебя, Мэриз, – отчеканивает Мэйси, подходя к койке Мэриз с той стороны, на которой стоят члены Ордена. – Если мы уйдем, то только с тобой.

– Для этого у меня недостаточно сил, – не соглашается вампирша.

– Раз так, то мы никуда не уйдем, пока ты не окрепнешь, – отвечает Мэйси. – К тому же они оставили тебя здесь, считая, что ты мертва, так что очевидно: они знают, что ты на нашей стороне. Если они поймут, что ты жива, то ты станешь для них такой же мишенью, как и мы.

– Они не причинят мне вреда, – возражает Мэриз, но голос ее звучит неуверенно.

– Мы не оставим тебя, – повторяю я и, подойдя к холодильнику, приношу ей еще одну бутылку крови. Она берет ее, делает несколько больших глотков и ставит бутылку на прикроватную тумбочку.

– Родители Луки имеют право знать, – говорит Джексон, но с каждым словом агрессия понемногу уходит из его голоса. – Предатели они или нет, они имеют право похоронить своего ребенка. Во что бы ни вылилось их приглашение сюда, какие бы проблемы оно ни вызвало, мы справимся. Потому что, если мы откажем им в этом... – Он закрывает глаза и качает головой. – Если мы откажем им в этом...

– То мы ничем не лучше Сайруса, – заканчивает Хадсон, похоже, смирившись с неизбежным.

– Есть вещи, ради которых стоит идти на риск, – замечает Мекай. – Например, ради того, чтобы поступить по совести.

Иден прикусывает губу и, кажется, хочет поспорить, но в конце концов просто досадливо ерошит волосы рукой и кивает.

Джексон ждет, не выскажется ли кто-то еще, глядя на наших друзей по очереди. Но, к счастью, неохотное согласие Хадсона, похоже, убедило всех, и, когда никто ничего не говорит, Джексон поворачивается к Мэри.

– Им позвоню я.

И, достав телефон, он переносится к двери и затем в коридор.

– А что теперь? – дрожащим голосом спрашивает Мэйси.

– Теперь нам остается только ждать, – отзывается Хадсон, глядя на дверь, за которой скрылся его брат. – И надеяться, что мы не совершаем огромную ошибку.

Глава 3. У постели больного

Двадцать минут спустя Флинт снова лежит на своей койке, и видно, что он очень слаб. Мэриз готовится к лечению его раны согласно тем указаниям, которые дал ей приглашенный специалист.

– Подожди меня здесь, – говорит она. – Мне надо принести еще бинты.

– А я-то думал, что поднимусь на Динейли, – отвечает он, пытаюсь быть ироничным. Мэриз только качает головой и нетвердой походкой идет в дальний угол лазарета – видно, что она еще не пришла в себя, как бы ни бодрилась перед нами.

Джексон и члены Ордена ушли, чтобы заняться телом Луки, а меня Мэриз попросила привести Флинта обратно, чтобы она смогла осмотреть его ногу. Я думала, что Хадсон тоже уйдет после того, как Флинт устремил на него убийственный взгляд, едва вернувшись в лазарет. Но, к его чести, Хадсон остался. Разумеется, в настоящий момент он стоит, прислонившись к стене, и делает вид, будто смотрит что-то в своем телефоне, но он здесь, готовый оказать поддержку – настолько, насколько Флинт позволит ему сделать это.

Я смотрю на Флинта, пытающегося храбриться несмотря на все, что он потерял, и мое сердце сжимает знакомая паника. Я делаю глубокий медленный вдох, затем выдох и снова вдох.

Мэриз отпирает стеклянный шкафчик, передвигает несколько пузырьков с таблетками и наконец находит то, что искала.

– Вот, тебе пора принять обезболивающее, – говорит она, подойдя к его койке, и протягивает ему две синие таблетки.

После того, как Мэриз промывает его рану и начинает перевязку, Мэйси и Иден принимают расспрашивать ее об атаке на школу.

– Простите, девушки, – говорит Мэриз, так и не сообщив ничего нового. – Мне очень жаль, что я не могу дать вам больше ответов на ваши вопросы.

Мэйси и Иден переглядываются, затем Мэйси отвечает:

– Нет-нет, все нормально. Ты сражалась за свою жизнь – мы все понимаем. Сейчас не лучшее время для расспросов. Нам просто жаль, что ты не знаешь ничего такого, что помогло бы нам понять, каким должен быть наш следующий ход.

– Думаю, вам лучше всего просто остаться в Кэтмире, где вы будете в безопасности, – предлагает Мэриз, собрав использованные бинты. – Нет смысла попадать в руки Сайрусу и давать ему возможность украсть и вашу магическую силу.

– погоди, ведь Сайрус похитил ребят, чтобы иметь рычаг влияния на их родителей и заставить их делать то, что он потребует, – говорит Иден, и ее брови взлетают. – Разве это не так?

Я подаюсь вперед. Неужели мы все истолковали неверно?

Мэриз пожимает плечами и смотрит на ногу Флинта.

– Я ничего об этом не знаю, но я слышала, как один из человековолоков сказал, что молодая магическая сила нужна им для того, чтобы активировать какую-то штуку.

Я резко втягиваю в себя воздух и мотаю головой. *Нет, нет, нет. Этого не может быть.*

– Значит, он похитил их, чтобы украсть их магическую силу? – Голос Мэйси срывается, ее глаза округлились от ужаса. – Но магическая сила неразрывно связана с душой ее владельца. Если Сайрус попытается выкачать ее, дело кончится смертью.

Я перевожу взгляд на Хадсона, чтобы понять, слышал ли он это, и не удивляюсь, увидев, что он уставился на Мэриз, задумчиво прищурился.

– Мне жаль, но это все, что я знаю, – говорит Мэриз и, повернувшись, бросает бинты Флинта в ближайшее мусорное ведро.

Мэйси спрашивает что-то еще, но я ничего не слышу из-за рева крови в ушах. Когда мы вернулись в школу и обнаружили, что Сайрус похитил всех учеников, это привело нас в ужас. Но думаю, все мы полагали, что они останутся в живых, ведь в обратном случае он не сможет использовать их как рычаг влияния на родителей.

Но теперь, когда стало ясно, что они, возможно, нужны ему лишь затем, чтобы украсть их магическую силу, я поверить не могу, что потратила время на то, чтобы принять душ. И что – о боже – я целовалась с Хадсоном в то самое время, когда ученики Кэтмира, возможно, умирали.

Я бросаю взгляд на мою пару и тут же жалею об этом, потому что знаю: мои мысли и чувства написаны на моем лице. Угрызения совести. Стыд. *Ужас*.

Он инстинктивно сжимает зубы, затем, когда до него доходит, как я расстроена, лицо его делается непроницаемым. У меня обрывается сердце. Потому что, как бы ни была раздавлена я сама, это ничто по сравнению с тем, что сейчас, после обвинений Флинта, чувствует Хадсон.

Да, конечно, он сделал вид, что это пустяки, что все это ему нипочем. Я бы не очень беспокоилась, если бы он удерживал этот бесстрастный фасад только перед остальными, но он делает это и со мной – что в его случае показатель невыносимой подавленности.

Мы с Хадсоном не притворяемся друг перед другом – мы никогда этого не делали. Ни тогда, когда он был заперт в моей голове и мы не могли ничего скрыть друг от друга, ни теперь. Наши отношения не таковы. Мы всегда говорим друг другу правду, даже если это неприятно. Так что если дошло до того, что он начал что-то скрывать от меня, то дело плохо. Очень, очень плохо.

От страха я немею и иду в другой конец комнаты – к нему. Надо, чтобы он понял, что он ни в чем не виноват, что случившееся – не его вина. Но тут Мэриз начинает давать Флинту инструкции по поводу его ноги.

Мы все встаем вокруг его койки, желая узнать, как мы можем ему помочь, если это в наших силах. Даже Хадсон убирает свой телефон, хотя и не подходит ближе.

Однако в конечном итоге ни у кого не остается вопросов. Мы все понимаем, что, как бы нам ни хотелось, чтобы дело обстояло иначе, мы можем сделать для Флинта только одно – оказать ему моральную поддержку.

Потому что какой бы магической силой ты ни обладал, существуют травмы, которые не излечить магией, как ни хотелось верить в обратное.

– Мне так жаль, что это случилось с тобой, – говорит Мэйси и гладит руку Флинта от плеча до запястья. – Но мы сделаем для тебя все, что в наших силах. Мы можем отвезти тебя ко Двору ведьм и ведьмаков. Тамошние целители могли бы изготовить для тебя протез.

– Ты говоришь о тех самых ведьмах и ведьмаках, которые только что пытались нас убить? – язвительно спрашивает он.

– Прости. – Ее глаза наполняются слезами. – Я не хотела...

Флинт что-то бормочет и качает головой.

– Не обращай внимания. У меня паршивое настроение.

– Да, если кто-то и имеет право на такое настроение, то это ты, – отвечает Мэйси и смагивает слезы.

Мне становится немного не по себе от того, что я просто стою и смотрю, как Флинт страдает, поэтому я отворачиваюсь, когда Мэриз говорит:

– Зато ты поправляешься даже быстрее, чем это обычно бывает с теми, кто меняет обличья. Твоя рана уже почти затянулась, и я думаю, что твоя кожа восстановится в течение ближайших суток. А пока что тебе нужен антибиотик и еще бинты.

Иден подходит к Флинту и тыкает его кулаком в плечо.

– Ты поправишься, – с жаром говорит она. – Мы сделаем для этого все.

– Да, мы сделаем для этого все, – вторит ей Мэйси.

– Я поверить не могу, что это происходит, – шепчу я, и тут Хадсон оказывается рядом со мной и, положив руки мне на плечи, поворачивает меня лицом к себе.

– С Флинтом все будет хорошо, – говорит он. – *Все* будет хорошо.

Я поднимаю бровь.

– Было бы неплохо, если бы ты действительно верил в это.

Прежде, чем он успевает придумать, что на это сказать, в комнату возвращается Джексон и останавливается с другой стороны от койки Флинта.

– Родители Луки уже выезжают. – Его лицо мрачно, в глазах печаль. – Они придут сюда к утру.

Глава 4. Слишком близки к катастрофе

– Твой отец выкачивает из похищенных учеников магическую силу и, возможно, убивает их, – выпаливаю я. Вероятно, это не лучший способ сообщить об этом Джексону, зато из его глаз тут же исчезает печаль. Теперь в них горит ярость, от которой у меня по спине пробегает холодок.

– Я убью его голыми руками, – бормочет он с таким видом, будто готов сделать это прямо сейчас.

– Давай отложим решение вопроса о том, кто первым убьет нашего дражайшего папашу, до утра, – говорит Хадсон, растягивая слова. – Думаю, сейчас нам всем надо поспать, иначе, если кого-то и убьют, то не Сайруса, а нас самих.

Все ворчат, но мы понимаем – он прав. Я чувствую себя так, будто вот-вот упаду от усталости. Мэриз предпринимает несколько попыток заставить нас воздержаться от опрометчивых решений, но Джексон обещает ей только одно – что мы не покинем Кэтмир до утра. Он дожидается, когда Флинт опять встанет на костыли, затем члены Ордена расходятся по своим комнатам.

Когда мы вслед за ними выходим из лазарета, Хадсон крепко обвивает рукой мою талию и вместе со мной молниеносно переносится к лестнице, ведущей в его комнату. Должна признаться, что иногда умение переноситься приходится очень кстати – мы двигались так быстро, что было невозможно в деталях разглядеть хаос и разрушения, оставшиеся после битвы. Я знаю – рано или поздно мне придется посмотреть на весь этот разгром, но я не уверена, что сейчас я в состоянии смотреть, как именно приспешники Сайруса осквернили место, которое стало для меня домом.

Хадсон осторожно ставит меня на ноги около кровати, глядя при этом на все, что угодно, но только не на меня.

– Тебе надо поспать. А я лягу на диване, чтобы тебе не мешать.

– Мешать мне? Как будто ты мне когда-то мешал. – Он прямо передо мной, но я не могу не заметить, что между нами что-то стоит. – Хадсон, нам надо поговорить о том, что произошло в лазарете.

– О чем тут говорить? – мрачно говорит он. – Произошло то, что произошло.

Я мягко кладу ладонь на его рукав.

– Мне так жаль...

– Грейс, перестань. – Он говорит это твердо, но не зло. И видно, что он далеко не так вымотан, как я сама.

– Почему ты так себя ведешь? – спрашиваю я, и мне становится тошно от того, какой эмоционально зависимой я сейчас кажусь. И еще более тошно от того, какой неуверенной и эмоционально зависимой я *чувствую себя*. – Что не так?

Он смотрит на меня, будто спрашивая: *ты это серьезно?* И я понимаю – *все* не так. Но это не новость. И речь идет не о нас с ним, а всего-навсего обо всем, что нас окружает. Вот только... Вот только, когда он ведет себя так, мне начинает казаться, что речь все-таки о нас.

Мне это не нравится, ведь нам пришлось столько всего пережить, чтобы обрести то, что у нас есть сейчас. И мне точно не нравится то, что он отстраняется, чтобы зализать свои раны, вместо того чтобы разделить свои тревоги со мной.

– Хадсон, пожалуйста, – говорю я и тянусь к нему. – Не делай этого.

– Не делать чего? – спрашивает он.

Я устремляю на него многозначительный взгляд. И это действует – он сжимает зубы и вдруг начинает с большим интересом смотреть на стену за моей головой.

– Поговори со мной, – шепчу я, придвигаясь к нему все ближе, пока наши тела не оказываются так близко, что почти соприкасаются, и мы не начинаем дышать одним воздухом.

Пару секунд он стоит на месте, затем делает шаг назад. И в меня будто вонзается нож.

– Мне нечего сказать.

– Думаю, правду говорят, что все когда-нибудь бывает в первый раз, – говорю я, пытаюсь поддразнить его, надеясь вернуть прежнего Хадсона, самоуверенного и нахального.

Он наконец переводит взгляд на меня, я тоже смотрю на него. И тону в его голубых глазах, бездонных, как океан.

Но чем внимательнее я смотрю, тем больше убеждаюсь, что он тоже тонет. И что бы я ни делала, как бы ни старалась, он не дает мне кинуть ему спасательный круг.

– Позволь мне помочь тебе, – шепчу я.

Он невесело усмехается.

– Мне не нужна твоя помощь, Грейс.

– Тогда что же тебе нужно? – Я хватаю его за руку. – Скажи мне, что тебе нужно, и я сумею тебе это дать.

Он не отвечает, не обнимает меня и даже не сдвигается с места. И меня охватывает страх. Потому что это не мой Хадсон. Это какой-то незнакомец, и я не знаю, как вернуть того Хадсона, который мне знаком и дорог. Я даже не знаю, как отыскать его подо всем этим льдом. Я знаю только, что должна попытаться это сделать.

Поэтому, когда он снова начинает отодвигаться, я обеими руками вцепляюсь в его рубашку, прижимаюсь к нему и пристально смотрю в глаза. И отказываюсь его отпускать. Потому что Хадсон Вега – мой, и я не отдам его тем демонам, которые живут в глубинах его души. Никогда.

Я не знаю, сколько времени мы продолжаем так стоять, но в конце концов чувствую, как у меня сжимается горло, как потеют ладони и в груди зарождается рыдание. Но я все равно не отвожу глаз. И не отпускаю его.

И тут у него сжимаются зубы, кадык начинает двигаться, он кладет руку мне на затылок, запускает ее в мои волосы, запрокидывает мою голову назад, не переставая глядеть в глаза, и говорит:

– Грейс. – И его голос полон такой муки, что все мое тело напрягается от отчаяния. – Прости, – говорит он. – Я не могу... Я не...

– Все нормально, – отвечаю я и притягиваю его лицо к моему.

Мгновение мне кажется, что он сейчас отстранится, что он все-таки не желает меня целовать. Но тут он издает какой-то гортанный звук, и все мои страхи и неудачи уходят, когда его губы неистово припадают к моим.

Только что я пыталась заставить его приоткрыться, а в следующую секунду уже тону в исходящем от него аромате амбры и сандалового дерева и прижимаюсь к его упругому твердому телу.

И мне никогда еще не было так хорошо. Потому что это Хадсон, *мой* Хадсон. Моя пара. И даже когда все катится к чертям, *это* так правильно.

И, словно доказывая это, он прикусывает мою нижнюю губу, его клыки царапают чувствительную кожу в уголках моего рта, и я отдаюсь жару его мрачного и отчаянного сердца.

– Все хорошо, – шепчу я, чувствуя, как его пальцы сжимают мою спину, а его трепещущее тело прижимается к моему. – Хадсон, все хорошо.

Похоже, он не слышит меня – а может, просто не верит мне – и целует меня еще более страстно.

Ударяет молния, гремит гром, но я слышу только его. Я вижу и чувствую только его, даже до того, как его язык проникает в мой рот. У него вкус меда – сладкий, теплый, опасный. От

него невозможно оторваться, и я стону, отдавая ему всю себя. Отдавая все, что он хочет, и умоляя его взять еще больше. Намного, намного больше.

Когда он наконец отстраняется, мы оба задыхаемся. Я пытаюсь продлить это, пытаюсь удержать эту связь между нами, не дать ей ускользнуть. Пока он поглощен мной – пока он поглощен нами, – он не погружен в себя и не изводит себя из-за того, что он не может и не должен изменить.

В конце концов он отстраняется, но я не готова его отпустить. Я продолжаю обвивать руками его талию и прижиматься к нему. *Еще немного, мысленно прошу я. Подари мне еще несколько минут тебя и забвение, которое приходит, когда мы касаемся друг друга.*

Он чувствует, что я на грани – хотя я и пытаюсь это скрыть, – и не двигается с места.

Я жду, что он скажет что-нибудь остроумное, насмешливое или просто абсурдное, как может только он, но он не говорит ни слова. Он просто продолжает обнимать меня и не мешает мне обнимать его.

И пока этого достаточно.

Мы столько всего пережили за последние двадцать четыре часа. Мы сразились с великанами, сбежали из тюрьмы, выстояли в этой ужасной битве, потеряв Луку и едва не потеряв Джексона и Флинта, и по возвращении обнаружили, что Кэтмир разгромлен. Часть меня изумлена тем, что мы все еще можем держаться на ногах. А другая часть просто радуется тому, что это так.

– Прости меня, – шепчет Хадсон, и я чувствую на своем лице его дыхание. – Мне так жаль.

По его стройному сильному телу пробегает дрожь.

– За что ты просишь прощения? – спрашиваю я, отстранившись, чтобы лучше видеть его лицо.

– Я должен был спасти его, – говорит он, встретившись со мной взглядом, и его голос срывается. – Я должен был спасти их всех.

Я вижу, как его терзает чувство вины, и я этого не допущу. Я не могу.

– Ты не сделал ничего плохого, Хадсон, – твердо говорю я.

– Флинт был прав. Я должен был остановить их.

– *Остановить* – значит, обратить сотни людей в пыль? – спрашиваю я, вскинув брови.

Он пытается смущенно отвернуться, но я крепко держу его. Я испытывала подобные боль и чувство вины после того, как погибли мои родители, и это тяжело. И я не позволю, чтобы такое происходило с Хадсоном. Ни за что.

– Ну и что же ты, по-твоему, должен был сделать? – спрашиваю я. – Сделать так, чтобы Сайрус и все остальные, кто нам противостоял... – Я мотаю головой, подыскивая слова. – Просто растворились в воздухе?

– Если бы я это сделал, Лука был бы жив. Флинт не потерял бы ногу. А Джексон и Нури...

– А ты мог это сделать? – спрашиваю я, потому что в самом начале битвы на острове, когда вокруг царил хаос, я чувствовала его растерянность, чувствовала, как он прилагает усилия, стараясь овладеть собой и взять ситуацию под контроль. – В самом начале, когда кругом была неразбериха, ты мог это сделать?

– Конечно, мог... – Он осекается и запускает руку в волосы. – Не знаю. Вокруг был такой хаос. А когда Джексон кинулся в самую гущу схватки...

– Ты тогда кинулся в гущу схватки вместе с ним. Потому что боялся промахнуться и ударить по Джексону и остальным нашим. А ты скорее согласился бы умереть, чем позволил бы, чтобы с Джексоном что-то случилось.

– Ты же видела его тогда, – говорит Хадсон, растягивая слова, и на минуту снова становится самим собой. – Ему явно требуется защита. Стоит мне отвернуться, как у него из груди вырывают сердце или вроде того.

– Я не уверена, что дело обстояло именно так, – фыркаю я. – Но я знаю – ты готов на все, чтобы защитить его и меня. И остальных тоже. Ты не сокрушил всех в пыль в самом начале, потому что ты не мог быть уверен, что не уничтожишь также и кого-то из нас. А когда ты разобрался что к чему и уверился, что не ударишь по нашим, ты пригрозил сделать это и сделал бы, я в этом убеждена.

Он опять уставляется на стену над моим плечом.

– Ты не понимаешь. Никто этого не понимает. Это не так просто. – Он вздыхает. – Я ненавижу эту штуку внутри меня.

– Я знаю. – Я убираю руки с его талии, беру его лицо в ладони и терпеливо жду, пока его взгляд не встретится с моим. – Но я также знаю, что, если бы Сайрус и остальные не убрались, когда ты их предостерег, ты бы уничтожил их всех и сделал бы это ради нас. Я не сомневаюсь, что ты бы сделал это, чтобы защитить нас.

Он смотрит мне в глаза.

– Я бы сделал все, чтобы защитить *тебя*, Грейс.

Но я на это не куплюсь. Хадсон любит меня, я это знаю, но думаю, он и сам не осознает, чем он готов пожертвовать ради каждого из нас, а не только ради меня.

– Чтобы защитить всех нас, – говорю я.

Он пожимает плечами, но я чувствую, что он немного расслабился. И я опять обнимаю его, прижимаю к себе еще крепче, чтобы показать ему, что верю в него, даже если он сам в себя не верит.

– Как бы то ни было... – Хадсон кашляет и добавляет: – Прежде чем опять схватиться с Сайрусом, мне надо будет поговорить с Мэйси о том, как нейтрализовать чары, действующие на органы чувств.

– Чары, действующие на органы чувств?

– Должно быть, Сайрус использовал именно их, – продолжает он. – Он приказал своим ведьмам и ведьмакам сделать что-то подобное со всем его воинством – я почти в этом уверен. Поэтому-то, когда я попытался убедить их отступить, они меня даже не заметили. Как будто...

– Как будто они не слышали тебя, – заканчиваю я.

– Да. – Он качает головой, и на лице его отражается отвращение – не знаю, то ли по отношению к себе самому, то ли к его отцу. – Я должен был предвидеть, что он прибегнет к чему-то подобному.

– Потому что ты всеведущ? – язвительно спрашиваю я. Я понимаю, почему он винит себя – потому что он Хадсон, а значит, готов взвалить на свои плечи бремя всех мировых проблем, но ведь нужно знать меру. – Или потому, что ты бог?

Его беспокойные голубые глаза досадливо щурятся.

– Потому что я знаю своего отца, знаю, как он думает. И знаю, что он не остановится ни перед чем, чтобы получить желаемое.

– Верно. – соглашаюсь я. – Он ни перед чем не остановится. А раз так, то все, случившееся на острове, произошло из-за него, а не из-за тебя.

Хадсон начинает спорить со мной, но замолкает, когда я устремляю на него насмешливый взгляд. Он знает, что я права, готов он признать это или нет.

Кажется, мы стоим так целую вечность, глядя друг другу в глаза, касаясь друг друга, и все, что мы видели и делали, оседает между нами, словно мокрый цемент. Жаль, что я не могу быть уверена, соединяет ли он нас или, наоборот, образует между нами стену.

Потому что эта война далека от завершения. Нам предстоит непростая задача, мы должны спасти ребят до того, как Сайрус убьет их, и нет никаких гарантий, что все закончится так, как мы хотим.

Нет гарантий, что когда-либо хоть что-то будет хорошо.

Поэтому я делаю глубокий вдох и рассказываю ему о страхе, который терзает меня с тех пор, как мы вернулись в Кэтмир.

– Думаю, Корона – не то, чем мы ее считали.

Глава 5. Голос во сне

Хадсон смотрит на мою ладонь, и я почти вижу, как в его мозгу проносятся тысячи мыслей и сценариев, пока он раздумывает над тем, что ответить.

– Если ты не смогла выяснить, в чем состоит ее сила, это вовсе не значит, что этой силы нет.

– Возможно, – с сомнением признаю я. – Но я уверена – я бы что-то почувствовала, если бы у меня появилась дополнительная магическая сила.

– Так же, как ты, прибыв в Кэтмир, уже знала, что ты горгулья? – спрашивает он, вздернув бровь.

От этого вопроса у меня начинает ныть живот, и я засовываю его – а также все возможные ответы – куда подальше. Это далеко не лучшее решение, но пока Неубиваемый Зверь не решит проснуться и ответить на мои вопросы, я больше ничего не могу сделать. Нет смысла психовать следующие несколько часов. Особенно потому, что мне очень, очень нужно поспать.

– О Короне мы можем подумать потом, – говорит Хадсон и, отпустив мою талию, поворачивает меня лицом к большой кровати, которая моим усталым глазам кажется настоящим раем. Он целует меня в макушку. – Почему бы тебе не прилечь?

Я так измотана, что выбора у меня нет – я ложусь и накрываюсь одеялом, а он идет в ванную. Почти сразу мои глаза закрываются, несмотря на намерение дождаться Хадсона. Уже через минуту я погружаюсь в липкую дремоту, и в моем мозгу проносятся образы битвы на острове, как нескончаемая видеонарезка из полувоспоминаний-полуснов.

Я поворачиваюсь на бок, и в моем сознании картины гибели Луки смешиваются с картинами нашего заточения в тюрьме. Мои руки залиты кровью, вытекающей из раны Флинта, затем Реми с его вихрящимися глазами говорит мне, что скоро мы снова увидимся. Я поворачиваюсь, пытаюсь сообразить, где нахожусь. Мое сердце бьется в сумасшедшем ритме. Может, я все еще в тюрьме, может, мне приснилось, что мы освободились и спасли Неубиваемого Зверя – *нет, горгулью*, напоминает мне мой сонный мозг.

Мне тревожно, Грейс. Очень тревожно.

В моей голове звучит голос этой древней горгульи, вторгнувшись в калейдоскоп образов, по-прежнему мелькающих в моей голове. Я пытаюсь пробиться сквозь туман, застилающий мое сознание, но с каждой секундой меня словно затягивает все глубже и глубже в зыбучий песок.

Нет времени, нет времени. Его голос звучит настойчиво как никогда, рассеивая туман. А затем он продолжает, намного более четко, как будто сосредотачивается на каждом слове: *Проснись, Грейс! У нас почти не осталось времени!*

Глава 6. Щелканье, треск и «Поп-Тартс»

Его голос звучит так напряженно, так властно, что я резко сажусь на кровати.

Мое сердце колотится, в ушах ревет кровь, и это похоже на полноценную паническую атаку. Вот только мое сознание остается совершенно ясным, и огромное количество адреналина вызвано волнением, а вовсе не страхом.

Я смотрю на Хадсона, он в кои-то веки спит. Он ровно дышит, на щеке видны еле заметные синяки – напоминание о том, что он пережил за последние два дня. Большая часть отметин от его драк в тюрьме уже зажили, но для того, чтобы прошла усталость и исчезли темные круги под глазами, требуется нечто большее, чем кровь. Я протягиваю дрожащую руку и провожу пальцем по его щеке. Его веки вздрагивают, и я пугаюсь, что разбудила его. Но он со вздохом поворачивается и снова проваливается в сон.

Жаль, что я не могу сделать того же.

Взглянув на свой телефон, я обнаруживаю, что проспала чуть больше семи часов – значит, до утра еще есть время. Когда я встаю, солнце только-только показывается из-за вершины Динейли. Весной на Аляске восход начинается рано – уже в четыре утра.

Небо расписано красным и темно-фиолетовым, и через вытянутые полуподвальные окна комнаты Хадсона видно не только его, но и громады гор. Картинка красивая, что и говорить, но в ней есть что-то зловещее – кажется, близится гроза. Как будто с неба на горы льется кровь, омывая мир печалью и страхом.

Впрочем, не исключено, что я переношу на здешнюю природу собственные переживания. Видит бог, у меня такое чувство, будто сейчас весь мой мир омывает кровь.

Может, вернуться в кровать и поспать еще? Нет, этот поезд ушел. А поскольку у меня нет желания надевать грязную одежду, мне надо добраться до своей комнаты и взять чистые шмотки прежде, чем мы оставим Кэтмир.

Я с трепетом иду через разгромленный вестибюль и, поднимаясь по лестнице, вспоминая, как впервые бродила по здешним коридорам, потому что тогда моя жизнь круто изменилась и я не могла заснуть.

Сейчас я словно нахожусь на краю еще одной пропасти, и мне кажется, что с каждым новым шагом ее край немного осыпается. С той первой ночи столько всего изменилось – моя горгулья, Хадсон, Джексон, даже сам Кэтмир, – и все же у меня такое чувство, будто некоторые вещи не изменились совсем.

Кажется, что здесь вот-вот появится пара человековолоков-убийц и захочет выбросить меня на снег. Я говорю себе, что мои страхи смешны – Сайрус вряд ли отправит сюда своих волков теперь, когда он похитил всех учеников, – и тем не менее поднимаюсь по лестнице к моей комнате, перепрыгивая через ступеньки. Если на нас все-таки нападут враги, я бы хотела по крайней мере быть в штанах во время драки.

Когда я вхожу в нашу комнату, Мэйси крепко спит, так что я стараюсь не шуметь. Я включаю фонарик на телефоне, чтобы не бродить в темноте, в очередной раз досадуя на то, что в отличие от вампиров и человековолоков не могу видеть в темноте. Я направляю луч вниз – света хватает только для того, чтобы не споткнуться и случайно не упасть на спящую Мэйси – и направляюсь к своему гардеробу.

Я беру черный рюкзак и засовываю в него вещи, которые мне понадобятся, если останусь в комнате Хадсона. Пару джинсов, футболку, нижнее белье, косметичку, несколько резинок для волос и – конечно же – коробку вишневого печенья «Поп-Тартс». Если я что-то и уяснила для себя за последние семь месяцев общения с вампирами, так это то, что если я не хочу голодать, то стоит брать с собой перекус. Засунув все это в рюкзак, я надеваю худи, затем сажусь на пол и натягиваю носки и свои любимые ботинки.

Поднявшись с пола, я оглядываю комнату, чтобы удостовериться, что не забыла ничего важного, затем вспоминаю две вещи, без которых я бы не хотела покидать Кэтмир. Я тихонько подхожу к своей шкатулке для драгоценностей, стоящей на туалетном столике, открываю крышку и достаю бриллиант, который мне подарил Хадсон, и кулон, который мне подарил Джексон. Я засовываю обе вещицы в передний кармашек рюкзака на молнии и кладу туда же розовый бальзам для губ, подаренный мне Мэйси, затем перекидываю рюкзак через плечо и на цыпочках иду к двери.

Мэйси шевелится и стонет во сне. Я застываю – вдруг я ей нужна? – но, тихо застонав еще раз, она опять начинает храпеть, к чему я уже привыкла за последние месяцы.

Этот звук вызывает у меня тоску по тому времени, когда еще не началось это безумие, когда я только прибыла в Кэтмир и беспокоилась исключительно о том, насколько громким может стать храп моей кухни – а он порой бывал очень громким. Я смотрю то на Мэйси, то на мою кровать, размышляя о том, не стоит ли мне поспать еще несколько часов... ведь никто не знает, как долго у нас не будет возможности нормально отдохнуть.

Я даже не снимаю ботинки, просто ложусь поверх одеяла, кладу голову на подушку, и убаюкивающий ритм храпа Мэйси помогает мне заснуть.

Нет времени!

Голос в моей голове будит меня. Я смотрю на свой телефон и вижу, что проспала еще два часа. Мэйси все еще негромко храпит, но я знаю, что больше не засну. Возможно, если повезет, я смогу проскользнуть в комнату Хадсона, не разбудив его.

Когда я дохожу до лестницы, в моей голове опять начинает звучать голос Неубиваемого Зверя. *Нет времени. Нет времени. Нет времени.*

Нет времени для чего? – мысленно спрашиваю я.

Я замолкаю и, обойдя лестничную площадку, обнаруживаю, что эта древняя горгулья в человеческом облике сидит за разломанным шахматным столиком у подножия лестницы и держит в руке одну из уцелевших шахматных фигур.

Меня накрывает муторная волна дежавю, когда до меня доходит, что это фигура самой королевы вампиров.

Глава 7. Что-что?

Я констатирую очевидное:

– Ты снова стал человеком.

Он кивает, и я подхожу ближе. Я пытаюсь понять, что тут происходит, но мне это не удается. Я понятия не имею, что мне сказать Неубиваемому Зверю и как вести себя с ним. Он единственная на Земле горгулья, кроме меня, а значит, у меня с ним должно быть что-то общее. Но, по правде говоря, я никогда еще не чувствовала себя настолько непохожей на кого-то – что очень странно, ведь я как-никак слышу его голос в своей голове.

– Как ты? – спрашиваю я, садясь в кресло, стоящее с другой стороны шахматного столика.

– Я обеспокоен. Очень обеспокоен, – говорит он вслух, и я вздрагиваю, услышав его голос. Да, он разговаривал со мной на острове, но я так привыкла слышать его в своей голове, что сейчас мне не по себе.

Я киваю.

– Да, я знаю. Я слышала тебя, когда спала. И когда проснулась.

– Извини. – Он выглядит смущенным. – Надо спешить.

– Не извиняйся. – Я качаю головой. – Но почему надо спешить? В чем дело?

– Время на исходе.

Я не могу определить, говорит он о нас, о себе или о ком-то еще. Я очень надеюсь, что он хочет сказать, что время вышло у Сайруса, но вряд ли мне так повезло.

– У кого время на исходе?

Он не отвечает, а только подается вперед, чтобы подчеркнуть свои слова.

– Время на исходе.

Это не говорит мне ничего нового. Он продолжает повторять «*время на исходе*», и это выбивает меня из колеи – особенно когда я думаю обо всем том, к чему эта фраза может относиться. Может, у нас почти не осталось времени для того, чтобы спасти похищенных учеников? Может, Сайрус собирается вернуться и напасть на нас? Может, Корона на моей руке вот-вот исчезнет?

– О чем ты? Для чего время на исходе? – с досадой спрашиваю я. – Что должно произойти?

Но он не отвечает. Ну еще бы – у него всегда отлично получалось заставлять меня нервничать, выдавая очередное предостережение без всяких деталей. Начиная с туннелей, когда я только что прибыла в Кэтмир, и того странного корявого дерева на кампусе и заканчивая тюремной камерой, где Хадсон, Флинт и я были заперты с Реми и Колдер, он дал мне немало советов. Просто он никогда не уточняет, к чему относятся его советы и что следует делать.

Полагаю, какая-то польза от этого есть, но извлечь ее крайне трудно. Как теперь, когда он протягивает мне фигурку королевы вампиров.

– Ты хочешь поиграть в шахматы? – спрашиваю я, не прикасаясь к фигурке, которая, как я теперь вижу, имеет разительное сходство с Далилой. Спасибо, не надо. Это мы уже проходили, и возвращаться к этому я не хочу. Особенно потому, что, если я буду играть оставшимися фигурами, изображающими вампиров, мне придется прикасаться к королю вампиров, а я по доброй воле не стану приближаться к Сайрусу, даже если речь идет всего лишь о мраморной фигурке. – Если да, то я буду играть драконами.

Неубиваемый Зверь мотает головой.

– Ты не хочешь играть в шахматы?

– Время на исходе. – Он тыкает воздух фигуркой королевы вампиров.

– Ты хочешь сказать, что у королевы вампиров время на исходе? Знаешь, меня это совсем не беспокоит.

На этот раз горгулья вздыхает, как будто он разочарован тем, что я никак не пойму, чего он хочет от меня. Но надо признать – его бессвязная манера выражаться отнюдь не облегчает дела. Впрочем, чему тут удивляться? Если бы я провела тысячу лет на цепи в пещере, регулярно отбиваясь от сверхъестественных существ со всех концов света, которые приходили туда, чтобы убить меня, я бы, наверное, тоже утратила умение говорить и связь с реальностью.

Однако если это действительно так, то надежда понять его становится еще меньше. Ведь если тысячелетняя изоляция свела его с ума, то как вообще можно принимать всерьез то, что он пытается мне сказать?

Теперь вздыхаю уже я сама. Ситуация становится все кошмарнее и запутаннее.

– Грейс.

Он произносит мое имя так настойчиво – и так веско, – что я вся обращаюсь в слух.

– Будь осторожна. Берегись.

Скажи мне что-нибудь такое, чего я не знаю.

– Знаю. Я веду себя осторожно. Поверь мне, мы все очень осторожны, когда речь идет о Дворе вампиров. Сайрус...

– Нет! – Он прищурившись смотрит на меня, а затем с такой силой ударяет по шахматному столику фигуркой королевы вампиров, что, кажется, она разлетится на куски. Но с ней ничего не происходит – от нее даже не откалывается край.

Это кажется мне зловещим. Не хватало еще, чтобы Далила оказалась такой же несокрушимой, как Сайрус.

– Ты говоришь о королеве? – спрашиваю я, протянув руку к фигурке. – Нужно опасаться Далилы?

Я ожидаю, что теперь, когда он высказался, он отпустит фигурку, но он продолжает держать ее даже тогда, когда я тоже обхватываю ее. Наши пальцы соприкасаются, и сквозь меня вдруг проходит странный электрический разряд, который заставляет меня инстинктивно потянуться к платиновой нити моей горгульи. Но прежде чем я успеваю схватиться за нее, меня так ударяет током, что мое дыхание пресекается.

Поначалу я думаю, что это просто статическое электричество, ведь так бывает, когда два человека касаются друг друга. Но со мной такого не бывало с тех пор, когда я впервые превратилась в горгулью – превратилась случайно.

Я собираюсь отнять руку с нервным смехом и попытаться пошутить, но уже поздно. Он опять превращается в камень, и, опустив взгляд, я вижу, что в камень превратилась и я, и наши уже каменные руки продолжают держаться за королеву вампиров.

Глава 8. Полный дурдом

Мне знакомо это чувство.

Это похоже на превращение в камень и в то же время не похоже. Обычно, становясь горгульей, я испытываю странное покалывание, начинающееся в моих ступнях. Затем очень быстро оно охватывает мои ноги и руки, после чего я начинаю ощущать его во всем теле – это похоже на слабые электрические импульсы, которые обостряют мои чувства вместо того, чтобы притуплять их. Я острее чувствую, как бьется мое сердце, как наполняются воздухом легкие, как по жилам бежит кровь. Обостряется и мое восприятие: я вижу и чувствую все, время замедляется, а мои реакции ускоряются.

Но сейчас все не так, совсем не так.

Превращение происходит так же быстро, но теперь я чувствую каждую клеточку тела, чувствую, как электричество захватывает каждое нервное окончание, и это не слабое покалывание, а резкие удары. Боль атакует ноги, руки, грудь, плечи, и она почти невыносима. Когда она доходит до головы, я открываю рот, чтобы закричать, но уже поздно. Мое тело обратилось в сплошной камень, и он заглушает крик.

Мои чувства так перегружены – я так ошеломлена, – что мне только через секунду удастся восстановить дыхание, а на то, чтобы разобраться что к чему, у меня уходит еще несколько секунд. Хотя я по-прежнему понятия не имею, что сейчас произошло и где я нахожусь – здесь или где-то еще. Оглядываясь по сторонам в попытке найти ответ хотя бы на один из этих вопросов, я обнаруживаю, что могу видеть не дальше, чем три фута от моего лица. Все остальное окутано туманной пеленой.

Сначала мне кажется, что я здесь одна, и меня охватывает паника, а в голове начинает роиться множество возможных сценариев. Что, если это какая-то ужасная ловушка, которую Сайрус расставил для меня вместе с этим человеком? Что, если он с самого начала хотел, чтобы мы освободили Неубиваемого Зверя, только чтобы залучить меня сюда?

Но когда я оборачиваюсь и в нескольких футах от себя вижу Неубиваемого Зверя в его человеческом облике, ко мне возвращается способность мыслить здраво. Неубиваемый Зверь ненавидит Сайруса – ненавидит не меньше, чем его ненавидит Хадсон, а может быть, и больше. Король вампиров посадил его на цепь в пещере и продержал там тысячу лет, так что теперь, когда он наконец свободен, он ни за что не станет ему помогать. Я никогда в это не поверю.

Подумав об этом, я делаю несколько шагов в сторону древней горгульи – сейчас он сидит на корточках. Подойдя ближе, я вижу, что он так же ошеломлен, как и я – а может быть, даже больше. Его глаза широко распахнуты, рот слегка приоткрыт, и он трогает пальцами сверкающий пол под нашими глазами.

– Это реально? – шепчет он, ощупывая пол вокруг себя.

– Я собиралась задать этот вопрос тебе, – говорю я, наблюдая за тем, как по его обеспокоенному лицу разливается улыбка – я вижу его улыбающимся впервые с тех пор, как мы встретились.

Это удивительная улыбка, и она полностью преображает его. Благодаря ей он выглядит моложе, красивее, сильнее и горделивее. Когда он выпрямляется, это впечатление усиливается. Теперь он уже не тот изнуренный и потерянный Неубиваемый Зверь, которого мы встретили на острове. Нет, этот человек представляет собой нечто совершенно иное.

Нечто величавое.

Нечто могучее.

Роста в нем шесть футов шесть дюймов – он выше, чем Хадсон и Джексон, и шире их в плечах. Его мускулистые руки туго обтянуты рукавами черной рубашки, поверх нее надета черно-серая бархатная туника, доходящая до середины бедра. Его ноги облегают черные рей-

тузы, он обут в черные сапоги, и, когда он проводит рукой по тонкому бархату, до меня доходит, что я вижу.

Это горгулья в свои золотые годы – до того, как Сайрус заманил его в ту пещеру и превратил в Неубиваемого Зверя. И внезапно – это как удар в грудь – я понимаю, кто он. Кем он должен быть. Этот красивый величавый человек, одетый в богатое платье, которому тысяча лет, не кто иной, как король горгулий. Истинный правитель Двора горгулий, на который я претендовала во время турнира Лударес. Истинный хозяин Короны, которая сейчас красуется на моей ладони.

И внезапно я ловлю себя на том, что понятия не имею, что мне ему сказать. И не следует ли мне отвесить поклон. К счастью, сам он не страдает от такой проблемы. Осмотрев себя и одернув свою тунику, он снова оглядывается по сторонам.

– Хорошая работа, Грейс, – говорит он. – Молодец.

Он говорит с сильным акцентом, но я не могу определить, с каким. Это знакомый английский акцент – не британский, как у Хадсона, не австралийский, как у некоторых из моих любимых актеров, и определенно не американский, но все равно знакомый.

– Вряд ли это моя заслуга, – честно говорю я. – Ведь я совершенно не представляю ни где мы находимся, ни как мы сюда попали.

Его улыбка становится еще шире.

– Ты действительно не понимаешь, где мы находимся?

Я оглядываюсь, всматриваясь в туман, но почти все, что находится дальше, чем в трех футах, окутано тайной.

– Не имею ни малейшего понятия.

– Жаль, что мы дошли до такого. – Он с легкой грустью качает головой, затем машет рукой, и туман рассеивается, так что я наконец вижу, что скрывала его пелена. – Моя дорогая Грейс, добро пожаловать ко Двору горгулий.

Глава 9. Может ли гугл перевести язык горгулий?

Ничего себе.

Наверняка он шутит, не так ли? Не можем же мы в самом деле находиться при Дворе горгулий.

Но, оглядывая этот великолепный двор, я не могу не думать, что он говорит правду. Под ногами у меня мраморные плиты, а над ними, по обе стороны затейливой ограды из золота и драгоценных камней, высятся такие же колонны. Все это – часть парадного входа большого и очень нарядного средневекового замка.

В общем, такой антураж вполне логичен, если учесть, что король горгулий провел в заточении больше тысячи лет. По словам Флинта, Двор драконов с годами менялся и адаптировался к новым условиям, так что сейчас он находится в одном из самых дорогих небоскребов Нью-Йорка. Но поскольку король горгулий был в заточении, а остальные горгульи погибли, Двор горгулий застыл во времени.

Должно быть, мы каким-то образом оказались внутри его воспоминаний и видим великолепие Двора, каким он его видел в последний раз. От этой картины у меня ноет сердце: таким мог бы быть Двор горгулий, если бы не Сайрус.

– Он прекрасен, – говорю я, глядя на этот огромный замок – он по крайней мере в два раза больше Кэтмира. Он выглядит так величественно, что мне ужасно хочется написать его.

Мы стоим во дворе перед замком, но, оглядевшись по сторонам, я обнаруживаю, что и за мной, и передо мной есть много чего еще. Здание окружено огромным рвом, через который перекинут большой подъемный мост, по периметру тянется исполинская каменная стена высотой не меньше семидесяти пяти футов – надо думать потому, что большинство сверхъестественных существ способны чертовски высоко прыгать.

Сам замок тоже имеет внушительный вид: стены венчают каменные зубцы, по углам высятся большие круглые башни.

Здесь полно окон самых разных форм и размеров – мои скромные познания о средневековых замках не позволяли представить такого разнообразия. Но витражи выглядят куда примитивнее, чем можно было бы ожидать. Конечно, я не знаю, на какое время пришелся расцвет витражного искусства. Возможно, тысячу лет назад эти витражи считались очень сложными и изысканными.

В общем и целом замок выглядит так, будто в свое время он соответствовал всем средневековым стандартам.

– Это и есть твой Двор? – спрашиваю я, кружась вокруг своей оси, чтобы все рассмотреть. – Ты – король горгулий и сам построил этот замок?

– Да. Кстати, меня зовут Алистер, – отвечает он, говоря как образованный культурный человек, а не так, как прежде. – Но ты ошиблась, этот Двор не мой. – Он улыбается, беря мою руку с тату Короны. – Это твой Двор, моя дорогая Грейс. Он больше мне не принадлежит.

От этой мысли у меня подкашиваются коленки. Когда я представляла себе, как устрою Двор горгулий на те деньги, которые достались мне во время празднования Дней сокровищ, то думала о чем-то куда менее грозном и величественном. Я представляла себе место, в котором девушка, родившаяся и выросшая в Сан-Диего, могла бы чувствовать себя комфортно.

Я поднимаю взгляд на замок. В нем нет ничего комфортного – все буквально кричит о роскоши и угрозе.

– Но ты король, – говорю я ему, изо всех сил стараясь не обращать внимания на то, как Корона жжет мою ладонь. – И все это принадлежит тебе.

– Я *был* королем. – В его улыбке сквозит сожаление, но не печаль. – Теперь Двором горгулий правишь ты, а значит, этот замок – этот Двор – принадлежит тебе, и ты можешь делать с ними все, что пожелаешь.

У меня падает сердце. Вся эта история с Двором горгулий становится реальной, слишком реальной, несмотря на то, что мы с ним единственные горгульи на Земле. Если мы сумеем победить Сайруса, то мне придется занять место в Круге, и меня это пугает.

– Поэтому ты и перенес меня сюда? – спрашиваю я, пытаюсь уложить все это в голове. – Чтобы показать мне, чем я владею?

Алистер смеется.

– Мне жаль разочаровывать тебя, Грейс, но это не я перенес тебя сюда, это ты перенесла сюда меня. И я так этому рад. Это... – Он замолкает, оглядывается по сторонам и снова проводит рукой по богатому бархату своей туники. – Приятно вновь очутиться тут, пусть даже ненадолго.

– Я не понимаю. Как это? Как я могла перенести тебя сюда? Я даже не знала, что это место существует...

– И тем не менее ты смогла доставить нас сюда. Это впечатляет, очень впечатляет. – Он качает головой, и на его лице отражается восхищение. – Ты намного, намного сильнее, чем я полагал, хотя я отнюдь не считал тебя слабой.

Должно быть, моя растерянность написана на моем лице, потому что Алистер машет рукой.

– Давай пройдемся, и я попытаюсь ответить на все твои вопросы.

– Их у меня много, – замечаю я, и мы идем по этому огромному древнему двору, как будто у нас здесь послеобеденное чаепитие, как будто сейчас не раннее утро и мы не знаем, что скоро на нас нападут Сайрус и его воинство, чтобы попытаться уничтожить все, что нам дорого. – Начать хотя бы вот с чего – как тебе удастся разговаривать здесь с такой легкостью? Ведь обычно, когда ты говоришь со мной, это стоит тебе немалых усилий.

Он надменно поднимает бровь, и я быстро извиняюсь, всплеснув руками:

– Я не хотела тебя обидеть.

– А я и не обиделся, – отвечает он. Но его лицо остается суровым, и он по-прежнему щурит глаза.

Однако перемены, произошедшие в нем, просто невероятны. Да, я понимаю, что он был заточен в камне тысячу лет, и это оставило на нем ужасные следы. Он определенно внушал страх, будучи Неубиваемым Зверем. Но теперь в этом короле горгулий, в этом Алистере есть нечто куда более угрожающее.

Мы проходим еще несколько ярдов, и каблук на сапогах Алистера громко стучат по полированному мрамору. Я уже начинаю думать, что он не ответит на мой вопрос, несмотря на свое обещание, когда он говорит:

– Управлять нашим народом нелегко. Такая власть налагает на тебя множество обязательств – как по отношению к миру, так и к нашим людям. И одно из этих обязательств заключается в том, чтобы оставаться открытым для них – всегда.

Он делает медленный долгий вдох и продолжает:

– Горгульи были созданы идеальными миротворцами, способными установить равновесие между обыкновенными людьми и сверхъестественными существами. И один из наших особых талантов, как ты наверняка уже поняла, это способность общаться друг с другом при помощи телепатии. Она позволяет нам координироваться во время конфликтов и более эффективно нести дозор.

То, что он говорит, имеет смысл, подобный вывод можно было сделать и из рассказа Карги, но мое сердце все равно начинает биться быстрее – ведь я наконец узнаю больше о том, что значит быть горгульей – притом от такой же горгульи, как я сама.

Он продолжает:

– На небольшом расстоянии общаться телепатически могут все горгульи. Так можно координировать действия боевого подразделения. Разумеется, есть несколько командиров, способных общаться на гораздо больших расстояниях. – Он поворачивается и смотрит мне в глаза. – А горгульи королевской крови могут говорить со всеми нашими, независимо от расстояния. Это наш народ, и мы можем слышать их всегда, когда нужны им. Это одновременно и дар, и бремя.

Что ж, в теории это звучит красиво – король, имеющий такую тесную связь со своими подданными, что они могут обратиться к нему в любое время, чтобы привлечь его внимание. Однако легко себе представить, как это утомительно – каждый день, каждую минуту слышать тысячи голосов.

– Разве ты не можешь заглушить эти голоса? – спрашиваю я.

Он кивает.

– Мы можем их фильтровать. Но запертый в обличье горгульи на протяжении тысячи лет, я мало-помалу утратил контроль над этим даром, потерял способность заглушать голоса и отвечать. В моей голове постоянно звучат тысячи голосов, они умоляют меня помочь им, спасти их, освободить их. Кричат от муки, не понимая, почему я не пришел, почему не отозвался на их мольбы. – Его голос становится сиплым. – Столько голосов...

Это звучит ужасно.

И тут мне в голову приходит еще одна мысль. Такая ошеломляющая, такая трепетная, что мое сердце начинает бешено колотиться.

Откуда могут взяться эти тысячи голосов, не дающие ему мыслить ясно, если мы с ним единственные две горгульи, оставшиеся на Земле?..

Я собираюсь задать ему этот вопрос, но тут он вскидывает одну бровь и говорит слова, от которых у меня обрывается сердце, а голова идет кругом.

– Но ты наверняка сама знаешь, каково это, внучка. Должно быть, твое сознание тоже переполняют голоса Армии горгулий, да?

Глава 10. Переверни мой мир

В этом заявлении столько всего, что надо расшифровать, что я даже не знаю, с чего начать.

Внучка? Армия горгулий? Я тоже должна слышать их голоса? Голоса существ, которые, как все думают, мертвы? От одной этой мысли к горлу подступает тошнота. Что же мне на все это сказать? И что мне делать с моим сердцем, перешедшим в режим свободного падения, когда он произнес слово «внучка»?

Впрочем, пожалуй, я знаю, с чего начать. Само собой, упоминание об Армии горгулий, которая должна говорить со мной – и которая существует – это чертовски важно, но лично для меня это совсем не так важно, как то, что король горгулий – мой дед? – сказал перед этим.

– Внучка? – спрашиваю я, едва не поперхнувшись этим словом по множеству причин – во-первых, у меня никогда не было ни дедушек, ни бабушек. Мои родители сказали, что они умерли задолго до моего рождения.

А во-вторых, как король горгулий – *король горгулий* – может быть моим дедом? Ведь последнюю тысячу лет он сидел на цепи в пещере, а моим родителям было лишь немного за сорок, когда они погибли. Так что это не имеет смысла. Впрочем, в настоящий момент вся эта история не имеет смысла, включая утверждение Алистера, что это я перенесла нас обоих ко Двору горгулий.

– Нет, ты, конечно, не приходишься мне родной внучкой, но ты определенно мой потомок – правнучка со многими «пра», и у тебя точно есть дар.

Ну хорошо, если я его прапрапра – и так далее – внучка, то это все-таки имеет смысл. Но почему он уверен, что мы с ним родня? Ведь у меня нет ни его орлиного носа, ни его серых глаз. Я думаю о том, насколько король горгулий внушительен и полон достоинства, в то время как я обычно чувствую себя бестолочью, и моя кожа под мятым худи начинает зудеть от прилива адреналина.

Теперь мы идем вдоль края двора, через каждые несколько футов здесь высажены розовые кусты. Похоже, эти кусты находились в спячке, но как только мой прапрапра – этих «пра» слишком много, чтобы их можно было сосчитать – дедушка проходит мимо, они оживают. Это невероятно, и я начинаю гадать, не связано ли это с магией земли, которая подвластна горгульям и которую я только недавно начала понимать. Это напоминает мне кое о чем...

– Что ты имел в виду? – спрашиваю я, когда оживает еще один розовый куст – на нем расцветают розы такого необычного ярко-кораллового цвета, что я улыбаюсь, несмотря на серьезность ситуации. – Когда сказал, что у меня точно есть дар?

– Я был сопряжен с твоей бабушкой почти две тысячи лет, и я не могу не узнать ее дар. И ты, моя дорогая, определенно наделена им. – Он подмигивает. – А кроме того, ты настоящий боец. Ты, как и я, смела, и у тебя такая же сильная воля.

Я совсем не уверена, что это так, ведь, как правило, не я выбираю свои битвы, а они выбирают меня. Я не убегая от них, но и не ищу их. Просто в этом новом для меня мире так много существ, желающих мне смерти. А поскольку я не хочу умирать... мне остается только сражаться. Но сейчас не время обсуждать мои боевые инстинкты, ведь мой дед только что взорвал еще одну бомбу.

– Значит, у меня есть и бабушка?

– Конечно, есть. И она потрясающая женщина, самая храбрая и упрямая из всех, которых я когда-либо знал. – Он окидывает меня взглядом. – Я хочу сказать, знал до сих пор.

Кажется, ему хочется что-то добавить, но вместо этого он делает паузу и смотрит перед собой невидящим взглядом, как будто ищет что-то внутри себя. Я начинаю думать о том, что он сказал мне, когда отдал Корону – с каким жаром говорил о той женщине. Значит, это и

есть моя бабушка? Но в таком случае как она может быть жива, если Алистер и я – последние горгульи на планете?

Я хочу спросить его об этом, но тут он облегченно вздыхает, и его расфокусированный взгляд снова становится осмысленным.

– Она все еще жива. Я знал, что она должна быть жива, но поскольку ты ничего о ней не знаешь, я испугался... – Он мотает головой, словно затем, чтобы избавиться от навязчивых мыслей. – Но с ней все в порядке. Тебе надо будет познакомиться с ней. Возможно, ты сможешь взять меня с собой. Она сердится на меня вот уже тысячу лет, но я знаю – она скучает по мне. И мне тоже очень, очень ее не хватает.

– Она жива? – спрашиваю я, и меня охватывает волнение. – Значит, на свете есть еще одна горгулья? А я считала, что мы единственные.

На лице Алистера отражается изумление.

– Начнем с того, что твоя бабушка укусила бы тебя – или превратила во что-то склизкое, – если бы хотя бы заподозрила, что ты приняла ее за горгулью. Она любит меня, но смотрит немного свысока на нас, существ из камня.

Он смеется, закатив глаза, и на мгновение у него делается мальчишеский вид – сейчас он совсем не похож на измученного Неубиваемого Зверя, которого мы так старались освободить. И я смеюсь вместе с ним.

Но затем он становится серьезным.

– Твоя бабушка – моя пара, любовь всей моей жизни.

Мое сердце разрывается от мысли о том, чего он не сказал – что он провел в разлуке со своей парой тысячу лет. Я думаю о Хадсоне, о том, какой защищенной и счастливой чувствую себя в его объятиях, а затем начинаю думать о том, каково бы мне было в разлуке с ним. В разлуке не на день или два, а на целую вечность.

Это тяжело, это невозможно даже представить. И из-за этого я еще больше сочувствую Алистеру и его паре, кем бы она ни была.

Он пытается сморгнуть слезы, чтобы скрыть их от меня.

– Как ты думаешь, ты смогла бы доставить ее сюда, к нам? Хотя бы ненадолго? Мне так ее не хватает.

– Я... – Мой голос срывается, и я откашливаюсь, пытаюсь придумать, что ответить ему. Я бы с удовольствием доставила ее сюда, если бы знала, где мы сейчас находимся. Или где находится она. Или как я перенесла нас обоих в это место, которого никогда прежде не видела и о существовании которого даже не подозревала.

– Я была бы рада это сделать, – наконец говорю я, потому что это правда. – А ты знаешь, где сейчас твоя пара?

– Нет, не знаю. Я просто предположил, что она уже смогла отыскать тебя... – Он замолкает, тяжело вздохнув. – Что ж, жаль. Я очень надеялся, что увижу ее сейчас, а не потом. Она приглушала голоса в моей голове, когда никто другой и ничто другое не могли этого сделать. И я надеялся, что она сделает это, чтобы я смог помочь тебе разработать стратегию для предстоящей битвы.

Эти слова ошеломляют меня.

– Значит, только она может заглушить эти голоса? – спрашиваю я.

– На данный момент да, – мрачно отвечает он.

– Несмотря на то, что они мертвы? Они все равно разговаривают с тобой?

– Мертвы? – На его лице отражаются растерянность и обида.

– Я хочу сказать, что они исчезли. – Я быстро меняю галс, потому что мне совсем не хочется обидеть его. – Несмотря на то, что они исчезли?

На сей раз у него делается озадаченный вид.

– Горгульи никуда не исчезали, моя дорогая. Они окружают нас со всех сторон и не перестают говорить ни на миг.

Теперь растеряна уже я сама.

– Что ты хочешь этим сказать? В каком смысле они окружают нас со всех сторон?

Возможно, столько лет в изоляции повредили его рассудок больше, чем я думала.

– Они окружают нас со всех сторон, – повторяет он и машет рукой, словно зазывала на карнавале.

Затем он протягивает руку к огромным деревянным дверям замка, к которым мы идем, и распахивает их. За ними оказывается еще один двор, еще более просторный. И там я вижу десятки горгулий, и каждая держит в руках массивный меч и еще более массивный щит.

Глава 11. Легкие, как перышко, твердые, как камень

От изумления я разеваю рот. Я много месяцев думала, что я единственная горгулья, оставшаяся на земле, и вот теперь – прямо передо мной – их столько, что они целиком заполнили двор размером почти с футбольное поле.

– Они... они настоящие? – спрашиваю я, с трудом выдавливая слова из внезапно сжавшегося горла. Я ошеломлена – приятно ошеломлена, – обнаружив, что на свете я не одна такая, что здесь много таких, как я.

Я люблю Хадсона, и Джексона, и Мэйси, и Флинта – и всех остальных моих друзей – и знаю, что мне всегда найдется место среди них. Но это не значит, что мне никогда не хотелось быть такой же, как они, столь же уверенной в том, что я собой представляю в мире, который постоянно переворачивает меня вверх тормашками. Да, у всех их есть свои заботы и сложности, но у них хотя бы нет проблем с самоидентификацией. Хадсон – вампир до мозга костей, во Флинте все буквально кричит, что он дракон. А Мэйси явно ведьма.

А главное, они знают, что это *значит*: что они умеют делать, что им по силам и что они могут выдержать.

Что до меня... несколько месяцев назад я могла бы сказать, что точно знаю, кто я такая. Я и теперь знаю – по большей части. Я люблю искусство, старые фильмы, историю и Гарри Стайлза, «Доктор Пеппер», а еще мне нравится часами танцевать. Прежде чем погибли мои родители, я подумывала о том, чтобы поступить в Калифорнийский университет в Санта-Круссе, чтобы стать океанологом и изучать сохранение морской среды. Теперь же я живу на Аляске – и останусь здесь еще на какое-то время. Я не знаю, что произойдет в ближайшие десять минут, не говоря уже о ближайших четырех годах. И я горгулья. Это клево – правда клево, причем по множеству причин. Мне это очень нравится. Но сейчас, когда я стою перед двором, полным таких же сверхъестественных существ, как я, до меня доходит, что до этого момента какая-то часть меня чувствовала себя одинокой. Какой-то части меня хочется иметь того, с кем можно было бы сверять часы, с кем можно было бы разговаривать обо всем том, что творится внутри меня, и кто понимает, каково это – быть горгульей.

И сейчас я вижу перед собой множество тех, кто понимает, каково это. Они знают нашу историю и знают, на что мы способны. Я с ними еще не знакома и, возможно, не познакомлюсь, но раз они существуют, то я могу чувствовать себя немного меньше одинокой.

– Да, моя дорогая девочка, они настоящие. – Алистер снисходительно улыбается мне. – И те горгульи, которых ты видишь, это всего лишь капля в море, на свете существует намного больше горгулий – целая армия. Все они только и ждут возможности вернуть себе имя и честь. Они жаждут отвоевать свое место в мире под предводительством своей королевы. Своего командира.

Мое сердце трепещет. Я уже почти привыкла к мысли о том, что я горгулья, и, возможно, даже к тому, что я стала главой Двора горгулий и членом Круга. Но так было тогда, когда я считала, что других горгулий не осталось. И вот теперь я узнаю, что в мире множество горгулий, что я должна быть их королевой – *их командиром*, – и это просто не укладывается в моей голове. Хорошо, что пока нас никто из них не заметил. Ведь мне нужно какое-то время, чтобы все это переварить.

– Ты хотела бы познакомиться с некоторыми из них? – спрашивает меня Алистер.

– Я могу с ними познакомиться? – Мое сердце начинает биться еще быстрее. – Я могу с ними поговорить?

– Разумеется. Ведь ты как-никак королева горгулий.

– Но, если я их королева, – говорю я, позволив ему провести себя через двери, покрытые искусной резьбой, – тогда кем же это делает тебя?

Похоже, мои слова заставляют его призадуматься, и поначалу мне кажется, что он мне не ответит. Но тут он смотрит на меня искоса и говорит:

– Надеюсь, твоим доверенным советником.

Массивные двери затворяются за нами со зловещим стуком, и я невольно начинаю думать, что не только Алистеру недостает сейчас своей пары. Было бы здорово, если бы сейчас рядом со мной появился Хадсон, чтобы прикрывать мою спину, ведь я оказалась в ситуации, которой никогда себе не представляла и к которой никогда не готовилась.

Алистер делает еще несколько шагов вперед, и я следую за ним, переводя взгляд с одной группы горгулий на другую. Хотя все они вооружены и находятся в каменном обличе, оружие не обнажено. Они стоят группами по двое, иногда по трое или четверо. Все они высоки и мускулисты – и намного крупнее, чем я, – но среди них нет никого, кто был бы выше Алистера или более широкоплеч. Даже в своем прежнем обличе горгульи – не в обличе Неубиваемого Зверя – он на целую голову выше большинства из них.

Здесь есть только одна горгулья в человеческом обличе – высокий мужчина, стоящий впереди. Он одет примерно так же, как и Алистер – в тунику и рейтузы, – но его платье выдержано в изумрудно-зеленых и золотистых тонах, а не в черных и серых, как у Алистера. Он также единственный, кто не вооружен.

Однако, когда он кричит «Приготовиться!», все во дворе тотчас закрываются щитами и скидывают мечи.

Я ожидаю, что сейчас раздастся звон стали, ударяющейся о сталь, но несколько долгих секунд проходит в тишине, затем мощный мужчина зычно кричит:

– Айонсаф!

Я понятия не имею, что означает это слово, но это явно та самая команда, которой ждали горгульи. Его крик все еще отдается эхом по двору, когда горгульи начинают тренировочные бои, ударяя мечами о мечи или щиты, прыгая, кружась и даже делая сальто в воздухе. Эти горгульи огромны, тяжелы, однако движутся так, будто их тела сделаны из перьев, а не из камня.

Высокая крепкая девушка выкрикивает что-то на языке, которого я не понимаю, одновременно с силой опуская свой меч на своего противника. Он подставляет край своего щита, но, когда меч ударяется о щит, она резко поворачивается, прыгает, кружась в воздухе, и в конечном итоге, описав мечом дугу, бьет его клинком плашмя по спине. Он отлетает и растягивается на земле, закрывшись щитом, а она опять заносит меч. В последний момент она улыбается, вкладывает меч обратно в ножны и протягивает ему руку, чтобы помочь встать. Он закатывает глаза, говорит что-то на незнакомом языке, и она, запрокинув голову, смеется. Еще несколько секунд – и они оба принимают человеческое обличе.

Она негритянка с золотисто-коричневой кожей и короткими волосами, заплетенными во множество красивых косичек.

– Ты все еще считаешь, что я дерусь как девчонка? – насмешливо спрашивает она.

– Прямо в точку, – отвечает он с индийским акцентом. – Жаль, что сам я дерусь не так, как ты. – Он начинает делать какое-то замысловатое движение мечом, затем обрывает его. – Послушай, ты покажешь мне, как ты проделала этот свой приемчик, это движение запястьем?

– Само собой.

Когда она начинает демонстрировать ему фехтовальный прием, я перевожу взгляд на другую группу. Она состоит только из горгулий-мужчин, они без преувеличения огромны – каждый как два игрока в американский футбол – и вооружены массивными мечами и щитами. Сейчас двое из них сражаются против третьего, самого крупного. И он побеждает обоих.

Алистер и я стоим и смотрим на тренировку. Мужчина в зеленом, который с самого начала был в человеческом обличе, переходит от одной группы к другой, раздавая советы и отпуская критические замечания: «осторожнее, осторожнее», «поворачивай запястье, когда

выполняешь этот прием», «не опускай плечо», «повернись на пятке». Кажется, ничто не укрывается от его орлиного взора.

Каждая горгулья, к которой он обращается, старается выполнить его указание тут же, едва только он отходит. Это потрясающе.

– Кто это? – наконец спрашиваю я Алистера, когда мужчина в зеленом начинает обходить двор по третьему кругу.

– Это Честейн. Он был моей правой рукой, сколько я себя помню. – Алистер замолкает и задумчиво смотрит на своего старого друга. – А теперь, видимо, стал твоей. Ты хочешь с ним познакомиться?

Вот это да. Это быстро становится все более и более реальным. Я делаю долгий выдох и говорю то единственное, что могу сказать.

– Да, конечно. Очень хочу.

Ведь королеве действительно нужно знать, кому она может доверять. Не так ли?

Глава 12. Много рока и немного ролла

– Честейн! – зовет Алистер, подзывая его рукой. Мужчина в зеленом дает одной из групп еще несколько указаний, на сей раз на том же самом незнакомом языке, затем поворачивается к Алистеру – и его глаза округляются от изумления.

– На каком языке они говорят? – спрашиваю я, ожидая, пока Честейн подойдет к нам.

Алистер поднимает брови.

– На английском?

Я смеюсь.

– Я знаю, что они говорят по-английски. Но они также разговаривают на каком-то другом языке. На каком?

– О, дитя мое, это гэльский. Ты его не узнала?

– Гэльский? – Я удивленно оглядываюсь по сторонам. Как только я повторяю это слово, все встает на свои места – теперь понятно, почему акцент Алистера кажется мне таким знакомым. Неудивительно, что его речь так похожа на речь Нила Хорана. Он ирландец. – Значит, мы в *Ирландии*?

– Да, – отвечает Алистер, продолжая глядеть Честейну в глаза, пока тот, широко шагая, приближается к нам. – А если точнее, то в графстве Корк.

– Корк? – Я призываю на помощь свои довольно неглубокие знания географии Ирландии. – Это графство находится у моря, да?

– Да, у моря. Разве ты не слышишь его? – спрашивает Алистер. – Мы на побережье.

Поначалу я не понимаю, о чем он, поскольку ничего не слышу, но тут во двор входят еще две горгульи. И едва они отворяют тяжелые деревянные двери, как мне становится ясно, о чем он говорил. Я слышу его – шум волн, снова и снова ударяющихся о скалы.

Мы на берегу океана! А если не океана, то по крайней мере моря. Я уже много месяцев не была в такой близости от большой воды, и мне ужасно хочется выбежать из этого замка и побежать к побережью. Я так давно не была на пляже, а теперь, когда он здесь, рядом, и я могу на нем постоять – могу коснуться воды, – я не могу думать ни о чем другом.

Но в этот момент Честейн подходит к нам, и они с Алистером обнимаются и хлопают друг друга по спине. Затем Честейн говорит:

– Мой король, я думал – мы все думали, – что с тобой случилось худшее. Тебя не было так долго, но мы никогда не теряли надежды.

Мои глаза округляются, когда до меня доходит, что никто здесь не знал, что произошло с Алистером, что на него тысячу лет велась охота и что он все это время сидел на цепи в пещере на необитаемом острове, не имея возможности вернуться к своему народу. Я даже представить себе не могу, что чувствуют все эти горгульи, увидев его сейчас, узнав, что он жив и вернулся к ним, и гадая, почему он так долго отсутствовал.

Улыбка в глазах Алистера гаснет.

– Мне очень жаль, что меня не было так долго. Особенно после того, что с вами сделала моя пара. Просто знайте, что иначе было нельзя – теперь я это понимаю. Все, что произошло, произошло не без причины. А теперь, друг мой, надо поспешить, чтобы подготовиться к тому, что произойдет в ближайшее время.

– Мы готовы, мой король. Мы не пропустили ни одной тренировки с тех пор, как...

Они многозначительно переглядываются.

– Да, так вот, за мое спасение и возвращение мы должны благодарить эту юную леди. – Алистер поворачивается ко мне. – Честейн, это моя прапрапра... – Он смеется. – Знаешь, что? Я просто забуду, сколько этих самых «пра» нас разделяет, и буду называть ее внучкой. Это моя внучка Грейс, новая королева Двора горгулий. Грейс, это Честейн, мой самый старый и

лучший друг. Он много веков был моим заместителем и вторым командиром самой великой армии, которую когда-либо видел свет. Не стесняйся обращаться к нему в любое время, Грейс, если у тебя возникнут вопросы относительно твоей армии.

Глаза Честейна широко раскрываются. Я не знаю, потому ли это, что я внучка Алистера, или потому, что он потрясен его заявлением о том, что теперь Двором горгулий правлю я – так же потрясен, как была потрясена я сама, узнав, что на свете есть множество горгулий и что у меня есть подданные.

Как бы то ни было, чтобы не показывать свое удивление, он наклоняет голову и отвечает мне низкий поклон. Все горгульи во дворе прерывают тренировку, поворачиваются к Алистеру и ко мне – и тоже падают на колени в глубоком поклоне.

Все это чертовски странно.

Глава 13. Время – не единственная вещь, которая искривлена

– Для меня честь познакомиться с тобой, моя королева.

– А для меня честь познакомиться с тобой? – Мои слова звучат как вопрос, но не потому, что для меня это не честь, а потому что я чувствую себя не в своей тарелке, когда он зовет меня королевой.

Он протягивает мне руку, не переставая кланяться. Озадаченная, я хочу пожать его руку, но Алистер останавливает меня, покачав головой. Я недоуменно смотрю на него, и он с улыбкой поднимает свою собственную руку и показывает ее мне.

И тут я впервые замечаю, что он носит на пальце затейливое золотое кольцо с квадратным изумрудом размером с большую игральную кость. Он прекрасен – прозрачный, насыщенного зеленого цвета и явно очень дорогой. Я с ужасом смотрю, как Алистер снимает перстень с пальца и протягивает его мне.

– Что? – мой голос срывается уже во второй раз за последний час, когда я задаю вопрос, ответа на который очень боюсь. – Что ты делаешь?

Он бросает на меня укоризненный взгляд, который говорит мне, что мне в самом деле есть чего бояться, а затем берет мою правую руку и надевает кольцо на безымянный палец. Я ожидаю, что кольцо будет мне велико – руки Алистера намного крупнее моих, – и инстинктивно сжимаю ладонь в кулак, чтобы оно не соскользнуло. Но каким-то образом перстень оказывается мне впору. Он жутко тяжелый и такой большой, что им можно выбить глаз, но он определенно сидит на моем пальце, как влитой.

У меня обрывается сердце. Пусть формальной коронации еще не было, но что-то подсказывает мне, что это кольцо имеет не только символическое значение и что теперь обратной дороги нет. *Этого не может быть, я к этому не готова. Этого не может быть.* Эти фразы крутятся в моей голове, когда Честейн берет мою руку и целует кольцо. Мое кольцо.

Думаю, ничто никогда не внушало мне больший ужас, чем этот момент. Я не боялась так ни тогда, когда в одиночку сражалась на арене Лударес, ни тогда, когда была заперта в той жуткой тюрьме, ни даже во время битвы на острове Неубиваемого Зверя. Потому что быть королевой... это тяжелое бремя.

Это было тяжелым бременем и тогда, когда речь шла только обо мне. Теперь же, когда я должна править всеми этими горгульями, когда я несу ответственность за их безопасность, хотя мне с трудом удастся защищать себя, это просто невыносимо, непостижимо. Однако кольцо надето на мой палец, и это значит, что мне необходимо это постичь.

Наконец – *наконец* – Честейн отпускает мою руку и выпрямляется.

Кажется, он ожидает, что я что-то скажу, но я понятия не имею, что мне надо говорить – что в этом случае велит обычай. Я говорю «спасибо», и Алистер смеется, а Честейн бросает на меня недоуменный взгляд.

Я пытаюсь понять, что еще тут можно сказать, но прежде чем мне что-то приходит в голову, Честейн смотрит на Алистера и говорит:

– Итак, старина, может, покажем ей, как это делается?

Поначалу у Алистера делается такой вид, будто сейчас он откажется от этого предложения, что бы за ним ни стояло, но затем он широко улыбается и отвечает:

– Непременно, старина.

И у них в руках вдруг оказываются мечи и щиты. Я едва успеваю сообразить, что происходит, и отбежать в сторону, когда Честейн наносит первый удар. Алистер вскидывает щит, чтобы отбить эту атаку, затем делает сальто – действительно *делает сальто* – в воздухе и,

мгновенно приняв обличье горгульи, приземляется на ноги за спиной Честейна. И на сей раз дугу описывает уже его меч. В последнюю секунду Честейн уворачивается, тоже мгновенно превращается в горгулью и, кружась, выбрасывает вперед левую каменную ногу. Они бьются, сталь ударяется о сталь снова и снова. Оба полны решимости победить, и оба – отличные фехтовальщики, так что ни одному не удастся получить преимущество над другим. Они катаются по земле, прыгают, летают, пытаясь застать друг друга врасплох.

Вскоре вокруг них собирается толпа других горгулий, свои мечи они вложили в ножны и громко подбадривают Честейна и Алистера. Меня окружают горгульи, все они вдвое крупнее меня, и все смеются, свистят и делают ставки на то, кто победит.

В конце концов я оказываюсь рядом с той крутой девицей, которая только что победила в схватке со своим спарринг-партнером, и она улыбается до ушей.

– Они просто невероятны, верно?

Я не сразу соображаю, что она обращается ко мне.

– Да, верно. – У меня округляются глаза, когда Алистер наносит удар мечом, от которого Честейн вылетает из условного круга, в котором они дерутся. Он летит так быстро, что я уверена – сейчас он собьет с ног нескольких горгулий, и готовлюсь к тому, что вот-вот раздастся оглушительный грохот.

В последний момент они успевают отскочить, и он приземляется в нескольких ярдах, у золотой ограды. На секунду у него делается огорошенный вид, затем на его лице мелькает выражение не то досады, не то смущения. Но он тут же вновь взлетает в воздух и приземляется, врезаясь в Алистера. Я ожидаю, что Алистер отскочит в сторону, но вместо этого он использует инерцию движения Честейна и отбрасывает его в другую сторону. На этот раз тот врезается в ограду, налетев на нее с такой силой, что в ней остается вмятина и из его легких вылетает весь воздух, а толпа горгулий начинает скандировать имя Алистера. Похоже, этот последний бросок сделал его победителем.

Кажется, Честейн хочет возразить, хочет встать и задать Алистеру жару, но, когда скандирование становится еще громче, Алистер раскланивается. Остальные горгульи бросаются к нему, и одна из них поднимает его руку, показывая тем самым, что он чемпион. Тем временем Честейн медленно поднимается с земли, отряхивается и ждет, когда толпа вокруг Алистера немного уgomонится, после чего подходит, чтобы поздравить его. На его губах играет широкая улыбка, но в его глазах есть нечто такое, что я начинаю нервничать – и это еще до того, как он поворачивается ко мне, выгнув бровь, и говорит:

– Ну как, ты хочешь попробовать?

– Попробовать что? – недоуменно спрашиваю я.

К нам спешит еще одна горгулья, он держит в руках меч и щит.

– Вот. – Он протягивает их мне. – Попробуй и посмотри, подходят ли они тебе по размеру.

Все внутри меня восстает при мысли о том, что я должна взять эти щит и меч. Потому что, если я их возьму, это будет значить, что я планирую кого-то ранить – или даже убить. Или быть убитой.

– Я не... – Я не договариваю, пытаюсь придумать, как объяснить мои колебания военачальнику, который наверняка видел много битв.

Честейн явно хочет услышать объяснение, он спрашивает:

– Что не?

– Я не... – Я замолкаю снова, по-прежнему не решив, что именно я хочу сказать. – Я не из таких королев.

– А из каких? – спрашивает Честейн. Его голос звучит спокойно, но видно, что он не в восторге от этого заявления. Более того, я могла бы поклясться, что на мгновение на его лице мелькнуло отвращение.

Однако это выражение тут же исчезает, как исчезают меч и щит, которые протягивал мне молодой парень-горгулья, а сам он уже спешит прочь.

А Честейн поворачивается и присоединяется к толпе горгулий, окружающих Алистера. Я терпеливо жду, когда их энтузиазм поутихнет, не зная, что мне говорить и что делать. Похоже, мне только и остается, что пребывать в роли стороннего наблюдателя.

Несколько минут Честейн выслушивает хаотичный поток добрых пожеланий, затем приказывает горгульям возобновить тренировку. И они, мужчины и женщины, достают из ножен мечи, берут щиты и вновь начинают практиковаться. Высокая девушка с косами бросается в бой и меньше чем через тридцать секунд опрокидывает своего противника на пятую точку.

– Если ты будешь продолжать в том же духе, то вечером я не смогу даже ходить, не говоря уже о том, чтобы постоять вместо тебя в карауле, – предупреждает он, вставая на ноги.

– Не моя вина, что ты показываешь мне, что собираешься сделать, за целых три секунды до того, как делаешь это, – пожав плечами, отвечает она.

– Неправда! – возмущенно протестует он.

– Да ну? – Она снова поднимает свой меч. – Тогда почему я каждый раз валю тебя на землю?

Он что-то говорит, но я не слышу его слов, потому что Алистер вдруг громко говорит Честейну:

– Мы с тобой говорили не об этом!

Король горгулий подходит ко мне, он явно недоволен и даже немного расстроен.

– Пойдем, Грейс. Нам надо идти.

– Все в порядке? – спрашиваю я, идя вместе с ним по двору обратно к резным дверям.

– Все будет хорошо, когда... – Он обрывает речь и вздыхает. – Все хорошо.

– Ты уверен? – спрашиваю я, когда мы выходим за ворота замка, и я вижу море далеко внизу. Оно бушует, волны ударяются о скалы, и во мне просыпается тоска по дому, по Калифорнии, по пляжам, *по моим родителям* – тоска, которую я не разрешала себе испытывать уже очень давно. Эта тоска так остра, что у меня дрожат руки и ноет живот. Я стараюсь преодолеть боль... и смаргиваю откуда-то взявшиеся слезы. За последние несколько месяцев я узнала, что горе – это странная вещь. Ты никогда не знаешь, что накатит на тебя и насколько сильно ударит. Тебе ясно только, что это неизбежно произойдет.

– Ты уже слышишь их? – спрашивает Алистер.

Я недоумеваю.

– Слышу кого?

– Горгулий. Я надеялся, что, раз ты оказалась здесь, при Дворе горгулий, это, возможно, поможет тебе услышать их голоса.

– А, ты об этом. – Я подавляю свою печаль и прислушиваюсь, но не слышу ничего, кроме собственных мыслей. – Мне жаль, но нет, я их не слышу.

У него делается такой разочарованный вид, что я невольно чувствую себя виноватой, и это еще одна эмоция, которая сбивает меня с толку. Но прежде чем я успеваю придумать, каким образом мне следует извиниться за то, что он, видимо, считает моей слабостью, Алистер продолжает:

– Ничего, моя дорогая девочка. Я уверен, что ты во всем разберешься, когда встретишься со своей бабушкой. – Он берет меня за руку и заглядывает мне в глаза. – Нам надо подготовиться и многое сделать, а времени совсем мало. Ты должна позволить твоей бабушке помочь тебе. Сайрус не остановится ни перед чем, чтобы убить тебя, Грейс. Ты ключ ко всему. Пообещай мне, что навестишь ее.

Он отпускает мою руку прежде, чем я успеваю сказать ему, что понятия не имею, кто моя бабушка. И тут у меня возникает такое чувство, будто мы падаем. Хотя мои ноги ни на секунду не отрываются от земли.

И я снова оказываюсь в Кэтмире и держу в руке шахматную фигуру, а Алистер сидит напротив меня. Но король горгулий исчез, и его место занял очень растерянный Неубиваемый Зверь.

– Нет времени, – выдавливает он из себя, встав на ноги. – Должен найти пару.

Он бросается к выходу, распахивает дверь и улетает.

Я ошеломленно смотрю ему вслед. Такого я никак не ожидала. Ни того, что он улетит, ни всего того, что произошло раньше. Может, я просто все еще сплю. А может, все это было моей странной галлюцинацией. Во всяком случае, такое объяснение кажется более логичным, чем то, что с утра пораньше я каким-то образом перенесла Неубиваемого Зверя – нет, Алистера, бывшего *короля горгулий* – и себя саму ко Двору горгулий.

Но тут я опускаю взгляд и вижу на своей руке то самое золотое кольцо с изумрудом. Я уставляюсь на пустое кресло напротив меня, на шахматные фигуры, и у меня падает сердце. На свете есть другие существа, подобные мне, другие горгульи. Но сейчас я ощущаю себя точно так же, как когда мне сказали, что я последняя горгулья на земле – я чувствую себя одинокой.

Глава 14. Пора нам прекратить так терзать себя

Мне одиноко, однако у меня куча дел, и я поднимаю свой рюкзак с пола и иду обратно в комнату Хадсона. Если он проснулся после того, как я ушла, и не смог меня найти, то, вероятно, сейчас он психует. И, скорее всего, остальные психуют тоже.

И немудрено: если бы я – или кто-то из наших – вдруг исчез посреди всей этой катавасии, я бы перерыла здесь все. Мы переживаем опасные времена, и я чувствую себя виноватой, что вот так пропала, перенесшись ко Двору горгулий.

Решив успокоить Хадсона, который наверняка обыскивает сейчас Кэтмир, пытаюсь найти меня, я достаю телефон, чтобы отправить ему сообщение, что со мной все в порядке... но тут обнаруживаю, что мы с Алистером отсутствовали всего пять минут. Это кажется мне странным, когда я вспоминаю, сколько всего мы видели при Дворе горгулий. Одна только схватка Алистера с Честейном длилась дольше пяти минут. Однако экран моего телефона говорит, что прошло восемь минут с тех пор, как я крадучись вышла из нашей с Мэйси комнаты.

Как странно.

Я снова смотрю на свой палец и вижу, как в свете стенных канделябров в форме драконов блестит гигантский изумруд.

Чертовски странно.

Я все равно решаю отправить сообщение Хадсону – лучше перебдеть, чем недобдеть, – но тут мне приходит сразу несколько сообщений. Я ожидаю, что это Хадсон спрашивает, все ли со мной в порядке, и удивляюсь, обнаружив, что в наш групповой чат написал Джексон. Он пишет, что родители Луки прибыли на несколько часов раньше, чем мы их ожидали, и тут я вдруг начинаю задыхаться. Я в очередной раз осознаю, что все это происходит на самом деле, что мы не сможем пробудиться от кошмара, как бы нам того ни хотелось.

Может, я не могу знать наверняка, что сейчас чувствуют родители Луки, но кое-что об их утрате мне известно, и мне становится физически плохо. Мне не по себе из-за того, что даже после всего, что произошло за последние семь месяцев, у меня такое чувство, будто я вернулась к тому, с чего начинала. С чего началась вся эта история.

Но речь тут вообще не обо мне, а о Луке и его родителях. И я никак им не помогу, если буду торчать здесь, балансируя на грани панической атаки. Мне надо взять себя в руки и выйти к ним – ради Луки, ради Джексона, ради *Флинты*.

С этой мыслью я направляюсь в главный холл Кэтмира и оказываюсь там в ту самую минуту, когда порог переступают мужчина и женщина. Их лица непроницаемы, но в глазах отражаются мука и неверие в то, что их сын действительно мертв. Джексон уже здесь, в вестибюле, а вместе с ним Мекай, Байрон, Рафаэль и Лайам. Это не удивляет меня – члены Ордена всегда обладали сверхъестественной способностью узнавать, когда они нужны и где в тот или иной момент находятся остальные.

Одна вещь меня все-таки удивляет – то, как хорошо выглядит Джексон. Для парня, который едва не умер двенадцать часов назад, вид у него на удивление цветущий, даже если принять во внимание то, что большинство сверхъестественных существ быстро поправляются. Темные круги под глазами, которые последние несколько недель неуклонно становились все заметнее, вдруг исчезли. Его кожа, болезненно серая в то время, когда он понемногу терял свою душу, вновь обрела здоровый цвет. А его тело, ставшее почти дистрофичным, за последние двадцать четыре часа как будто вновь обросло мышцами. Когда он пожимает руку сначала отцу Луки, а затем его матери, к моей печали примешивается облегчение, потому что впервые за очень долгое время мне начинает казаться, что с Джексоном все будет хорошо. А это для меня все.

– Простите меня, – говорит он. – Я не смог его защитить...

– Мы *все* не смогли, – перебивает его Мекай, и в его темно-карих глазах отражается скорбь. – Он был нашим братом, но мы не смогли его спасти. Прошу вас, простите нас.

Каждый из членов Ордена выходит вперед и выражает те же чувства, что и он. В ответ на каждое извинение родители Луки кивают, и, хотя на лице его матери видны следы слез, она не выказывает никаких эмоций, как и его отец. Не знаю, присуще это всем вампирам или только им, но от того, что они так хорошо владеют собой, все становится немного лучше... и немного хуже.

Они не говорят ничего такого, что показало бы, что они принимают извинения членов Ордена, но и не кричат на них. Вместо этого они просто смотрят на пятерых молодых вампиров печальным и вместе с тем оценивающим взглядом. Я не знаю, что именно они пытаются разглядеть, не знаю, нашли они это в их лицах или нет. Я знаю одно – их молчание заставляет меня нервничать, и меня охватывают те же опасения, которые высказывал на их счет Хадсон.

Хадсон входит в вестибюль в тот самый момент, когда Лайам заканчивает приносить соболезнования, и я чувствую, что он здесь, еще до того, как вижу его. Я поворачиваюсь к нему за секунду до того, как он обвивает рукой мою талию.

– С тобой все в порядке? – шепчет он, окидывая взглядом мою одежду, которую я сменила, и рюкзак, перекинутый через плечо.

– Да, настолько в порядке, насколько это вообще возможно, – отвечаю я, прижавшись к нему и повернувшись к родителям Луки.

– Где он? – наконец спрашивает отец Луки, и я осознаю, что после своего прибытия он заговорил впервые. Он так же высок и строен, каким при жизни был его сын. Теперь понятно, от кого Лука унаследовал свой рост и наружность, хотя вид у его отца изможденный и глаза запали.

– Мы положили его в одной из комнат для самостоятельных занятий, – отвечает Джексон, повернувшись, чтобы вести их туда.

– В комнате для самостоятельных занятий? – повторяет мать Луки, и в ее голосе звучит ужас.

Я ее понимаю, ведь кажется, что, положив ее сына в таком месте, мы отнеслись к его смерти без уважения.

Но в Кэтмире царит разгром, и очевидно, что выбор у Джексона был ограничен. К тому же это школа, а не правительственное здание. Так что вариантов у нас было бы немного, даже если бы Кэтмир был цел. К тому же весь персонал Кэтмира, за исключением Мэризи, похищен. Или того хуже.

Джексону все это известно, но он не оправдывается, хотя его плечи и горбятся при этих словах. И, на мой взгляд, это еще одно доказательство того, что он по-настоящему классный парень.

В конце концов родители Луки следуют за Джексоном, и мы делаем то же самое – сначала члены Ордена, а затем Хадсон и я. Мы идем в мрачном молчании, пока на полпути к нам не присоединяются Иден и Мэйси.

Из-за наших спин слышится шепот Иден:

– Где Флинт?

– Не знаю. Думаешь, он спит? – спрашивает Мэйси.

– Вряд ли его здесь нет потому, что он проспал, – мрачно говорит Хадсон. – Скорее всего, он просто не может добраться сюда. Пойду посмотрю, смогу ли я...

Он резко замолкает, поскольку в это мгновение к нам подлетает Флинт в драконьем облике, зажав костыли в передней лапе и подобрав крылья, чтобы не задевать ими стены. Это такое неожиданное зрелище, что мы все застываем – все, кроме матери Луки, которая испуганно вскрикивает, когда он быстро пролетает над нашими головами, затем делает разворот и приземляется прямо за нами.

Глава 15. И ты, Мэриз?

Мгновение Флинт мерцает, затем его дракон исчезает в россыпи разноцветных искр, и вот он уже стоит перед нами в человеческом облике.

Хотя стоит – это преувеличение. Он балансирует на одной ноге, пытаясь опуститься на корточки, чтобы подобрать с пола свои костыли. Он чуть слышно ругается, и я бросаюсь к нему, чтобы не дать ему упасть, ведь ему и так приходится несладко.

Но Джексон опережает меня – одной рукой он поднимает с пола костыли, а другой придерживает Флинта, чтобы тот не упал. Беря костыли, Флинт опускает голову, но я успеваю увидеть, что его щеки горят от смущения. Мне хочется подойти к нему, сказать, что в этом нет ничего постыдного, но по нему видно, что сейчас лучше оставить его в покое. Так что я решаю помолчать.

Наконец он встает на костыли и идет к родителям Луки. Мы торопливо расступаемся – все, что угодно, чтобы облегчить ему задачу, – но когда его взгляд падает на мать Луки, он, похоже, вообще перестает нас замечать. Кажется, с ней происходит то же самое, потому что она тоже не сводит с него глаз. Но смотрит она не ему в глаза, а на его искаленную ногу.

Выражение его лица надрывает сердце, когда он, проковыляв по коридору, останавливается перед ней и склоняет голову.

– Простите меня, – шепчет он. – Простите, мне так жаль, что мы не сумели спасти его.

Сперва мне кажется, что она не ответит ему, но в конце концов она кладет руку на его склоненную голову и шепчет:

– Как и нам.

Ее слова падают тяжело, и в них звучит не только горе, но и обвинение – и я вижу, что это действует на Флинта, на Джексона и на остальных. Видно, что на них обрушивается лавина боли, от которой они даже не пытаются увернуться. Это несправедливо, совсем несправедливо, ведь все они храбро сражались против Сайруса и рисковали жизнью, чтобы не дать ему заполучить Корону.

Да, Лука погиб, да, это ужасно, трагично и бессмысленно. Но Флинт в этом не виноват. И мы тоже в этом не виноваты – мы сражались вместе с ним и делали все, чтобы прикрыть друг друга. А где были родители Луки во время битвы, в которой погиб их сын?

Я бросаю взгляд на Хадсона и вижу, что он думает о том же, о чем и я. И что, скорее всего, он думал об этом с самого начала. Как бы то ни было, он явно настороже и не сводит пристального взгляда с родителей Луки, ожидая подвоха.

Надеюсь, они ничего такого не сделают.

Джексон прочищает горло, и родители Луки неохотно переводят глаза с Флинта на него. Однако он ничего не говорит, только поворачивается и идет вперед, в сторону комнаты для самостоятельных занятий – на первом этаже школы есть только одна такая.

Когда мы наконец доходим до нее, он останавливается перед дверью, словно готовясь к тому, что ждет нас внутри... или к тому, что должно сейчас произойти. Затем толкает дверь и отступает в сторону, чтобы родители Луки могли войти первыми.

На пороге мать Луки вскрикивает, и на секунду мне кажется, что сейчас она осядет на пол, но отец Луки обнимает ее и не дает ей упасть. Затем они оба входят в комнату, где лежит тело их сына, и мы молча следуем за ними.

Я ожидаю, что это будет похоже на те моменты в морге, когда мне пришлось опознавать тела моих родителей. Но оказывается, что здесь нет холода и бездушности, свойственных моргам: пока я была с Хадсоном и с Алистером, члены Ордена успели превратить комнату в подходящее место для прощания с покойным.

Лука лежит на столе посреди комнаты, накрытый простыней, так что видно только его лицо, вокруг него горят сотни черных свечей – должно быть, члены Ордена добыли их в башне ведьм и ведьмаков, – а за свечами стоит множество ваз, полных полевых цветов Аляски.

Теперь вскрикивает отец Луки, подавив рыдание, а его мать просто падает на колени рядом с телом сына.

– Мы дадим вам несколько минут, – говорит Джексон, прервав тяжелое молчание, и мы все киваем, как марионетки.

– Спасибо, – выдавливает из себя мать Луки.

– Да, – вторит ей его отец. – Спасибо, что вы позаботились о нашем сыне.

– Лука был нашим братом, – отвечает Байрон, и в его голосе звучит боль. – Нет ничего, чего мы бы не сделали ради него.

– Мы видим, что это правда. – Отец Луки откашливается. – Он всегда уверял...

Он осекается, когда в зал входит Мэриз, облаченная в парадные одежды. Она все еще немного бледна, но выглядит куда лучше, чем прежде.

– Вивиан, Майлс, мне так жаль, что мы встречаемся при таких обстоятельствах. Здесь, в Кэтмире, мы все любили Луку, и его гибель большое горе для нас.

Родители Луки не смотрят на нее – они не сводят глаз со своего сына, – и она поворачивается к нам. На ее лице написано сострадание, и она шепчет:

– Я приготовила вам укрепляющее зелье. Оно в главном зале отдыха вместе с несколькими бутылками крови. Выпейте его, а позже я приготовлю вам еще. Мы не знаем, что нас ждет, и вам нужно восстановить силы.

Это нам определенно не помешает, поэтому я киваю, а Флинт бормочет:

– Да, Мэриз.

Мы поворачиваемся, чтобы выйти. Но тут отец Луки резко разворачивается и кричит:

– Нет!

Мэриз поднимает руку и тянется к нему.

– В чем дело, Майлс...

Она не успевает закончить предложение, потому что Вивиан вдруг вскакивает на ноги... и зубами разрывает ее горло.

Мэйси истошно вопит. Мать Луки отпускает истекающую кровью и задыхающуюся Мэриз, у которой осталась только половина горла, и фельдшер оседает на пол, после чего Майлс вонзает в ее сердце кинжал.

– Вам надо уходить! – говорит Майлс, меж тем как Вивиан берет безжизненную руку своего сына. – Мэриз сообщила Сайрусу, что вы вернулись в Кэтмир, и он скоро явится сюда. Мы должны были отвлечь ваше внимание.

Проходит секунда, прежде чем до нас доходит смысл его слов. Сама я слишком поражена видом бездыханного тела Мэриз и тем, что произошло, чтобы его предостережение уложилось в моей голове. Ведь Мэриз столько раз выручала меня, пока я училась в Кэтмире. Она спасла мне жизнь, когда меня чуть не убили осколки разбившегося окна. Она помогла мне смириться с мыслью о том, что я горгулья, она лечила меня после моей схватки с Лией.

Как она могла быть заодно с Сайрусом? Это кажется невероятным. Похоже, сомнения одолевают не только меня, потому что Иден резко спрашивает:

– И вы думаете, что мы так просто поверим вам? Вы же убили ее!

– Мне плевать, согласишься ты мне или нет, – огрызается Вивиан. – Но мне очевидно, что вы сделали для моего сына все, что могли. И это правильно помочь тем, кого он называл своими друзьями, он сам поступил бы так, если бы мог.

– Убив Мэриз? – спрашивает Мэйси, и я вижу, что на ее щеках блестят слезы.

– Да, и предупредив вас, чтобы вы уходили отсюда, пока не поздно, – отвечает Майлс.

– Мэриз отнюдь не была вашим другом, – рявкает Вивиан. – Неужели вас не удивило то, что она оказалась единственной, кого они оставили здесь живой? Потому что она всегда была верна Сайрусу. – Она опускает взгляд на Луку. – Как и мы сами до сих пор.

– Вам надо уходить, – настойчиво повторяет Майлс. – Сайрусу нужна Грейс, и он ни перед чем не остановится, чтобы заполучить ее.

С этими словами он одной рукой обнимает свою жену, а другой – тело сына, и они вместе переносятся из комнаты к portalу на кампусе школы, через который прибыли сюда, а мы продолжаем стоять над трупом Мэриз.

Глядя, как вокруг ее бездыханного тела разливается лужа крови, я чувствую бегущий по спине холодок. Как же этот мир жесток и беспощаден – и следующей его жертвой могу стать я сама.

Глава 16. У каждого волка бывает свой праздник

– Что же нам теперь делать? – спрашивает Мекай, прервав оглушительное молчание, повисшее в зале после их ухода.

Хадсон уже подошел к окну и обводит взглядом горизонт, освещенный утренним солнцем.

– Я ничего не вижу, но это не значит, что их там нет.

– О, они уже там, – доносится из дверей за нашими спинами голос, говорящий по-английски с легким акцентом. – И очень скоро они окажутся здесь.

Я разворачиваюсь так быстро, что едва не налетаю на Джексона, который расположился прямо за мной. А Хадсон тем временем переносится к двери.

– Кто ты такой? – спрашивает он парнишку лет пятнадцати-шестнадцати с темно-кариими глазами и смуглой кожей. Волосы у него черные и доходят до плеч, и он лишь на пару дюймов выше меня. Я испытываю странную радость от того, что он не великан и не еще одно сверхъестественное существо такого роста, что мне пришлось бы задрать голову, чтобы посмотреть ему в лицо. Он также очень subtilen, его чрезмерную худобу еще больше подчеркивает футболка не по размеру. Пожалуй, если бы этот день не был таким ужасным, я бы посмеялась над надписью на ней.

«Ты материя, если только не помножишь себя на скорость света. Тогда ты становишься энергией».

Я почти уверена, что он человековолк. Сообразив это, я тут же подбегаю к Хадсону, чтобы помочь ему в случае чего – и все наши делают то же самое.

Парнишка и бровью не ведет. Он окидывает взглядом каждого из нас, словно пытаясь определить, кто представляет большую угрозу. По-видимому, он решает, что это Хадсон, поскольку, отвечая, смотрит на него:

– Меня зовут Дауд. Я из Логова солнца пустыни в Сирии.

Значит, я была права. Он волк.

– Что ты тут делаешь? – спрашиваю я, и в моем мозгу снова звучит предостережение родителей Луки.

– Я здесь потому, что думал, что этой паре придворных вампиров не хватит духу предать Сайруса и предупредить вас, – отвечает он. – Чтобы захватить вас, в Кэтмир отправились человековолки со всего света – включая лучших воинов моего собственного логова. Я прибежал сюда, опередив их, чтобы предупредить вас, но они будут здесь уже очень скоро.

– Ты *прибежал* сюда? – спрашивает Иден, и в ее голосе звучит скепсис.

– Я бегаю быстро. У меня свой интерес. – Дауд берет что-то со стола, рассматривает этот предмет, затем кладет его себе в карман. – А у вас свой, если, конечно, вам не хочется умереть – или попасть в плен. Они действительно скоро будут здесь. Думаю, минут через пять, а если вам повезет, то через десять.

Очевидно, по его мнению, плен хуже смерти, и, если честно, я с ним согласна. От мысли о том, что я, Хадсон или Джексон окажемся во власти Сайруса, у меня холодеет кровь.

– С какой стати мы должны верить этому парню, если его вожак заодно с Сайрусом? – спрашивает Флинт. – Может, он здесь в качестве подсадной утки?

– В качестве подсадных уток здесь была эта пара вампиров, – поправляет Дауд. – И он уже признался, что они должны были отвлечь ваше внимание. Я же прибыл сюда по самой очевидной из возможных причин. Вы мне нужны.

Мне трудно в это поверить.

– Нужны для чего? – спрашиваю я, уже подумывая взяться за мою платиновую нить. Мои нервы оголены, и, если мне надо будет сражаться, я хочу быть в обличье горгульи.

– Моего младшего брата зовут Амир. Он учится здесь, в Кэтмире, в девятом классе, и его похитили вместе со всеми остальными. Мне надо его спасти.

– Я знаю Амира! – восклицает Мэйси. – Он болеет за «Сан-Диего падрес»¹, и мы с ним сдружились, потому что он носил винтажную джерси с изображением Тони Гвинна². – Ее плечи никнут. – У моего отца есть точно такая же.

– Да, это Амир. – Дауд судорожно сглатывает. – наших родителей убили два года назад, и с тех пор о нем забочусь я. Я отправил его сюда, в Кэтмир, полагая, что здесь-то он будет в безопасности, но... Вы – мой единственный шанс спасти его, но у меня ничего не выйдет, если я позволю Сайрусу убить вас или взять в плен.

Видно, что он говорит правду, и я не могу ему не поверить. Я обвожу взглядом своих друзей и вижу, что они тоже верят ему. Да поможет нам всем Бог.

– Значит, у нас есть десять минут? – спрашивает Джексон, и я почти что вижу, как крутятся шестеренки в его голове.

– Это самое большее.

– И что нам теперь делать? – спрашивает Иден.

– А ты как думаешь? – ворчит Байрон. – Нам надо убираться отсюда.

Хадсон обхватывает рукой мои плечи.

– Пойдем. Давай перенесемся в твою комнату и соберем все, что тебе нужно.

– Я уже собрала все необходимое и положила в рюкзак, чтобы отнести в твою комнату.

– Тогда пусть рюкзаки соберут все остальные, – говорит Хадсон, и мы идем обратно в школьный холл. – Мы с Грейс покараулим, пока вы не будете готовы. Но поспешите, хорошо? Что-то подсказывает мне, что Сайрус не станет ждать долго.

– Пять мин... – начинает Флинт, но обрывает фразу на полуслове, когда с лестницы над нашими головами доносится рык.

От этого звука у меня стынет кровь, я поднимаю глаза и вижу, как примерно пятьдесят волков, ощерив зубы и вытянув когтистые лапы, перескакивают через перила и прыгают вниз. Причем, похоже, большая часть стаи нацелилась прямо на меня.

Хадсон и Джексон встают передо мной, но тут рычание доносится и из-за наших спин – от парадной двери. Значит, мы окружены. Нам не удастся отбиться, если они атакуют нас со всех сторон.

Только что они находились футах в тридцати от нас, и вот они уже совсем рядом. Я так ошеломлена, что застываю, даже не успев взяться за свою платиновую нить.

Я прихожу в себя быстро, но прежде, чем я успеваю сменить обличье, они испаряются. Только что они щерили зубы, готовясь вонзить их в меня – и вот от них остался только прах.

Я немею, и дело не только в нервах. Я знаю, что сейчас произошло, и более того, знаю, чего это стоило ему.

---

¹ «Сан-Диего падрес» – профессиональный бейсбольный клуб из Сан-Диего. (Прим. ред.)

² Тони Гвинн – игрок «Сан-Диего падрес» в 1982–2001 гг. (Прим. ред.)

Глава 17. Не все псы попадают в рай

Хадсон отшатывается и едва не падает, но удерживается на ногах, опершись рукой о стену и согнувшись.

– Чувак, что тут произошло? – спрашивает Лайам, кружась на месте и будто ожидая, что волки вот-вот прыгнут на нас.

– Не знаю, – отвечает Иден и поворачивается к Дауду. – Ты не...

– Нет, я ничего не делал, – отзывается человековолк, вскинув руки ладонями вперед. – Я не ожидал, что они доберутся сюда так быстро.

Хадсон сгибается, как будто ему тяжело даже опираться на стену, и упирается ладонями в колени, одновременно делая два глубоких вдоха.

– Это сделал я, – говорит он, и я никогда еще не слышала у него такого тона, как будто он полностью деморализован.

Мое сердце трепещет, и я бросаюсь к нему.

Похоже, Рафаэль не понимает, в чем тут суть, потому что он растерянно спрашивает:

– Сделал что? – Но через пару секунд до него доходит, с кем он говорит – и на что способен Хадсон, – потому что его глаза вдруг широко раскрываются. – погоди, ты хочешь сказать, что... – Рафаэль осекается, подыскивая слова.

– Ты обратил этих волков в пыль? – подсказывает Мекай.

– Тебя это удивляет? – спрашивает Хадсон, тяжело дыша. – Я же уничтожил целый стадион.

– Да, но как раз это было не так уж трудно, – вставляет Лайам. – Даже Джексон мог бы сделать такое...

– Спасибо за доверие, – невозмутимо замечает Джексон, а Хадсон добавляет:

– Начал за здоровье, а кончил за упокой.

Но Лайам слишком ошеломлен, чтобы извиняться перед моей бывшей парой... или перед нынешней. Вместо этого он поворачивается, оглядывает вестибюль и говорит:

– Он обратил этих волков в пыль, Джексон. Он просто... – Он изображает рукой взрыв.

Когда Хадсон так и не разгибается, я опускаюсь перед ним на колени, приподнимаю его голову, заглядываю ему в глаза, и от того, что я вижу в них, у меня разрывается сердце. Но не от муки, которую я вижу в их глубине, а от того, что в следующее мгновение он моргает – и боли в его глазах как не бывало, ее место занимает холодная темная стена. Мне становится ясно, что Хадсон пытается скрыть свою боль не только от меня, но и от себя самого.

– Они целились в Грейс, – бормочет Хадсон, как будто это объясняет все.

Сколько я его знаю, он старался не использовать свою огромную силу против кого-либо. Разрушить здание? Конечно. Уничтожить лес? Само собой. Опустошить остров? Да, если иначе нельзя. Но сегодня он в мгновение ока прикончил тех волков – не одного, а несколько десятков. И, не колеблясь... *спас меня.*

От этой мысли у меня пресекается дыхание. Я чувствую себя ужасно – от того, что столько людей погибло в этой жуткой войне, которую развязал Сайрус, и еще ужаснее от того, что Хадсону пришлось это сделать и что он сделал это, чтобы защитить меня. А я не смогла его защитить, хотя именно в этом и заключается моя главная задача как его пары. Убийство всех этих волков надломило его, да и меня вместе с ним. Никто не знает, что мы сейчас пытаемся собрать осколки наших душ, и они продолжают спорить вокруг нас.

– Они точно целились в нее, – соглашается Флинт, сощурился глаза. – Но почему именно в нее?

– Отец Луки сказал, что Сайрус хочет заполучить ее, – напоминает ему Иден.

– Разумеется, мой отец хочет, чтобы Грейс убили, – резко бросает Джексон. – Разве он в состоянии смириться с тем, что у кого-то есть сила, которую он не может взять под контроль? Тем более, что теперь у Грейс есть Корона? Он будет охотиться за ней, не жалея сил.

– Это не новость, – говорю я, надеясь немного успокоить их всех, чтобы сама я могла сосредоточиться на Хадсоне. – У него всегда был зуб на меня.

– Одно дело иметь на тебя зуб и совсем другое – хотеть убить тебя, чтобы высосать из твоего трупа всю магическую силу до последней капли, – отзывается Джексон. – Первое нормально, а второе свойственно социопатам. С тем же успехом на тебе можно было бы нарисовать огромную мишень.

– А я не понимаю, почему мы вообще все еще здесь, – замечает Мекай, саркастически вскинув брови. – Ведь Сайрус, скорее всего, отправил сюда не одну группу своих приспешников.

– Да, наверняка, – соглашается Дауд и смотрит на лестницу, где меньше минуты назад находились эти волки.

– Они были из твоего логова? – тихо спрашиваю я.

– Нет, – шепчет он.

От этого мне не легче – и Хадсону тоже, судя по выражению его лица.

– К черту сборы, – говорит Флинт, вглядываясь в горизонт в поисках признаков приближения других сверхъестественных существ. – Нам надо скорее убраться отсюда.

– Все, что нам может понадобиться, мы сможем купить в каком-нибудь безопасном месте, – соглашается Иден, подойдя к одному из окон на южной стороне замка и ища глазами тех, кто, возможно, готовится нас атаковать.

– Есть ли сейчас где-то это самое безопасное место? – тихо спрашивает Байрон. – Если Сайрус сумел настроить против нас даже Мэриз, то кому мы вообще можем доверять?

Это ужасный вопрос, и даже думать о нем мне невыносимо – ведь нам некуда податься, нет ни одного места, которое мы могли бы назвать домом. Все тратят последние минуты в Кэтмире на то, чтобы обсудить, куда мы сможем отправиться отсюда, и я решаю дать им обговорить этот вопрос без моего участия, чтобы сосредоточиться на Хадсоне. Я обхватываю его щеку ладонью.

– Со мной все хорошо, – пытается уверить меня он и, выпрямившись, поворачивается и смотрит в окно. Но рука, которой он ерошит волосы, заметно дрожит.

– Нет, не хорошо. Но будет хорошо, – шепчу я, глядя вместе с ним на серое небо. Оно кажется таким же пустым, как коридоры Кэтмира этим утром, но это ничего не значит, ведь любая ведьма или ведьмак, которым доводилось бывать в Кэтмире, могут открыть портал прямо посреди холла – или в любом другом месте школы. Не говоря уже о том, что сюда каким-то образом проникла целая стая волков, а мы ничего и не заметили.

Но об этом можно будет подумать позже, а сейчас все мое внимание сосредоточено на моей паре.

– Со мной все хорошо, – повторяет Хадсон, но на сей раз он пытается убедить в этом не меня, а себя самого.

– Выглядишь ты ужасно, – без лишних церемоний говорю я. – И я знаю – то, что ты сейчас сделал, было для тебя нелегко.

Его лицо становится отстраненным.

– Тут ты ошибаешься. Это было *чрезвычайно* легко. – Он смеется резким жестким смехом. – В этом-то и состоит проблема, не так ли?

– Я *точно* знаю, в чем состоит проблема, Хадсон.

Когда он отводит взгляд и на челюсти его начинают ходить желваки, мне становится ясно, что я попала в точку. Но еще больше меня беспокоит то, что у него по-настоящему больной вид. Я знаю, что он потратил кучу энергии и наверняка отчасти бледность объясняется этим,

но это не главная причина. Я видела, как он использовал свою способность прежде, видела, как он пустил в ход еще больше силы, когда опустошил остров Неубиваемого Зверя, но и тогда он даже не вспотел.

То, что он засунул руки в карманы, чтобы я не видела, как они дрожат, для него не нормально. Как и то, что у него подгибаются колени и он едва не валится с ног. С ним что-то не так, и я готова поспорить на свой завтрак, дело в том, что он только что убил множество людей, а вовсе не в том, что ему пришлось потратить на это слишком много сил.

– Эй. – Я обвиваю рукой его талию, поддерживая его. – Я могу тебе помочь?

Я ожидаю, что он отпрянет или отпустит одну из своих всегдашних ироничных шуток. Но вместо этого он тяжело приваливается ко мне, и я чувствую, что дрожат не только его руки – дрожь бьет все его тело, как будто у него шок. Возможно, так и есть. Он отвергал эту способность много лет, и теперь, когда пустил ее в ход – так резко и почти что против своей воли, – это выбило его из колеи.

Я прижимаюсь к нему еще теснее и шепчу:

– Я люблю тебя, несмотря ни на что.

Когда я произношу эти слова, его сотрясает дрожь, и его глаза закрываются на несколько долгих секунд. А когда открываются, они полны той самой решимости, которую он демонстрирует обычно. На это я и надеялась. Мне надо что-то сделать, чтобы помочь ему окончательно прийти в себя. Я смотрю ему в глаза и говорю:

– Думаю, теперь я знаю, какой обет ты дал, когда подарил мне кольцо.

Поначалу он не отвечает и никак не реагирует на мои слова. Но затем его взгляд встречается с моим, и он поднимает одну бровь.

– В самом деле?

Меня охватывает такое облегчение от того, что он готов мне подыграть, что прежде, чем ответить, я обхватываю его талию еще крепче.

– Ты дал обет всегда мыть за мной посуду.

У него вырывается смешок.

– С какой стати мне было обещать мыть посуду, если я не пользуюсь ею?

Он переводит взгляд на мою шею, и я чувствую, как мои щеки заливают краска. И, видя, что лед в его глазах растоплен, вздыхаю. Мой Хадсон вернулся ко мне. От облегчения у меня слабеют колени, и я приваливаюсь к нему. Его губы касаются моего лба, и он шепчет мне на ухо:

– Спасибо. – И это звучит совсем как *«я люблю тебя»*.

Прежде чем я успеваю ответить, пиликает чей-то телефон, и момент упущен, потому что мы все поворачиваемся на этот звук.

– Моя тетя только что написала мне, что мы можем спрятаться при Дворе ведьм и ведьмаков, – говорит Мэйси с противоположного конца зала отдыха, где она и Иден расположились, чтобы наблюдать за обстановкой из окон. – Мне нужно всего пять минут, чтобы создать портал.

– У нас нет пяти минут, – мрачно говорит Хадсон. – Они приближаются.

Глава 18. Иногда любому человеку бывает нужен небольшой толчок

– Где они? – Джексон оказывается у заднего окна еще до того, как я успеваю повернуться, чтобы выглянуть из него. – О, черт.

– Я не вижу... – Я замолкаю, когда мои глаза наконец-то замечают то, что глаза вампиров разглядели еще несколько секунд назад.

Сотни волков несутся по склону горы, чтобы напасть на Кэтмир. Чтобы напасть на нас.

– Пошли! – командует Хадсон, и нам не надо повторять дважды. – Скорее, в заднюю часть школы.

Я хватаюсь за него, и он переносится по узким коридорам, остальные вампиры следуют за нами. Поскольку здесь нет места, чтобы Флинт и Иден могли превратиться в драконов, они начинают отставать, Джексон хватается Флинта, а Байрон – Иден и Мэйси. Хотя оба дракона начинают недовольно ругаться, никто из них не пытается вырваться из хватки вампиров. Сейчас на счету каждая секунда, и мы все это знаем. Как ни странно, Дауд не отстает от переносившихся вампиров – по-видимому, он и в самом деле так быстр, как говорит.

Мы оказываемся перед огромными задними дверями замка меньше, чем через минуту – что хорошо, если учесть, что в обычной ситуации на такой путь у меня бы ушло несколько минут.

Мекай стоит у дверей, готовый разорвать любого, кто сунется.

– Тут чисто, – говорит он, быстро выглянув наружу.

– Все отправляйтесь во флигель изостудии, – приказывает Джексон. – Пусть Мэйси создаст там портал. А я останусь и сдержу их натиск.

Члены Ордена начинают протестовать, но Хадсон прерывает их.

– Я останусь с ним.

– Нет! – восклицаю я, чувствуя, как меня захлестывает паника от мысли о том, что с Хадсоном или Джексоном может что-то произойти. – Либо мы все останемся, либо все уйдем.

– Грейс, ты должна мне доверять, – говорит Хадсон, сжав мои руки. – Мы с Джексоном вполне можем справиться с этими говнюками. Мы придем к вам, как только откроется портал.

– Наш Орден тоже останется, – заявляет Мекай, но Джексон качает головой.

– Нет, вам надо защищать Грейс. Если Мэриз сказала правду и Сайрус действительно пытается украсть чужую магическую силу, чтобы привести что-то в действие, и остановить его может только Грейс, мы должны беречь ее.

– Я сама могу...

– Члены Ордена должны защищать ее, не жалея жизни, – перебивает меня Джексон, ударив себя кулаком в грудь, и члены Ордена отвечают таким же жестом, словно это решает все.

Меня охватывает раздражение, и я готовлюсь выступить против этого проявления мужского шовинизма, но тут из кафетерия доносится грохот, и рычание волков звучит так близко, что у меня мороз пробегает по спине.

– Джексон прав, Грейс. Сайрус сам явился на тот остров, чтобы помешать тебе заполучить Корону. Мы пока не знаем, как она работает, но я согласен с Джексоном – если наш отец боится того, что она оказалась у тебя, то на это должна быть веская причина. – Хадсон говорит это торопливо. – Нам всем надо убраться отсюда. Обещаю тебе, мы придем к вам почти сразу.

– Я не могу... – начинаю я, но Хадсон перебивает меня.

– Грейс. – На этот раз его голос звучит более жестко. – Я сражался со всеми обитателями тюрьмы и победил, так что вряд ли я не смогу справиться с какими-то там шелудивыми вол-

ками. Но, если ты сейчас не уйдешь, у меня не останется выбора – мне придется обратить этих засранцев в пыль вместо того, чтобы просто изувечить их.

Мое сердце неистово колотится. Я готова сделать что угодно, лишь бы Хадсону не пришлось снова использовать свой дар, но от мысли о том, что ему и Джексону придется в одиночку сражаться с целой армией волков, мне становится не по себе, ведь их будет так много. Сражаясь вместе, мы всегда были на высоте... почему же Хадсон не хочет этого признать?

С другой стороны, возможно, ему это в самом деле под силу. Хадсон никогда бы не стал мешать мне принять участие в битве из страха, что я не сумею за себя постоять. А значит, он действительно считает, что справится и ему нужно удалить меня отсюда, чтобы не пришлось использовать свой дар, если кто-то из волков подберется ко мне близко. Но от этой мысли я начинаю испытывать еще большее беспокойство – должно быть, дело с ним обстоит еще хуже, чем я думала, раз он так боится, что может потерять контроль над собой. Именно поэтому я киваю и делаю шаг назад, хотя мне совсем не хочется оставлять его.

На его лице мелькает облегчение, на губах появляется полуулыбка, которая, однако, не доходит до глаз.

– Клянусь тебе, Грейс, я справлюсь.

Я понимаю, что это правда, но от этого мне не легче оставить его здесь, чтобы он сражался с целой армией волков, которые хотят разорвать его на куски. Ощущая стеснение в груди, я смотрю ему в глаза. Я использую это мгновение, чтобы запечатлеть в памяти его высокие скулы, глубокие голубые глаза, волевой подбородок, густые темно-русые волосы, как всегда уложенные в прическу «помпадур».

Я шепчу:

– Попробуй только не справиться, – и целую его, крепко и быстро, после чего обещаю себе, что это не последний раз, когда я вижу свою пару, и, повернувшись к остальным, кричу: – Идем!

Все тут же приходят в движение, я хватаюсь за свою платиновую нить, Флинт распахивает двери, я взрываю в воздух, и мои крылья за считанные секунды преодолевают расстояние до флигеля.

Мэйси сразу же принимается за работу над порталом, а Флинт твердит, что ему надо вернуться и превратить воинство Сайруса в головешки. Мэйси качает головой.

– Там остались Джексон и Хадсон. Они справятся с ними.

– Ты не можешь этого знать, – говорю я, возмущенная тем, что все вокруг считают, будто Джексон и Хадсон непобедимы. Но это не так. Я видела, как и тому, и другому приходилось туго, как у них шла кровь. Их можно ранить – они могут *умереть*, – как и все мы. У меня падает сердце, и мне вдруг становится страшно – а что, если я совершила ужасную ошибку?

– Нам не следовало оставлять их, – говорит Флинт, который, похоже, психует не меньше, чем я.

Рафаэль перенесся к флигелю последним, и сейчас он смотрит мне в глаза.

– Как сказал Хадсон, они справятся, – заверяет он меня. – Не беспокойся.

– Сколько там волков? – спрашивает Флинт.

Рафаэль только качает головой.

– С ними все будет хорошо.

Его слова звучали бы более убедительно, если бы у него был не такой потрясенный вид – и если бы из замка не доносился рык. Рык, который смешивается с грохотом, глухими ударами и пронзительным животным визгом.

– Что мы можем сделать? – спрашивает Иден, обращаясь к Мэйси. У последней между ладонями вихрится пламя, и в воздухе возникают очертания портала.

– Просто будьте готовы запрыгнуть, как только я его открою, – отвечает Мэйси и делает руками пассы, творя сложные чары.

– Я согласен, – говорит Дауд, открыв рот впервые после того, как мы остановились возле флигеля. – Я не затем рисковал всем и предупреждал вас, чтобы вы все равно погибли.

Мекай соглашается, хотя в его голосе звучит то же отчаяние, какое испытываю сейчас я сама.

– Да, как только Мэйси откроет портал, мы должны будем шагнуть в него.

– Они последуют за нами, – добавляет Байрон, глядя мне в глаза. – Я клянусь тебе, Грейс, я бы не ушел, если бы не считал, что они смогут сделать это вдвоем.

Я сердито смотрю на него.

– Ты оставил бы их, если бы убраться отсюда тебе приказал *Джексон*.

Он отводит взгляд, сжав зубы. Похоже, я попала в точку. Но прежде чем я успеваю подумать об этом, земля начинает ходить ходуном, а по зданию школы прокатывается гул.

Похоже, Джексон использует само здание Кэтмира, чтобы отбиться от них. А значит, там куда больше волков, чем мы думали.

Я поворачиваюсь к Мэйси.

– У нас почти не осталось времени.

Моя кузина кивает, продолжая делать руками пассы, от которых портал меняет форму и цвет. Сделав последнее движение, она восклицает:

– Готово!

– Пошли! – кричит Байрон. – У нас больше нет времени.

У меня возникает такое чувство, будто какая-то сила тянет меня в разные стороны. Не могут же они в самом деле ожидать, что я оставлю здесь Хадсона и Джексона. Я не могу этого сделать, не могу просто покинуть свою пару, надеясь, что он выкарабкается. Как они вообще могут думать, будто я на это способна?

Но у меня нет времени на то, чтобы сказать это Байрону, потому что Кэтмир сотрясается. По его стенам разбегаются широкие трещины, а с башен на землю с оглушительным грохотом сыплются камни.

– Ничего себе, – выдыхает Флинт, и в глазах его отражается ужас, такой же, какой охватил и меня. – Они и правда собираются это сделать. Собираются разрушить его.

От этой мысли в мое сердце словно вонзается нож.

– Идите, – говорю я остальным. – А я подожду...

Я замолкаю, резко втянув в себя воздух, потому что Иден с силой толкает меня прямо в портал.

Глава 19. Вкус радуги

Я спотыкаюсь и размахиваю руками, чувствуя себя, как ветроловка в ветреный день, и отчаянно пытаюсь восстановить равновесие.

Но уже поздно – Иден толкнула меня слишком метко. Я падаю в портал навзничь, что оказывается хуже, чем по обыкновению нырять туда головой вперед, ведь, падая, я вообще не могу контролировать свое тело.

Мне кажется, что проходит целая вечность, но, скорее всего, я лечу мимо психоделических радуг Мэйси в течение всего нескольких секунд. У каждой ведьмы или ведьмака портал получается неповторимым – не таким, как у других. Отсюда и различия между порталами на арене турнира Лударес. Порталы моей кухни всегда состоят из огромных искрящихся радуг. Так что меня они уже не удивляют, и обычно я ничего против не имею. Но сейчас, когда я, кувыркаясь, лечу сквозь них спиной вперед, это похоже на галлюцинации.

Когда портал наконец выплевывает меня на холодный и твердый мраморный пол, я падаю на него не спиной, а лицом. Заметка на будущее: никогда не жалуйся, приземляясь на пятую точку, потому что нет никакого удовольствия в том, чтобы приземлиться на лицо и затем удаться животом об пол.

У меня уходит несколько секунд на то, чтобы восстановить дыхание, затем я со стоном переворачиваюсь на спину и упираюсь взглядом в белый потолок, украшенный изображениями полевых цветов и причудливыми завитками.

«Интересно, где я, черт возьми?» – гадаю я, а через пару секунд рядом со мной приземляется Иден, причем, конечно же, на ноги. И мне ужасно хочется оскалить зубы и зарычать. Еще одна заметка на будущее: никогда не доверяй дракону, имеющему поведенческие проблемы и неприлично хорошее чувство баланса.

– Какого черта ты это сделала? – спрашиваю я, оттолкнув руку, которую она протягивает, чтобы помочь мне встать. – Ты не имела права...

– Я имела полное право, – парирует она. – Ты не собиралась входить в портал, а это было необходимо.

– Хадсон и Джексон...

– Хадсон и Джексон – это два самых сильных вампира на свете. Они могут справиться с этим – при условии, что их не будут отвлекать мысли о *твоей безопасности*. – Она отступает в сторону, когда из портала выныривает Мекай. – Забрав тебя оттуда, я облегчила им задачу – теперь им проще сделать то, что необходимо сделать.

– Она права, – соглашается Мекай и тоже протягивает мне руку. На этот раз я беру протянутую руку, не обращая внимания на гримасу Иден, и он помогает мне встать на ноги. Из портала один за другим выныривают остальные.

– Они могут сделать это, Грейс, – продолжает он. – Нам просто надо...

Он замолкает, потому что в это мгновение слышится грохот обрушивающихся стен. Мы резко разворачиваемся и видим, как из портала вылетает Мэйси. Она приземляется на колени, но через считанные секунды вскакивает на ноги и высоко вскидывает руки.

У нее ошалелые глаза и грязь на лице, но она смотрит на портал, который начинает расширяться.

Обычно Мэйси выходит последней, после чего портал сразу же закрывается. Но не на этот раз. В этот раз она использует всю свою магическую силу, чтобы держать его открытым – а я и не подозревала, что это возможно.

Судя по выражению лиц остальных, они тоже думали, что это невыполнимо. Но за последние месяцы я узнала, что моя жизнерадостная кухня обладает огромной магической силой. Я верю, что она способна сделать все, что задумает – в том числе и это.

Прошу тебя, Господи, сделай так, чтобы ей это удалось.

– Ничего себе, – выдыхает Дауд, и я понимаю его удивление.

Прежде я никогда не заглядывала в портал после путешествия сквозь него, а теперь смотрю и за вихрящимися радугами вижу зеленую лужайку, раскинувшуюся между флигелем и Кэтмиром. Но даже за то короткое время, которое ушло у нас на проход через портал, там все изменилось.

Стены и башня западной части замка полностью обвалились, превратившись в груды камней, и я невольно прикрываю рукой рот, чтобы сдержать рвущийся из горла крик. Судя по грохоту и трясущимся стенам, оставшаяся часть школы, которую я называла домом, тоже должна вот-вот обрушиться.

Это зрелище вызывает у меня одновременно радость и ужас. Радость, потому что это означает, что Джексон и Хадсон все еще живы. И ужас, потому что они могут не успеть вовремя выбраться оттуда. Что, если они окажутся погребены под стенами Кэтмира вместе с остальными?

– Я не смогу удерживать его долго... – Мэйси вскрикивает, и ее лицо искажается от напряжения.

Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста. Встав рядом с Мэйси и положив руку ей на плечо, я про себя повторяю это слово, словно мантру. Это мольба, адресованная вселенной, мольба спасти Хадсона и Джексона, спасти наперекор всему. У меня нет той магической силы, которая есть у моей кузины, но я могу направлять эту силу. Я делала это и раньше – с Мэйси и с Реми.

Вытянув руку, я закрываю глаза. Делаю глубокий вдох и открываюсь всей той силе, которая окружает меня, – силе земли, деревьев, камня. Во всем этом есть сила, но ее недостаточно.

– Мне нужна еще сила! – кричу я.

Я чувствую, как на мое плечо опускается рука, и Флинт говорит:

– Возьми мою. – И я сразу же понимаю, о чем он, благодарно улыбаюсь и, взявшись за нить его магической силы, направляю эту силу в портал.

Затем ко мне подходят члены Ордена и Иден, и на мои плечи ложится множество ладоней. Здесь так много разноцветных нитей, которые мне надо разобрать, так много страхов, надежд и талантов, которые я перебираю, и так мало времени, чтобы сделать необходимое.

В конце концов я оставляю попытки отличить одну силу от другой, одного человека от другого. Вместо этого я левой рукой хватаюсь за все эти нити сразу.

И сила – огромная, немислимая, *неуправляемая* сила – охватывает меня так быстро и резко, что это едва не сбивает с ног. Каким-то образом мне удается удержаться на ногах, хотя меня пронзает нечто, похожее на мощные электрические разряды.

У меня нет времени со всем этим разбираться. Кэтмир рассыпается у меня на глазах, и два парня – единственные, которых я когда-либо любила, находятся внутри. Я, не раздумывая, беру всю силу, которая у меня есть, и запускаю ее прямо в портал. Мэйси не может удержать его открытым в одиночку, но вместе мы, возможно, сумеем выиграть для Хадсона и Джексона то время, которое им необходимо.

Глава 20. Обрушение

Мэйси ахает, когда сила, которую я направляю, сливается с ее волшебством, но продолжает держаться – мы обе продолжаем держаться, – запуская в портал все, чтобы он еще какое-то время оставался открытым. План срabатывает, потому что, хотя нас обеих начинает трясти, портал расширяется.

Он становится таким большим, что теперь мы можем видеть все. Вся школу. Луга с обеих ее сторон. Флигели. И даже зловещие грозовые тучи, закрывающие небо. Но не это занимает мое внимание, не от этого мне становится больно дышать. Я не могу оторвать глаз от последней небольшой части Кэтмира, которая все еще не разрушена – потому что знаю, что там сражаются Хадсон и Джексон.

– Давай, давай, – бормочет Мекай, тоже сосредоточившись на открытом портале.

И тут мы видим их. Оба брата Вега переносятся на задний двор школы и останавливаются перед дверями, окруженными устоявшими стенами.

– Перестаньте выпендриваться и войдите уже в портал, – рычит Флинт, и тут Джексон поднимает руку, резко опускает ее, и огромная часть оставшейся стены обрушивается. Хадсон поворачивается лицом к другой секции стены, и ее средняя часть обращается в пыль, а верхние кирпичи сыплются на землю вокруг него.

И из пыли и обломков... выбираются сотни волков и окружают их. Я не задаюсь вопросом о том, почему Хадсон не обратил всех оставшихся волков в пыль. Я знаю, почему он этого не сделал. Я видела, что с ним произошло, когда он убил волков, пытавшихся наброситься на меня. Он сделает это снова только в самом крайнем случае – или если станет слишком слаб.

Меня начинает душить страх, но я полна решимости не дать ему овладеть мной, не дать ему помешать мне передавать Мэйси магическую силу, ту силу, которая разрастается в моих жилах и заставляет мышцы дрожать.

Джексон поднимает руку, и еще одна стена раскалывается надвое и обрушивается на ближайших к ней волков. Но камни падают и на Хадсона с Джексоном, и это зрелище ужасает.

Да, они вампиры.

Да, они сильны.

Да, их нелегко убить.

Но все, кто находится сейчас в Кэтмире, являются сверхъестественными существами, и всех их нелегко остановить. И, возможно, для этого требуется нечто такое, чего ни Хадсон, ни Джексон не могут сделать, не подвергнув себя опасности.

От этой мысли мои руки начинают трястись, а колени подгибаться. Даже члены Ордена смотрят в портал, прищутив глаза и сжав кулаки.

Иден пронзительно кричит:

– Да зайдите же вы уже в этот чертов портал!

Но они не могут слышать ее, как не слышат и моих безмолвных криков. Но это неважно. Я достаточно хорошо знаю их обоих, чтобы понимать, что даже если бы они слышали нас, то не прислушались бы к нашим призывам. Они готовы умереть, защищая нас, и, если ради этого им нужно будет оказаться под обрушенными стенами Кэтмира, они примут такую судьбу – я в этом не сомневаюсь.

Страх заставляет меня собрать всю силу, которая мне доступна, дать ей напитать каждую клетку моего тела, мое сердце, мои легкие, чтобы помочь Мэйси удержать портал, который уже начал сужаться и колебаться.

Но тут раздается громкий треск, и я вижу, как тысячи фунтов камней обрушиваются на головы Хадсона и Джексона.

Глава 21. Не кусай вампира, кормящего тебя

– Его больше нет! – истошно вопит Мэйси, глядя в портал.

– Чего больше нет? – кричит Лайам. Но по его лицу я вижу, что он все понял – как и все мы.

Кэтмира больше не существует. А Джексон и Хадсон? У меня подгибаются колени, и я едва не оседаю на пол и, наверное, упала бы, если бы за меня не держались все наши.

– Мэйси! – кричу я, когда все вокруг сотрясает внезапная гроза с проливным дождем. Как будто вселенная тоже удручена тем, что моей школы, последнего оплота моего детства, больше нет.

Внезапно под влиянием магической силы, которую я направляю, портал начинает колыхаться, и я частично теряю контроль над происходящим. Прежде чем Мэйси успеваает отреагировать, портал вспыхивает ярко-синим, это длится несколько секунд, затем он взрывается и одновременно с этим из него выныривают Джексон и Хадсон.

Меня накрывает облегчение, но длится оно недолго, потому что как только портал схлопывается, поток энергии, при помощи которого я удерживала его открытым, возвращается назад и ударяет в меня с такой силой, что я подлетаю вверх на несколько метров.

Я ожидаю удара – все произошло так быстро, что я даже не успела найти мою платиновую нить, но тут Хадсон ловит меня и прижимает к своей груди.

Он весь перепачкан – покрыт каменной пылью, грязью и бог знает чем еще, – и его сердце так неистово колотится под моей щекой, что кажется, будто кто-то снова и снова отвешивает мне пощечины. Но меня это не беспокоит, потому что его объятия – единственное место, где мне хочется быть.

– Черт возьми! – восклицает Рафаэль. – Я уж думал, что на этот раз вам крышка.

– И не ты один, – отзывается Джексон. Он стоит посреди помещения, упираясь ладонями в колени и глубоко дыша.

– Все в порядке, – как ни в чем не бывало говорит Хадсон, как всегда отмахиваясь от опасности. Я готова поклясться, что даже если бы он сейчас истекал кровью, то и тогда бы вел себя так же. – Мы просто ожидали подходящего момента, давая вам время обвыкнуться на новом месте. Вы же знаете, моего младшего братца хлебом не корми, дай совершить эффектный выход.

Джексон даже не поднимает головы, продолжая жадно глотать воздух, но все же на секунду прерывается, чтобы показать Хадсону средний палец и фыркнуть:

– И это говорит парень, считающий, что весь мир – театр.

– Право же, малой готов сказать что угодно, лишь бы я крикнул ему: «Бис!» – отвечает Хадсон и, поставив меня на ноги, убирает непокорные кудри с моего лица.

– И зачем я вообще волновалась? – с досадой спрашиваю я.

Он лукаво улыбается, его глаза полны нежности, когда он смотрит на меня.

– Понятия не имею.

– Да, я тоже. – Но я все равно утыкаюсь лицом ему в грудь и несколько секунд вдыхаю его запах. Мой страх наконец уходит, и я окончательно осознаю, что с ним все в порядке. Что с ними обоими все в порядке. Они уцелели несмотря ни на что, и только это и имеет значение.

Но тут Мэйси спрашивает:

– А что Кэтмир?

Мне тяжело слышать в ее голосе нотки надежды, особенно когда я чувствую, как Хадсон напрягается.

– Мне жаль, – печально говорит он, – но нам пришлось разрушить его.

– Их было слишком много, – добавляет Джексон. – Они были повсюду. У нас не было другого выхода.

Мэйси кивает, но вид у нее такой, будто ее ударили кулаком в живот. И немудрено. Ее отец похищен и, быть может, убит, а теперь у нее нет и того единственного дома, который она когда-либо знала. Я знаю, каково это, и не пожелала бы такого никому и уж тем более моей необыкновенной кухне.

– Все образуется, – говорит Иден, глядя ее по спине.

– Мы найдем способ восстановить его, – соглашаюсь я, отстранившись от Хадсона и подойдя к Мэйси, чтобы обнять ее. – Не знаю как, но мы это сделаем.

– После того как освободим моего брата, – вставляет Дауд, и в голосе его звучит сталь.

– Ты не единственный, у кого похитили родню, – парирует Мэйси. – Сайрус захватил моего отца. Так что поверь мне, никто не хочет отправиться ко Двору вампиров и освободить их больше, чем мы.

– Но не можем же мы просто явиться туда и попытаться взять его штурмом, – говорит Байрон. – Ведь тогда Сайрус убьет их всех – начав с тех, кто дорог нам больше всего.

От одной мысли о том, что я потеряю дядю Финна и Гвен, и всех других, по спине пробегают холода.

– По правде говоря, я не понимаю, почему все родители, чьи дети учились в Кэтмире, не штурмуют сейчас Двор вампиров, – замечаю я, покачав головой. – Почему они не требуют, чтобы Сайрус освободил их детей?

– Драконы не могут этого сделать, – мрачно говорит Флинт. – Покинув лазарет, я поговорил со своим отцом, и он сказал, что при Дворе все скверно. В сражении на острове мы потеряли много драконов, а те, кто остался, сомневаются в том, что моя мать способна вести их за собой, потому что она... – Он обрывает речь и сглатывает.

– Потому что она отказалась от своего дракона, чтобы спасти меня, – бесцветным голосом заканчивает Джексон.

Флинт не отвечает. Он даже не смотрит на Джексона, когда между ними повисает молчание – напряженное, скользкое, опасное.

– Человековолки не станут выступать против него, – сообщает Дауд. – Он дал слово, что не причинит вреда их детям.

– Тогда почему же, по мнению их родителей, он вообще похитил их? – спрашивает Мекай, и в его голосе звучит скептицизм. – Ведь очевидно, что если человек удерживает других людей против их воли, то делает он это не с добрыми намерениями.

– Согласен, – говорит Дауд, пожав плечами. – Но они слепо верят ему и не видят правды – а может, не хотят ее видеть. Как бы то ни было, их невозможно убедить в том, что он не тот, кем пытается казаться.

– А кем именно они его считают? – спрашивает Джексон таким безразличным тоном, будто речь идет о каком-то незнакомце, а вовсе не о его отце.

– Ты хочешь сказать, помимо того, что он чудовище? – насмешливо бросает Хадсон.

– По их мнению, он король, который покончит с их безвестностью, который позволит им перестать скрываться. – Дауд качает головой. – Разумеется, любой, у кого есть мозги, поймет, что все это лажа, но они хавают эту лабуду, как будто это мороженое с шоколадом. Их не переубедить.

– А гибель у него на службе – это что, неприятный побочный эффект? – В голосе Хадсона звучит сарказм, но в его глазах читается что-то более сложное – смесь сожаления и решимости, – и я тянусь к синей нити внутри меня.

И провожу ладонью по нашим узам сопряжения, вливая в это прикосновение столько любви и ободрения, сколько могу. Я знаю, он не хочет, чтобы другие узнали, как он мучается

из-за того, что случилось с первым отрядом волков, и сейчас это единственный способ его поддержать.

Надеюсь, он сработает.

И действительно, через несколько мгновений я с удовлетворением замечаю, как глаза моей пары широко раскрываются. Он встречается со мной взглядом, полным такой теплоты, что это вызывает у меня улыбку. На его лице читается явное облегчение, как будто он хотя бы на время избавился от сожалений и боли.

– Для них это честь, – тихо говорит Лайам. – Ничто не сравнится с гибелью во имя цели, в которую ты веришь.

То, что он говорит, ужасно, но все мы знаем, что он прав. Как прав и Дауд. Сколько раз за последние несколько месяцев мы все были готовы умереть, лишь бы остановить Сайруса? Сколько раз мы жертвовали почти всем, потому что понимали, что остановить его необходимо, что иного не дано?

Но что, если бы мы были на другой стороне? Что, если бы мы верили в него так же безоговорочно, как презираем и его, и все, что он олицетворяет? Что, если бы мы всерьез считали, что он вершит правое дело и что любой, кто встает на его пути, пытается навредить нам, нашим детям и тому миру, который мы хотим построить?

От этой мысли я содрогаюсь: отчасти потому, что ужасно думать о том, сколько чело-вековолков и вампиров клюнуло на подлые идеи Сайруса, а отчасти потому, что я начинаю понимать, с чем мы столкнулись. И это чертовски тяжело.

– Что же нам теперь делать? – шепчу я и слышу в своем голосе ужас.

– Каким будет наш первый шаг? – спрашивает Рафаэль. Он стоит, прислонясь к стене и согнув одно колено, лицо его бесстрастно. – Думаю, надо выяснить, где мы сейчас находимся и безопасно ли здесь...

– О, это просто, – говорит ему Мэйси. – Мы находимся при Дворе ведьм и ведьмаков. И здесь, *конечно же*, безопасно...

Она замолкает, потому что дверь с грохотом распаивается и в комнату врывается толпа стражников, которые, судя по их форме, являются частью Ведьминской гвардии. В руках у них волшебные палочки, и они готовы к бою.

Глава 22. Не пустая угроза

– Вы должны отсюда удалиться, – говорит ведьма, возглавляющая отряд. Она высока, имеет грозный вид, и, судя по знакам отличия на ее лиловых форменных одеждах, у нее высокое звание. – Немедля.

– Удалиться? – недоумевает Мэйси. – Но мы же только что прибыли сюда, Валентина.

– А теперь вы можете отправиться куда-то еще. – Валентина с ледяным взглядом машет волшебной палочкой, направляя ее то на Хадсона, то на Джексона, то на меня. – У Ведьминской гвардии нет места для таких, как вы.

– Таких, как мы? – Моя кузина начинает говорить как рассерженный попугай, ярость делает ее голос немного пронзительным и скрипучим, когда она повторяет слова Валентины. – Я ведьма, а это мои друзья. Мы явились сюда, чтобы попросить убежища.

Говоря это, она встает между Валентиной и Джексоном, Хадсоном и мной. Мне не нравится, что Мэйси взяла на себя роль щита, и видно, что остальным это тоже не по душе, но, когда мы сдвигаемся с места, чтобы она не заслоняла нас, она устремляет на нас предостерегающий взгляд, и мы застываем.

Кто бы мог подумать, что Мэйси способна быть такой устрашающей, когда она этого хочет? Я впечатлена, очень впечатлена – или буду впечатлена после того, как эти ведьмы и ведьмаки опустят свои чертовы волшебные палочки.

– Ты не получишь здесь убежища – ни ты, ни твои друзья, – рявкает Валентина.

– Не Ведьминской гвардии это решать. Только король или королева могут отказать в предоставлении убежища, – парирует Мэйси.

– Именно это я и пытаюсь тебе сказать. – Валентина кривит свои тонкие губы в ухмылке: – Они вам уже отказали.

Джексон напрягается, но, бросив взгляд на Хадсона, я вижу, что он ничуть не удивлен. И, по правде говоря, я тоже. Если то, что нам сказал Дауд, правда, то почти невозможно узнать, кто встал на сторону Сайруса, а кто нет. Если Двор ведьм и ведьмаков с ним заодно, то нам еще повезло, что они всего лишь отказывают нам в убежище и приказывают удалиться. Ведь все могло быть намного хуже. Но Мэйси, похоже, так не считает, потому что она выходит вперед и оказывается нос к носу с Валентиной.

– Я тебе не верю.

Валентина вскидывает бровь, но не отступает ни на дюйм.

– Мне плевать, веришь ты мне или нет, малявка. Мне важно только одно – чтобы ты и твои друзья покинули Двор ведьм и ведьмаков. *Немедля.*

– Или что? – спрашивает Мэйси, и я морщусь, потому что сейчас определенно не время выставлять ультиматумы или уличать кого-то во лжи.

Только не сейчас, когда эти гвардейцы так напряжены, а их командирша становится все более и более нервной с каждой секундой. Как и мы сами, поскольку наши тревога и изнеможение дают свои плоды. А ведь среди нас шесть вампиров и два дракона, способных изрыгать огонь и лед.

– Ты действительно хочешь это узнать? – спрашивает Валентина.

– Все не хочу, – отвечает Мэйси, сунув руку в свою поясную сумку, чтобы достать волшебную палочку. – Но думаю, мне придется это сделать, потому что так или иначе я намерена поговорить с королем и королевой.

Вот он, ультиматум, которого я страшилась. Хадсон и Джексон тоже понимают это, поскольку придвигаются ко мне и, сжав кулаки, устремляют пристальные взгляды на тех, кто станет их мишенями. Я берусь за мою платиновую нить. Мне непонятно, почему Мэйси так

настаивает на встрече с королем и королевой, но я ничего не имею против. Даже если это означает, что нам придется сразиться со всей Ведьминской гвардией.

Я тяну за свою платиновую нить и мгновенно превращаюсь в горгулью. Одновременно Джексон делает так, что комната начинает ходить ходуном. Валентина видит угрозу и прищуривает глаза. Гвардейцы за ее спиной взмахивают своими палочками, и мы напрягаемся, готовясь к атаке. Но как только волшебные палочки начинают опускаться, в дверях появляется женщина в богато украшенных лиловых одеждах.

– Хватит! – рявкает она, и все гвардейцы сразу же сдают назад. – Я не позволю вам применить насилие против такой же ведьмы, как мы. – Ее странные фиалковые глаза смотрят то на гвардейцев, то на Мэйси. – К тому же это дитя просит убежища.

– Мне было ясно приказано...

– Что ж, я отменяю этот приказ. Отведи их в главный зал. Если моя сестра решила отказаться этой девочке в предоставлении убежища, то она должна объяснить свои мотивы – как ей, так и всему двору. Так что пойдем послушаем ее объяснение.

Сестра королевы поворачивается и исчезает так же быстро, как и появилась.

Мгновение никто не двигается. Но затем палочки опускаются, и Валентина неохотно отходит от Мэйси, которая отвечает ей на удивление веселой улыбкой. Эта улыбка явно злит Валентину, потому что на этот раз уже она сама придвигается к Мэйси.

– Если кто-то из вас хотя бы посмотрит на короля или королеву как-то не так, то я вырежу ваши кишки и использую их для самых гнусных чар, какие только существуют.

Это довольно серьезная угроза – во-первых, потому, что никто из нас не хочет распрощаться со своими кишками, а во-вторых, потому, что Валентина произносит ее очень искренне. И поскольку мне не хочется ее провоцировать, я опять превращаюсь в человека. Ведь при Дворе ведьм и ведьмаков все сейчас на взводе, так что думаю, мне лучше всего выглядеть как можно более безобидно.

Мне хочется сказать Хадсону, чтобы он тоже прекратил быть таким угрожающим, но разве это возможно? Даже сейчас, стоя здесь в своих потертых джинсах и черной рубашке, он излучает силу и уверенность в себе. Все то, чего Сайрус боится... и что он жаждет заполучить.

– Следуйте за мной, – приказывает Валентина. – И не вздумайте сделать хоть один шаг в сторону от главного зала.

Она поворачивается к нам спиной и быстро идет прочь. После нашего секундного промедления Ведьминская гвардия начинает подталкивать нас к двери.

– Простите, – шепчет Мэйси, когда мы выходим в длинный широкий коридор. – Я не знала, куда еще можно податься, и думала, что здесь мы будем в безопасности.

– Если Валентина встала сегодня не с той ноги, это еще не значит, что мы здесь не в безопасности, – говорю я и на мгновение обхватываю рукой ее плечи. – Что вообще они могут с нами сделать?

– Ты что, не слушала? – спрашивает Дауд. – Они могут вырвать наши кишки и использовать их для приворота.

– Это пустая угроза, – говорит Мэйси.

– Ага, как же – фыркает Мекай. – Нет, она не шутит. Эта женщина вполне способна скормить нас своему любимому фамильяру, а потом сжечь его, чтобы показать свою крутизну.

– А что именно она хочет этим доказать? – спрашивает Рафаэль, подняв бровь.

– Что в вас нет ничего особенного, что бы вы там себе ни воображали, – рявкает Валентина, оглянувшись через плечо. – Кстати, мой любимый фамильяр – это осьминог. Так что желаю удачи.

Она больше ничего не говорит, пока мы идем по коридору – как и мы сами. Но что вообще тут можно сказать?

– *Осьминог?* – одними губами произносит Иден.

Мэйси чуть заметно пожимает плечами.

– Это все-таки лучше, чем эму.

– Неужели ты действительно знаешь ведьму, которая в качестве фамильяра держит у себя эму? – спрашивает Джексон, и в его тоне звучит скепсис.

– Я знаю ведьму, у которой фамильяром стал вампир, – отзывается Мэйси.

– К тому же мы знаем, что страусы эму слишком умны для таких вещей, – прикалывается Флинт.

Он явно пытается вывести Джексона из себя. У него, разумеется, ничего не выходит, но члены Ордена принимают громко протестовать, а Хадсон только смеется.

Впервые с тех пор, как мы возвратились в Кэтмир с острова, я чувствую, что могу дышать свободно. Что, возможно, мир не обрушится на нас в эту самую секунду. Конечно, он может обрушиться на нас через десять секунд, но пока что я буду наслаждаться этой короткой передышкой и возможностью посмеяться вместе с моими друзьями прежде, чем все опять полетит в тартарары.

Возможно, как раз потому, что сейчас я не полностью объята страхом, я пользуюсь возможностью оглядеться по сторонам. И вижу, что Двор ведьм и ведьмаков совершенно не похож ни на Двор драконов, ни на Двор горгулий – единственные Дворы, где мне довелось побывать.

Если Двор драконов представляет собой образчик манхэттенского гламура, а Двор горгулий явно застрял в средневековье, то Двор ведьм и ведьмаков – воплощение изыска: его архитектура изысканна, и он полон затейливых произведений искусства. Стены коридора украшены барельефами с изображением четырех стихий, солнца, луны и звезд и полотнами в великолепных рамах из настоящего золота. На картинах изображены ведьмы в небесно-голубых одеждах, стоящие в магических кругах, а также лесные пейзажи. И везде полным-полно свечей. Красные, фиолетовые, черные, белые, золотистые – они стоят в канделябрах, торчащих из стен через каждые несколько футов.

Половина этих свечей зажжена. Тут я замечаю, что перед нами на расстоянии в несколько ярдов идут две ведьмы – одна справа, другая слева. Каждая из них несет длинный факел, по виду напоминающий церемониальный, и зажигает им свечи.

– Почему они не используют магию? – шепотом спрашиваю я Мэйси, и она мотает головой.

– Нас с молодых ногтей учат, что магию нельзя тратить на пустяки. Она обходится дорого – и нам, и природе, и самой вселенной, – так что мы не пускаем ее в ход для таких утилитарных вещей, как зажжение свечей, не используемых в чарах и обрядах. Тем более, что их приходится зажигать каждый день в одно и то же время. Королева настаивает на том, чтобы зажигать их, несмотря на то, что у нас есть и обычное освещение.

Она начинает говорить что-то еще, но резко обрывает свою речь, когда мы приближаемся к огромным застекленным створчатым дверям. Они выкованы из настоящего золота, на котором выгравированы венки из цветов. И каждый из этих цветов инкрустирован драгоценными и полудрагоценными камнями – рубинами, изумрудами, сапфирами, лазуритом, кварцем, бирюзой и многими другими, названий которых я не знаю.

Не надо быть гением, чтобы понять, что сейчас мы войдем в зал для королевских аудиенций. Это ясно не только по этим баснословно дорогим дверям, но и по тому, что Мэйси вытягивается в струнку, чего прежде я за ней не замечала. И все в Ведьминской гвардии делают то же самое – особенно Валентина.

– Не вздумайте проявить к ним неуважение, – предостерегает нас она и поправляет свой плащ. – Или я заставлю вас пожалеть, что вы родились на свет.

Затем прежде, чем мы успеваем осмыслить ее предостережение, она шагает вперед, и громадные золотые двери начинают отворяться.

– Добро пожаловать, – цедит она сквозь зубы, – в Большой зал Двора ведьм и ведьмаков.

Глава 23. Много шума из ничего

Проходит несколько секунд прежде, чем двери распахиваются полностью, и, пока мы ждем, я успеваю рассмотреть Большой зал. Я убеждаюсь, что его можно было бы назвать также тронным залом и что король и королева явно выставляют свое богатство напоказ.

Это кажется мне странным: близко общаясь с Мэйси и дядей Финном, я бы ни за что не подумала, что Двор ведьм и ведьмаков может выглядеть вот так. Двор вампиров? Черт побери, да. Безусловно. Но те ведьмы и ведьмаки, которых я знала по Кэтмиру, намного скромнее. Они не стремятся афишировать свои богатство и власть.

Но это же Двор. А если судить по тому, что мне известно о королях и королевах минувших времен, то именно ради этого они и устраивали свои Дворы – чтобы продемонстрировать богатство и власть.

Когда мы входим в Большой зал, я понимаю, что мне только *казалось*, что коридор богато украшен. Теперь я вижу, что он выглядит довольно скромно по сравнению с этим залом с его огромными фресками на потолке, гигантскими люстрами и картинами, покрывающими стены целиком, за исключением исполинских окон, обрамленных шелковыми занавесками. Пол здесь выложен мрамором с золотистыми прожилками – в тон тому золоту, которым отделан сам зал и роскошная мебель. Троны тоже изготовлены из чистого золота и инкрустированы драгоценными камнями размером с кулак, а сиденья и спинки прикрыты подушками из лилового атласа – надо думать потому, что сидеть на золоте не так уж удобно. Впрочем, тому, кто желает иметь трон из чистого золота, все равно, что на нем неудобно сидеть, главное – продемонстрировать, что его владелец влиятелен и могуч.

Я немного удивлена тем, что король и королева не сидят на своих тронах. Мне не довелось познакомиться с ними, когда они посещали Кэтмир, но сейчас я вижу, что у них очень надменный вид. Правда, их подданные в этом зале смеются, болтают, лакомятся яствами, расставленными на роскошном фуршетном столе, который тянется вдоль всей боковой стены, и никто не выглядит особенно подобострастным.

Двери за нами затворяются с глухим стуком, и все в зале поворачиваются в нашу сторону еще до того, как гвардейцы окружают нас и ведут в переднюю часть зала – причем маршируют они *очень* замысловато.

Вперед выходит мужчина в причудливо выглядящем мундире и объявляет:

– Король Линден Цой и королева Имоджен Цой.

Только когда мы оказываемся перед тронами, король и королева выходят из толпы, облаченные в фиолетовые бархатные одежды. Король темноволос, подстрижен ежиком, камзол под фиолетовым плащом облегает его немного плотнее, чем тогда в Кэтмире. Королева возвышается над своей парой, и ее пшеничные волосы волнами ниспадают на усыпанное бриллиантами платье, переливающееся при каждом ее движении. Их головы увенчаны коронами, и, когда они усаживаются на свои троны – король слева, королева справа, – все гвардейцы кланяются им так низко, что, кажется, еще немного, и они поцелуют пол.

Еще больше я удивляюсь тому, что мои друзья делают то же самое – Мэйси, Иден, Дауд, Джексон, Хадсон и члены Ордена кланяются королю и королеве ведьм и ведьмаков. Пара секунд, и все в комнате следуют их примеру, так что единственным человеком, который остается стоять прямо, становлюсь... я.

Я тоже начинаю сгибаться, но Джексон и Хадсон одновременно сжимают мои локти, побуждая меня продолжать стоять прямо. И до меня доходит, в чем суть. Разумеется, они отводят головы – да, они принцы, но по положению они ниже, чем король или королева. Так что неудивительно, что Хадсон и Джексон не дают мне поклониться. Я сжимаю руку в кулак, смотрю на кольцо на пальце и напоминаю себе, что я тоже королева.

Тату с Короной на моей руке немного чешется от этого напоминания, и я неловко переступаю с ноги на ногу. Но продолжаю стоять прямо. Думаю, лучше держаться с королем и королевой ведьм и ведьмаков на равных, чем вести себя как какая-то «шестерка», которая просит их о чем-то. Кстати, о чем? О помощи? Об информации? Об убежище, как говорила Мэйси?

Король и королева смотрят на меня, слегка прикрыв глаза и раздраженно кривя губы. Не знаю, чем именно они недовольны – тем, что я не кланяюсь им, или тем, что мы имели наглость явиться сюда. Как бы то ни было, король и королева выглядят как люди, которые последний час сосали лимоны.

– Вы можете выпрямиться. – В зале раздается голос королевы, звонкий и мелодичный, и все начинают распрямляться.

Она ждет, пока все в зале сделают как велено, затем уставляется на Мэйси, которая неловко переступает с ноги на ногу, но при этом не перестает смотреть королеве в глаза.

– Зачем ты явилась сюда? – спрашивает королева, но ее слова звучат как обвинение, а не как вопрос.

– Я не знала, куда еще нам идти, – отвечает Мэйси, и голос ее не дрожит, но сама она трепещет, как лист, и мне хочется подойти к ней и предложить свою поддержку. Однако что-то подсказывает мне, что на сей раз делать этого не стоит, так что я продолжаю стоять на месте и пытаюсь не смотреть на королеву испепеляющим взглядом. – Кэтмир...

– Мы знаем, что произошло в Кэтмире, – резко бросает королева. – Как и то, что ответственность за это несете вы.

Мэйси с усилием сглатывает.

– Нам пришлось разрушить школу – у нас не было другого выхода. Приспешники Сайруса...

– Я говорю не о той нелепой истерике, которую закатили там эти принцы-вампиры, – рявкает королева. – Я говорю о захвате наших детей. Этого никогда не произошло бы, если бы...

– Если бы что? – рычит Флинт. – Если бы мы позволили Сайрусу прикончить нас?

– Скорее, если бы мы прогнулись и позволили ему выиграть, – вставляет Хадсон, – как это делает Двор ведьм и ведьмаков.

Глаза короля сужаются, превращаясь в щелки.

– Неужели ты думаешь, что сможешь получить от нас помощь, оскорбляя нас?

– Нет, я так не думаю. – Хадсон небрежно пожимает плечами. – Но вы и так уже решили, что не станете нам помогать. А все остальное – просто шоу.

– Мы ничего не можем для вас сделать, – резко произносит королева. – Валентина проводит вас.

– Вы хотите сказать, что вы *не хотите* ничего для нас сделать, – парирует Мэйси. – Я не понимаю почему, ведь мы просим у вас убежища.

– Вы не просите, а требуете, – гаркает король, – хотя не имеете на это права.

– Простите. – Мэйси покорно опускает голову. – Мы вовсе не хотели...

– Именно этого вы и хотели, – перебивает ее король. – Но мы отказываем вам в вашей просьбе не из-за твоей заносчивости – и не из-за заносчивости твоих друзей.

– Мы уже сделали для вас все, что могли, – говорит королева. – Нам следовало бы уведомить Сайруса в тот момент, когда сработала наша сигнализация – когда ты и твои друзья, не являющиеся ведьмами и ведьмаками, явились сюда, используя портал.

– Сайруса? – повторяю я, настолько ошеломленная, что его имя вылетает у меня само собой. – Значит, теперь вы заодно с Сайрусом?

– Ничего мы с ним не заодно! – рявкает король, глядя Хадсону в глаза. – Но тебе ли не знать, что он сделал.

– Вам придется выразиться точнее, – отвечает моя пара, растягивая слова, и стряхивает со своего плеча воображаемую пылинку. – В последнее время мой отец был очень плохим мальчиком.

– Можно и так сказать, – вполголоса бормочет Флинт.

– Вы думаете, что вы единственные, кого волнует то, что произошло в Кэтмире? – Король выплевывает каждый слог так, как будто слова отравлены. – Думаете, только вы не находите себе места от тревоги за тех, кого он захватил? Он удерживает больше сотни детей ведьм и ведьмаков как с нашего Двора, так и из самых сильных ковеннов. Мы должны обеспечить их безопасность, пока нам не удастся договориться об их возвращении.

– И вы считаете, что сможете обеспечить их безопасность, выставив нас? – тихо спрашивает Мэйси, округлив глаза.

– Мы не можем предоставить вам убежище или предложить помощь. Король вампиров пообещал мне, что пока мы выполняем это условие, наши дети будут в безопасности. – Королева сплывает. – Моя дочь останется цела и невредима.

И тут я вспоминаю – в минувшем учебном году дочь короля и королевы была в Кэтмире ученицей девятого класса. Кажется, ее зовут Эмма. Мэйси как-то показывала ее мне в коридоре, но я с ней так и не познакомилась. Часть меня понимает, почему они не хотят нам помогать. Но другая, куда большая часть меня, разумеется, считает их глупцами. К этому времени они должны были усвоить, что верить Сайрусу хоть в чем-то – это огромная ошибка. Если он захочет причинить вред Эмме, то он это сделает, и ничто не заставит его передумать.

Судя по всему, я не единственная, кто так думает, потому что Хадсон смеется изумленным – и оскорбительным – смехом.

– Вы не можете всерьез в это верить, – резко говорит он, когда они поворачиваются к нему. – Ваши дети отнюдь не в безопасности. Я знаю отца, и за свою жизнь он не сдержал ни одного обещания. Он даже не знает, как это делается.

Мэйси вздергивает подбородок.

– Похищенным детям могут уже сейчас причинять вред.

Королева подается вперед.

– Как ты можешь это знать?

– Мэриз сказала, что она слышала, как человековолки говорили о том, что ученики Кэтмира нужны Сайрусу не в качестве заложников, а в качестве источника молодой магической силы. – Мэйси не упоминает о том, что Мэриз нас предала – может, моя кузина сомневается в том, что она нам сообщила?

Король и королева переглядываются, и мне начинает казаться, что они могут уступить, понять, что верить Сайрусу нельзя и что им нужна наша помощь. Но тут король поворачивается к нам снова и качает головой.

– Хотя молодую магическую силу действительно легче украсть и присвоить, Сайрус заверил нас, что нашим детям ничего не грозит, и мы не видим причин сомневаться в его словах.

– Не видите причин? – Хадсон закатывает глаза. – Да что с вами такое? Он же *похитил ваших детей*. Что в этом поступке говорит о его честности?

– А кто такая эта Мэриз? – спрашивает королева, проигнорировав реплику Хадсона и вскинув бровь. – Откуда нам знать, что ей можно доверять?

Мэйси начинает объяснять, но успевает произнести только три слова:

– Она была нашей... – когда король ударяет кулаком о подлокотник трона.

– Довольно! Мы больше не будем слушать вашу ложь. Вы сейчас же покинете наш Двор или поплатитесь. – Он уставляется на Хадсона и Джексона. – И не думайте, что мы не сможем помешать очередной вашей истерике разрушить наш Двор.

Хадсон фыркает.

– Ага, я с удовольствием посмотрю на эти ваши потуги.

– Выставив нас, – добавляет Джексон, – вы бросите на произвол судьбы ту единственную группу людей, которая могла бы помочь спасти вашу дочь.

На этот раз оскорбительным смехом раздражается королева.

– Неужели вы действительно считаете, что у вас есть шанс в борьбе против Сайруса и той коалиции, которую он создал? Одиннадцать человек против армии в несколько тысяч?

– Если сам Сайрус не считает нас угрозой, то зачем пытается добраться до нас и запрещает другим помогать нам?

Это хороший вопрос. В самом деле, почему Сайрус лезет из кожи вон из-за каких-то одиннадцати человек? Из-за меня?

Я опускаю взгляд, смотрю на тату Короны на своей ладони и понимаю, что, возможно, у меня есть ответ на этот вопрос.

Глава 24. Если нет желания, то нет и сделки

– У меня есть Корона, – объявляю я, и все в зале замолкают, когда я поднимаю правую руку и показываю королю и королеве тату на своей ладони. Они оба уставляются на меня с выражением ужаса на лицах и отшатываются от моей руки. Их реакцию можно было бы назвать комичной, но мне сейчас не до смеха.

Король приходит в себя первым и, выпрямившись, похлопывает королеву по руке.

– Не беспокойся, дорогая. Корона не имеет никакой ценности без Армии горгулий.

Теперь отшатываюсь уже я сама, чувствуя себя так, будто меня ударили по лицу. Тогда, при Дворе горгулий, мой дед так и не объяснил мне, ни что представляет собой эта самая Корона, ни как использовать ее, и он точно не упоминал о том, что она не имеет никакой ценности без Армии горгулий.

Спасибо тебе, дедуля.

Как бы то ни было, я не могу не гадать, что вызвало у короля и королевы ведьм и ведьмаков такой страх перед Коронай. Конечно, мы все понимаем, что она должна обладать немалой магической силой, раз уж сам король вампиров явился на тот остров, чтобы не дать нам заполучить ее. Я уже начала беспокоиться, что дело во мне. Может быть, я недостаточно сильна, чтобы пользоваться Коронай, или недостойна ее, и именно поэтому не почувствовала в себе никакой перемены, когда король горгулий передал мне тату?

Я вздыхаю. Мне надо перестать недооценивать себя. И начать прямо сейчас.

Моргнув, я поворачиваю руку тыльной стороной вверх, чтобы король, королева и все остальные увидели кольцо с огромным изумрудом, которое дал мне мой дед.

– Думаю, в таком случае хорошо, что у меня есть эта армия, не так ли?

Я перестаю дышать, ожидая их реакции. И они реагируют быстро – все в Большом зале ахают, даже Мэйси.

У меня еще не было возможности рассказать Хадсону и остальным о путешествии ко Двору горгулий, не говоря уже о кольце или об Армии горгулий, или о том, что я прихожусь внучкой Неубиваемому Зверю. Позже мне надо будет ввести их в курс дела. А пока, похоже, подобное заявление – единственный шанс убедить короля и королеву ведьм и ведьмаков оказать нам помощь. Очевидно, что они боятся того, что может сделать Корона – разумеется, в купе с Армией горгулий, – а значит, я все делаю правильно.

Стоящий рядом со мной Хадсон переступает с ноги на ногу, и я бросаю на него быстрый взгляд и одними губами произношу:

– Потом.

После этого я опять поворачиваюсь к королю и королеве. Нам необходима поддержка Двора ведьм и ведьмаков, а значит, я должна убедить их в том, что способна использовать Корону, что бы это ни означало.

– Не может быть, – шепчет королева. – Армия горгулий исчезла более тысячи лет назад.

– Кто дал тебе это кольцо, девушка? – резко спрашивает король, а его подданные окружают меня, чтобы рассмотреть то, чего все они так боятся. – Ты украла его, – объявляет он.

Я ошетиливаюсь.

– Разумеется, я его не крада. Его подарил мне мой дед. – Я делаю паузу и замечаю, что в зале царит гробовая тишина, потому что все затаив дыхание ждут моих следующих слов. – Я имею в виду короля горгулий.

Тут же поднимается невообразимая суматоха, раздаются крики.

– Значит, король горгулий жив? Значит, Армия горгулий еще существует? Значит, всем руководит эта девушка? – И вишенка на торте: – Значит, она должна повести на Сайруса целую армию?

Нет, конечно же, нет. Но, если иначе нельзя, я, черт возьми, попытаюсь.

Сделав глубокий вдох, я говорю:

– Само собой. – И бросаю на Хадсона взгляд, а он кивком показывает мне, чтобы я продолжала. – Но мне понадобится ваша помощь.

Королева качает головой.

– Правила не изменились. И неважно, чье кольцо ты носишь. Мы не можем вам помочь, пока король вампиров удерживает в заложниках наших детей.

При этих словах мои плечи опускается, рука с кольцом падает, как плеть.

Но Хадсон не сдаётся.

– Вы хотите сказать, что, если мы сумеем вырвать ваших детей из лап Сайруса, Двор ведьм и ведьмаков согласится помочь нам выступить против Сайруса?

– Я не... – начинает король, но его жена перебивает его.

– Да. – Ее тон не терпит возражений. – Если наши дети будут в безопасности, я обещаю, что Двор ведьм и ведьмаков выступит на вашей стороне.

Не давая ей времени передумать, я быстро отвечаю:

– Заметано.

Сотни свечей на стенах Большого зала вспыхивают ослепительным синим пламенем и горят так несколько секунд. Затем синий цвет мало-помалу бледнеет, и огоньки свечей снова становятся желто-оранжевыми.

– Сделка заключена, – объявляет королева. – А теперь уходи.

Внезапно нас со всех сторон обступают гвардейцы и, подталкивая, выводят из Большого зала в просторную приемную. Думаю, все могло быть и хуже. Сейчас мы по крайней мере твердо стоим на ногах и даже можем надеяться на то, что в конце концов Двор ведьм и ведьмаков поможет нам в войне против Сайруса.

Но едва я успеваю подумать об этом, как Валентина машет рукой, и мои друзья исчезают.

Глава 25. Нет GPS для не-таких-уж-нечестивых

– Что ты сделала с ними? – восклицаю я, и в моей голове начинают роиться жуткие мысли. – Где они? Что ты сделала с моими друзьями?

– Я совсем забыла, что горгульи не восприимчивы к магии. – Она тяжело вздыхает и машет рукой одному из гвардейцев. – Сделай с ней что-нибудь, хорошо?

– С удовольствием. – В глазах гвардейца читается неприязнь, когда он хватает меня за предплечье.

«Может, мне лучше превратиться в горгулью, чтобы стряхнуть его?» – думаю я, но в конечном итоге решаю ничего не предпринимать. Я так же не хочу оставаться здесь без моих друзей, как эти ребята не хотят видеть меня при своем Дворе. К тому же, если повезет, этот гвардеец отведет меня туда, где сейчас находятся мои друзья, и мы сможем придумать, что делать дальше. И куда отправиться.

Мы должны найти способ вырвать учеников Кэтмира из когтей Сайруса, но нам нужно придумать по-настоящему хороший план прежде, чем мы попытаемся атаковать короля вампиров на его территории. Иначе мы можем оказаться в заточении вместе со всеми остальными... или все закончится еще хуже.

Поэтому я не сопротивляюсь, когда гвардеец, сжимая мое предплечье, ведет меня к двери. Валентина смеется над моей покорностью, но я не обращаю на нее внимания. Мне совсем не хочется, чтобы она бросила меня в темницу, просто чтобы потешить свое самолюбие. Она позволяет гвардейцу провести меня в обратном направлении по тому же самому коридору с барельефами и вниз по лестнице. Мы не останавливаемся, пока не доходим до боковых дверей, которые Валентина открывает взмахом палочки.

– Желаю удачи, – говорит она, и впервые в ее голосе не звучит ни злорадства, ни сарказма. Более того, мне кажется, что она произносит это искренне, после чего выводит меня из золотых дверей во двор, освещенный черными свечами, и через кованые железные ворота на улицу с неровной булыжной мостовой.

Правда, это не совсем улица, понимаю я, оглядевшись по сторонам. Смеркается, так что разглядеть окружающий пейзаж труднее, чем днем, но света все еще достаточно, чтобы в общих чертах понять, где я нахожусь. Это город, поскольку я стою на какой-то площади, причем надписи на уличных табличках не на английском. К тому же, когда мы покинули Кэтмир, было утро, так что ясно – я сейчас где-то за границей, в другой части света.

Я достаю из рюкзака телефон и быстро поворачиваюсь вокруг своей оси, снимая окрестности на видео. Затем отправляю это изображение своим друзьям в наш групповой чат и пишу:

Я: Где я?

И еще одно сообщение:

Я: Где вы?

Я решаю не сходить с места, чтобы им было легче найти меня. Ожидая, я продолжаю осматриваться, пытаюсь понять, в каком я городе или хотя бы в какой стране. Первым делом я фотографирую ближайшую табличку и увеличиваю изображение, чтобы можно было прочесть слова.

«La Piazza Castello».

Ага, стало быть Двор ведьм и ведьмаков находится в Италии. Я этого не ожидала и теперь чувствую себя дурой. Почему, прожив столько месяцев в одной комнате с Мэйси, я так и не поинтересовалась у нее, где находится Двор ведьм и ведьмаков? И почему она сама ни разу об этом не упомянула?

Я отправляю моим друзьям еще одно сообщение, чтобы дать им знать, где я нахожусь, затем еще раз оглядываюсь по сторонам. Если я не ошибаюсь, «piazza» – это по-итальянски

«площадь», и я понимаю, почему это место получило такое имя. Оно представляет собой прямоугольник, окруженный улицами с каменными домами, в середине которого находится большой прямоугольный газон.

Здания на улицах белые, красивые, построены в итальянском стиле, и, судя по большому числу вывесок, днем здесь, наверное, бывает очень оживленно. Но сейчас эта площадь совершенно безлюдна, и, похоже, я здесь единственный человек. От этой мысли мне делается не по себе. Едва я начинаю об этом думать, как рядом со мной, перенесшись, оказывается Хадсон и обнимает меня.

– С тобой все в порядке? – спрашивает он, глядя мои руки от плеч до запястий.

Я улыбаюсь ему.

– Извини, что так случилось. Валентина забыла, что магия не действует на горгулий. – Я перевожу взгляд на площадь и вижу, что она по-прежнему пуста. – А где все?

– Мы разделились. Я добрался сюда первым, – говорит он с таким видом, будто это само собой разумеется. Впрочем, наверное, так оно и есть, ведь он всегда находит меня.

– Ты так огорошила их. – Он с улыбкой отпускает меня. – Я наслаждался каждой минутой этой сцены. Особенно когда королева чуть не свалилась с трона, стараясь отодвинуться подальше от Короны.

Я качаю головой и усмехаюсь.

– Да, это было странно. Но это, разумеется, нисколько не помогает мне разобраться в том, на что способна эта Корона.

Меня пробирает дрожь, и он снова заключает меня в объятия. Это так же естественно, как дыхание, когда я обвиваю руками его талию, кладу голову ему на грудь и слушаю, как ровное биение его сердца вторит биению моего. Я не знаю, сколько времени мы так стоим, но я рада, что Хадсон не задает мне вопросов, хотя у него их наверняка не меньше десятка. И самый главный заключается в том, каким образом я, почти все время проведя с ним, ухитрилась не только выяснить, что король горгулий мой предок и что Армия горгулий все еще существует, но и заполучить кольцо, означающее, что теперь я стою во главе этой армии.

Но он ни о чем меня не спрашивает, а просто продолжает обнимать, слушая мое дыхание и показывая мне, что, что бы ни случилось, я не одна.

Наконец я отстраняюсь, чтобы посмотреть ему в лицо, и он, подняв одну бровь, говорит:

– Значит, Неубиваемый Зверь – это король горгулий?

Ну разумеется, Хадсон уже дошел до этого своим умом. Я киваю.

– А ты его прямой потомок, хотя вас разделяет много поколений. – Это уже утверждение, а не вопрос.

Я опять киваю.

– И он отдал тебе это кольцо, чтобы ты вела за собой свой народ.

На этот раз, кивая, я затаиваю дыхание, ожидая его реакции.

Он улыбается мне, заправляет мне за ухо пряди волос, упавшие на лицо, и говорит:

– Что ж, он поступил умно. В его нынешнем состоянии он не смог бы даже довести человека до туалета, не говоря уже о том, чтобы повести кого-то в бой.

И я не могу удержаться от смеха.

– Над чем ты смеешься? – спрашивает Джексон, когда нас окружают члены Ордена и остальные мои друзья.

Должно быть, они отыскали меня, когда я с замиранием сердца ожидала реакции моей пары на весть о том, что теперь я стою во главе армии из старинных легенд. Но хотя я все рассказала Хадсону, мне пока не хочется обсуждать это с остальными. Вместо этого в попытке избежать их расспросов я решаю всех повеселить.

– О, я только что выяснила, какой обет дал Хадсон, когда подарил мне обетное кольцо. Он пообещал каждый вечер красить мне ногти на ногах до конца наших дней.

Все смеются, а Хадсон, подыграв мне, ухмыляется.

– Мечтать не вредно.

Мекай хлопает его по плечу.

– Я готов заплатить, чтобы это увидеть. Я запостил бы эту сцену. Везде.

– Да ладно, у меня нет комплексов по поводу собственной мужественности. Я не имею ничего против покраски ногтей на чьих-то ногах, в том числе на собственных. – Он поворачивается к Флинту. – Ну, за исключением твоих когтей. – И, повернувшись к Джексону, добавляет: – И твоих ноготков. – Затем смотрит на членов Ордена. – Ну и ваших, кроме разве что ногтей Байрона. Похоже, он уделяет им немало внимания.

Все хохочут, а у меня от любви к нему переполняется сердце. Я понимаю, что у него на уме, и ценю его за это. Он знает, что у всех есть ко мне вопросы, но дает мне возможность рассказать им все, когда я буду готова. Не сейчас.

Потому что в данный момент прямо к нам направляется ведьма, с которой мы уже знакомы.

Глава 26. Нет выбора

– Виола. – Голос Мэйси дрожит, когда мы все поворачиваемся к ведьме в роскошных лиловых одеждах, благодаря которой мы получили нашу аудиенцию у короля и королевы. – Что ты здесь делаешь?

– Я почувствовала, что началась суматоха, и решила выяснить что к чему. Только представьте себе мои изумление и ужас, когда я поняла, что моя дорогая сестра выгнала это дитя на Piazza de Castello, не дав ей ни лучика надежды, не объяснив, куда она попала. – Она машет рукой, и всю площадь заливают яркий нездешний свет.

– Некоторые из нас чувствовали себя очень комфортно в темноте, – выдавливая из себя Лайам, всем своим видом показывая, что он сыт ведьмами по горло.

Мэйси нервно смотрит на него и вворачивает:

– А вот я не люблю темноту, так что спасибо тебе.

– О, мне это было нетрудно, – отвечает Виола. – Но некоторые ведьмы и ведьмаки могут особенно хорошо рассеивать темноту, моя дорогая, и ты одна из них.

– В каком смысле? – спрашиваю я, а Мэйси одновременно со мной восклицает:

– В самом деле?

Виола склоняет голову набок и смотрит на мою кузину. Вид у нее задумчивый, как будто она пытается решить, что можно нам открыть, а что нет. Но это кажется мне нелогичным, ведь это она пришла к нам, а не наоборот. Разве она не должна была уже решить, что именно ей хочется нам сказать?

Должно быть, остальным тоже не терпится услышать ее ответ, потому что никто не произносит ни слова, пока Виола наконец не говорит:

– Я знаю только одну ведьму, способную заставить даже самых свирепых обитателей темноты в страхе пуститься наутек, и думаю, что ее помощь может понадобиться вам прежде, чем ваше путешествие завершится.

– Почему? – спрашивает Байрон. – И как нам ее разыскать?

– Она не терялась – так что вам нет нужды ее искать. Она состоит при Дворе вампиров. Что же до того, кто она... – Она поворачивается к Мэйси. – Я думала, что ты это уже поняла.

– Что ты имеешь в виду? – недоуменно спрашивает Мэйси. – Я не знаю никого, кто занимался бы магией теней.

– Да нет же, моя дорогая, знаешь. Твоя мать – большая искусница по этой части.

Ее слова повисают в воздухе, как фейерверк перед тем, как разлететься – веские, взрывоопасные, необратимые.

– Моя мать? – шепчет Мэйси, и кровь отливает от ее щек. – Моя мать пропала. Много лет назад. Никто не знает, где она.

– Это не совсем так. – Виола вздыхает. – Мне не хотелось становиться той, кто сообщит тебе эту весть, но... она сейчас находится там же, где была все эти восемь лет. При Дворе вампиров, где она служит Сайрусу.

Кажется, Мэйси бледнеет еще больше, если такое вообще возможно.

– Этого не может быть. – Ее голос звучит бесцветно, в глазах появляется лихорадочный блеск. – Моя мать не стала бы этого делать. Она просто *не могла* этого сделать. Не могла пойти на службу к Сайрусу. Она могла бросить нас, могла исчезнуть с лица земли, но они с моим отцом всегда презирали Сайруса. Она бы ни за что не стала на него работать.

Виола пожимает плечами, будто говоря: *посмотрим, кто из нас прав.*

– Запомни, дитя мое, в мире Сайруса дела очень редко обстоят так, как он утверждает. И никогда так, как кажется на первый взгляд.

– Ты что, защищаешь его? – В голосе Мэйси звучит возмущение.

– Я бы никогда не стала защищать этого скота, – рывкает Виола, и на этот раз на ее лице отражается искренний гнев. – И можешь не сомневаться – если хоть один волос упадет с голов наших детей, то он испытает такие мучения, что ад покажется ему детской площадкой.

– Тогда кого...

– Я защищаю твою мать. Это опасный мир, и иногда, чтобы выжить в нем, приходится заключать самые сомнительные союзы. Иногда нужно делать ужасные вещи, потому что выбора у тебя нет.

– У человека всегда есть выбор, – возражает Дауд, засунув руки в карманы своих джинсов.

– Возможно. – Виола смотрит на человековолка сверху вниз. – Но иногда хороших вариантов у тебя просто нет, а есть только те, которые не дадут тебе или тем, кого ты любишь, погибнуть. И любой, кто думает иначе – наивное дитя.

Мэйси замолкает – замолкает не так, будто ей больше нечего сказать, а так, будто она не знает, что сказать. Или что чувствовать. Пять минут – слишком мало для того, чтобы она переварила весть о том, что ее мать жива и состоит при Дворе вампиров, не говоря уже обо всем остальном.

Мне в голову приходит мысль. Когда мы находились при Дворе ведьм и ведьмаков, было ясно что король и королева знают, что именно может делать Корона.

– Виола, я могу задать тебе вопрос?

Она устремляет на меня пронзительный взгляд своих фиалковых глаз.

– Конечно, можешь, хотя я не могу гарантировать, что я тебе отвечу.

– Резонно. – Я киваю, затем делаю глубокий вдох и трясущимися руками обхватываю себя за талию. Не знаю, почему мне так страшно задавать ей этот вопрос, но я все же вскидываю подбородок и говорю: – Ты знаешь, в чем именно сила Короны? Почему король и королева – и Сайрус – так боятся ее?

Глаза Виолы округляются, как будто она не ожидала, что я задам ей именно этот вопрос.

– Значит, когда ты получила ее, никто тебе этого не сказал?

Я качаю головой.

– Вообще-то это... необычно. – Она делает паузу, будто раздумывая, говорить мне или нет, но затем, видимо, решает, что я должна это знать, и подается вперед, словно сообщая секрет. – Горгульи тысячу лет были в мире сверхъестественных существ силой, которая поддерживала закон и порядок. Армия горгулий окружала тех, кто совершил тяжкие преступления – и король горгулий возлагал Корону им на руку и решал, какого наказания они заслуживают.

Теперь удивляюсь я, ведь она сказала совсем не то, чего я ожидала.

– Что ж, вряд ли это может помочь в ведении войны. – В моем голосе звучат горечь и разочарование. – А я-то думала, что Корона дает тому, кто ее носит, безграничные силу и власть. Разве Сайрус хочет заполучить ее не за этим?

Но Виола цокает языком.

– Ты не понимаешь, дитя мое. Тот, кто владеет Короной, может лишить человека его магической силы частично или полностью, если сочтет, что он того заслуживает. На день. На неделю. Навсегда. Все зависит от того, какое наказание полагается за преступление, в котором Армия горгулий обвиняет провинившегося. Для этого достаточно прикосновения руки. Ну что, разве тебе не кажется, что возможность сделать любого врага бессильным – это и есть безграничные сила и власть?

– Ничего себе, – говорит Флинт, присвистывает и отходит от меня. Как и остальные. Все, кроме Хадсона.

Внутри у меня все сжимается при мысли, что я могу лишить кого-то магической силы. Я делаю судорожный вдох и шепчу:

– Я знаю, каково это – лишиться моей горгульи, это сделали со мной в тюрьме, и я бы не пожелала такого никому. Я не... – Мой голос срывается, и я пытаюсь снова. – Я не хочу владеть этой Коронай. Как я могу избавиться от нее?

Но Виола просто пристально смотрит на меня, и в ее взгляде читается что-то похожее на восхищение. Она оглядывает меня с головы до ног и говорит:

– Полагаю, множество людей недооценивает тебя, не так ли, Грейс? Это хорошо. Значит, они не успеют подготовиться к твоему появлению.

Надо полагать, это комплимент?

– Для этого мне не нужна Корона. Ты знаешь, как я могу избавиться от нее?

– Единственный способ передать Корону – это отречение от престола в пользу другой горгульи из королевского рода, – отвечает она, и каждое ее слово бьет по моей измученной душе, словно молоток. Я считала, что понимаю, что переживает Хадсон, верша судьбы других людей, понимаю, как он мучается из-за опасений сделать неверный выбор, но теперь мне кажется, что до этого момента я по-настоящему не понимала его. До тех пор, пока не выяснилось, что у меня в руках – буквально у меня на ладони – оказалась сила, благодаря которой я могу лишить человека основного права – права быть тем, кем ему предназначено быть. Права продолжать жить, как он желает. Могла бы я взвалить эту ношу на кого-то еще?

Но я еще не использовала эту силу и хочу, чтобы она оставила меня, хочу, чтобы тату исчезло с моей ладони. Мне хочется вцепиться в нее ногтями, но тут Хадсон берет меня за руку и притягивает к себе.

– Все образуется, – шепчет он, уткнувшись в мои волосы, и я пытаюсь поверить ему.

Виола продолжает:

– Ты хочешь сказать, что, если бы у тебя появилась возможность лишить Сайруса его магической силы за совершенные преступления, ты бы этого не сделала?

Я качаю головой. Это правда, я бы не стала этого делать. Или по крайней мере сейчас мне так кажется.

– Я не должна иметь ни тени сомнения, что он продолжит вредить другим, убивать других, но думаю, даже тогда мне будет очень тяжело это сделать.

– Потому ты и владеешь Коронай, Грейс. Такие решения не должны приниматься легко. Но иногда другого выбора нет.

Я знаю, на что способен Сайрус, и поэтому мне трудно ей не верить, трудно не признать, что у меня нет иного выбора, кроме как довести это дело до конца и не упустить наш единственный шанс остановить его прежде, чем он причинит вред еще большему количеству людей. Я уже собираюсь согласиться с ней, когда уголки ее губ опускаются и она говорит:

– Конечно, это всего лишь теоретический вопрос, поскольку, как сказал король, Корона ничего не стоит без Армии горгулий. Должно быть, Сайрус считает, что нашел способ обойти это условие, если то, что ты говоришь о его желании заполучить Корону, правда.

– Тогда что же нам теперь делать? – спрашивает Байрон.

Он адресует этот вопрос всем нам – и более всего Джексону, – но отвечает ему Виола.

– Теперь? – Она поднимает одну бровь. – Теперь вам надо обратиться как можно дальше от Двора ведьм и ведьмаков.

– Да, думаю, в этом и состоит наш план, – соглашается Мэйси. – Но мы не знаем, куда отправиться, если нам нельзя остаться...

– Почему? – Голос Хадсона звучит напряженно. – Что мы не учли?

Виола всматривается в его лицо, будто ища там что-то. И, видимо, находит, потому что отвечает:

– Если я знаю мою сестру, у вас есть еще минут десять прежде, чем здесь начнется ад.

– Ты считаешь, что она выдаст нас? – Теперь напряжение звучит уже в голосе Джексона, а его взгляд быстро скользит по площади, пока он ожидает ответа.

– Думаю, Имоджен считает, что выбора у нее нет. – Она говорит это нарочито спокойно, как бы повторяя свою мысль – ту самую, насчет которой она разошлась во мнениях с Даудом. – Собственно говоря, по-моему, сейчас многие из нас так считают. Включая тебя.

– Это не значит, что мы не должны попытаться найти вариант получше, – говорит ей Флинт. – Просто взять и убраться отсюда, потому что мы боимся того, что может произойти – это не вариант. Во всяком случае, вариант не из лучших.

На этот раз, когда Виола вскидывает бровь, в ее глазах отражается уважение. И что-то еще. Мое чутье подсказывает мне, что именно поэтому она вдруг наклоняется и прижимает ладонь к искалеченной ноге Флинта.

– Что ты де... – Он замолкает и изумленно вскрикивает, когда под ее рукой вспыхивает свет.

– Замолчи, – шипит она, но молчать становится невозможно, потому что через несколько секунд там, где прежде находилась нижняя половина голени Флинта, появляется гладкий полированный протез.

– О боже, – выдыхает Иден. – Как ты это сделала?

Виола поднимает обе брови и свысока смотрит на Иден и на всех нас.

– Разумеется, с помощью магии, как же еще?

Она поворачивается к Флинту, который потрясенно смотрит на свой новый протез.

– Я не... Я не могу... Спасибо...

– Он будет двигаться вместе с тобой. – Она намеренно перебивает его прежде, чем он успеет как следует ее поблагодарить. – Конечно, он не будет работать так же хорошо, как работала твоя нога, но он позволит тебе избавиться от этих штук. – Она презрительно смотрит на его костыли.

– А почему ты решила нас отыскать? – спрашиваю я, потому что не верю, что эта женщина явилась сюда просто затем, чтобы увидеть, из-за чего началась «суматоха».

Прежде чем ответить, она устремляет на меня оценивающий взгляд.

– Что бы ты ни делала, Грейс, ты не можешь позволить Сайрусу захватить тебя в плен. Смерть лучше того, что он планирует сделать с тобой.

Я судорожно втягиваю в себя воздух.

– И что же это? – бормочет Хадсон.

– Он собирается... – начинает она, но прерывается и вздрагивает, когда вдалеке слышится шум. Ее глаза округляются, и она кричит: – Бегите! Скорей! – И тут свет на площади гаснет, и все погружается во тьму.

Глава 27. Куда ведут проселочные дороги

Секунду я пребываю в полной растерянности, но затем Хадсон прижимает меня к себе, и мы переносимся прочь от площади. Я не знаю, почему Виола велела нам бежать – потому ли, что приближается Ведьминская гвардия, или потому, что явились войска Сайруса, чтобы взять нас в плен. Возможно, и то, и другое.

Скорее всего, и то, и другое.

В любом случае я обеими руками за то, чтобы убраться с этой темной стремной площади и захватить с собой всех моих друзей. Я оглядываюсь, чтобы удостовериться, что они последовали за нами. Члены Ордена переносятся по улицам, Мэйси крепко держится за Байрона, Дауд бежит за ними, а Иден и Флинт чуть-чуть отстают. Протез Флинта работает почти так же хорошо, как его нога. Каждые несколько шагов с ним случается едва заметная заминка, но в целом все отлично.

Очевидно, что ему и Иден хочется превратиться в драконов, но так же очевидно, что они ждут, когда мы очутимся в таком месте, где никто не сможет снять вирусное видео с двумя летящими драконами. Скверно, что мы понятия не имеем, где находится это место. Поэтому мы продолжаем бежать, стараясь убраться как можно дальше от Двора ведьм и ведьмаков. Наконец оживленные городские улицы, полные зданий, фонтанов и припаркованных машин, сменяются пейзажем, где много зелени и куда меньше домов. Но остановиться и передохнуть нам удастся только тогда, когда город оказывается далеко позади и мы видим перед собой Альпы с их снежными вершинами.

– Слава богу! – говорит Иден, ничком упав на траву, едва только мы делаем остановку. Она вся мокрая от пота, ее одежда прилипла к телу, и она судорожно втягивает в себя воздух.

Флинт – чей протез работал невероятно хорошо – тоже валится на землю, как и Дауд. Все трое похожи при этом на загнанных лошадей. В отличие от вампиров, которые, похоже, все так же свежи. Да, члены Ордена немного запыхались, но этим все и ограничивается, а Джексон и Хадсон вообще выглядят так, словно они просто выходили на прогулку. Со мной все в порядке и с Мэйси тоже, но это потому, что нас все это время несли Хадсон и Байрон. Иначе мы бы наверняка отстали на несколько миль.

– Итак, – говорит Флинт, наконец отдышавшись, – что нам делать дальше?

– Лежать тут и ждать смерти, – со стоном отвечает Иден. Ее слова звучат приглушенно, поскольку она по-прежнему лежит, уткнувшись лицом в траву.

Дауд садится.

– Как бы прелестно это ни звучало, лично я голосую за то, чтобы напасть на Двор вампиров.

– Это опасно, – отвечает Байрон.

– А что безопасно? Чем дольше мы будем ждать, тем больше у Сайруса будет времени для того, чтобы сделать настоящую крепость из своего Двора.

– Он и так уже ее сделал, – сообщает Хадсон. – Он всегда был сверхбдительным, когда речь шла о безопасности, и что бы мы ни предприняли, этого ничто не изменит. Если мы явимся туда как бараны на бойню, это не спасет твоего брата. Как и остальных.

– Мы не спасем их и в том случае, если будем бегать по земному шару, прося помощи у тех, кто не желает нам помогать, – парирует Иден.

– Тут ты права, – соглашается Джексон. – Но это не значит, что нам надо просто атаковать Сайруса, не заботясь о последствиях.

– Слишком многое зависит от того, как именно мы попадем ко Двору вампиров, чтобы просто идти на штурм, не имея плана, – говорю я, обращаясь к Дауду. – Нам нужно подождать

несколько дней, чтобы придумать, как незаметно пробраться туда, а уж потом я с радостью помогу тебе разнести этот чертов Двор на куски – кирпич за кирпичом.

– Возможно, у моего брата нет этих нескольких дней, – возражает он.

– Я согласна с Даудом. Там наши родные, наши друзья, и кто знает, что с ними может произойти. – Голос Мэйси звучит хрипло.

Мекай качает головой.

– А я согласен с Грейс. Нам нужен надежный план, иначе мы окажемся в заточении вместе с остальными – и нас уже некому будет спасти.

– Тогда что же нам делать? – спрашивает Байрон, опускаясь на землю рядом с Флинтом. – Куда мы вообще можем податься, чтобы разработать этот самый план? Кэтмира больше нет, Двор ведьм и ведьмаков нас не принимает...

Флинт поворачивается на бок и подпирает голову рукой.

– Среди драконов царит полный раздрай.

– А за нашими семьями, скорее всего, следят, – добавляет Лайам, усевшись между Байроном и Даудом.

– Наверняка, – соглашается Хадсон. – Но даже если слезки нет...

– Она точно есть, – перебивает его Мэйси.

– Да, ее не может не быть, – подтверждает Джексон. – Но, даже если бы за ними не следили, разве мы хотим впутать их в это? Сайрус известен своей склонностью к беспределу, если кто-то встает у него на пути.

– Значит, так в наше время стали называть психопатов? – Тон у Хадсона веселый, но в глазах мрак. – Людьми, склонными к беспределу?

– Рыбак рыбака видит издалека, – с укором бросает Флинт, и Хадсон напрягается, сжимает зубы и устремляет взгляд в даль.

– Ты это серьезно? – говорю я, и у меня руки чешутся дать Флинту в зубы. Я понимаю, что он все еще зол на Хадсона и что, возможно, он будет зол на него всегда – из-за того, что Хадсон использовал свой дар, чтобы спасти меня, но не Луку. Но сейчас не время нападать друг на друга, и особенно это относится к нападкам на мою пару, ведь только благодаря ему мы смогли покинуть Кэтмир и спастись... а сам он с тех пор только и делает, что мучает себя.

– Это пустяки... – начинает Хадсон.

– Нет, не пустяки! – возражаю я. – Мы – это все, что у нас есть. Мы можем полагаться только друг на друга, больше нам рассчитывать не на кого, и нам нельзя цапаться.

– Она права. Ты не должен этого делать, – говорит Джексон и так долго смотрит в глаза Флинту, что мне становится не по себе.

Флинт испускает страдальческий вздох и отвечает:

– Я постараюсь не вести себя как придурок, но ничего не обещаю.

– Это означает, что он однозначно будет вести себя как придурок, – с ухмылкой замечает Лайам.

– Кто бы говорил, – парирует Рафаэль и толкает его в плечо, а Лайам в ответ согласно кивает, что вызывает всеобщий смех.

Это немного разряжает обстановку – настолько, что я почти что забываю свой гнев. Но я знаю, Флинт так и не простил Хадсона – и потому полностью избавиться от гнева я не могу.

– А как насчет Кровопускательницы? – предлагает Иден, когда парни замолкают. – Ведь в ее распоряжении есть целая ледяная пещера. Наверняка мы могли бы там передохнуть и продумать дальнейшие шаги.

– Нет. – Этот ответ вырывается у меня сам собой, и все мое существо восстает против того, чтобы встретиться с ней вновь. – Мы не можем отправиться к ней.

– Почему? – спрашивает Джексон. – Вообще-то это не такая уж плохая мысль.

– Эта мысль не просто плоха, она вообще никуда не годится. Ведь эта женщина... – Я замолкаю, напомнив себе, что я так и не сообщила Джексону, что она сделала с ним. С нами обоими. Но сейчас, при всех, я не могу рассказать ему правду.

В конце концов я выбираю полуправду.

– Я ей не доверяю. Она ни разу не сказала нам всего того, что нам необходимо было знать. Думаю, нам ни к чему снова искать ветра в поле или выслушивать полуправду.

– Это точно, – соглашается Мэйси. Вид у нее печальный и потерянный – я не видела ее такой даже после того, как погиб Зевьер. Правда, это не удивительно. Узнать, что мать бросила ее ради того, чтобы отправиться ко Двору вампиров и служить Сайрусу... это невозможно выразить словами. Особенно если учесть, что в эту самую минуту Сайрус насильно удерживает ее отца.

Я крепко обнимаю ее, а она поначалу противится моим объятиям. Однако я не отпускаю ее – ведь кто-кто, а она заслуживает сочувствия. В конце концов она тоже обнимает меня.

Остальные негромко переговариваются, высказывая идеи относительно того, куда мы могли бы отправиться. Иден то и дело поглядывает на нас, явно расстроенная тем, что Мэйси сама не своя, но я за спиной Мэйси жестом показываю ей, что все под контролем. Она кивает, снова поворачивается к остальным и высказывает еще одно предложение о том, где мы могли бы найти пристанище.

Но никто так и не предлагает ничего по-настоящему дельного, и тут у меня в голове появляется одна мысль. Она нелепа, совершенно невероятна и безумна – и именно поэтому могла бы сработать.

Наконец Мэйси отстраняется от меня.

– Прости, – шепчет она и начинает искать в своем рюкзаке что-нибудь, чтобы вытереть слезы.

Я достаю из переднего кармана моего рюкзака маленькую пачку бумажных носовых платков и даю ей пару.

– Не извиняйся. Ведь на тебя столько всего свалилось за последние двадцать четыре часа.

– Не только на меня, на нас всех.

– Да, но ведь это не состязание. А если бы это было состязанием, то ты бы наверняка одержала в нем победу. Остальные по крайней мере знают, где сейчас находятся их родители.

– Да уж, нам это известно, – соглашается Хадсон, сев на траву. – Что весьма прискорбно. В смехе Мэйси звучит отголосок слез, но это все-таки смех.

– Я тебя понимаю, ведь знать, где находится Сайрус – это, пожалуй, своего рода облом.

– Еще больший облом – это *не* знать, где он, – парирует Хадсон.

– Это точно, – вставляет Флинт и подойдя одной рукой крепко обнимает Мэйси за плечи.

Вскоре все ложатся на траву. Видно, что они так же измучены, как и я. Немудрено, ведь последние два дня были бурными. Каждое из произошедших с нами за это время событий казалось невыносимым до того, как оно происходило. А если сложить их вместе, то складывается впечатление, что близится конец света.

А может, он уже наступил, просто мы еще этого не знаем.

Думать об этом не очень-то приятно, когда мы находимся где-то в итальянской глубинке и нам некуда податься. Сунув руку в рюкзак, я достаю коробку печенья «Поп-Тартс» и предлагаю ее друзьям – за исключением вампиров, – после чего вынимаю две бутылки воды, которые я положила в рюкзак в последний момент.

Все выпивают по паре глотков, и благодаря воде – и вишневому печенью – стоящие перед нами проблемы начинают казаться не такими уж неразрешимыми. Может, у нас все-таки есть шанс на победу?

Во всех наших приключениях шансы на победу всегда были невелики, но каким-то образом мы все же одерживали ее. Быть может, так будет и на этот раз.

Именно эта надежда и побуждает меня поделиться мыслью, которая начала зреть в моем мозгу после того, как мы оказались при Дворе ведьм и ведьмаков. – У меня есть идея.

Глава 28. Ирландское счастье

Мои слова доходят до них не сразу, и я терпеливо жду, когда все перестанут говорить и повернутся ко мне.

– Какая идея? – спрашивает Джексон, когда все замолкают.

Я делаю глубокий вдох, пытаюсь придумать лучший способ рассказать им об Алистере и Дворе горгулий, и в конце концов решаю начать с того, что убедило меня саму – с кольца с изумрудом, по-прежнему надетого на безымянный палец моей правой руки.

– Я получила это кольцо при Дворе горгулий, – говорю я им, включив фонарик на телефоне, чтобы продемонстрировать блеск изумруда, после чего быстро рассказываю обо всем, что со мной произошло.

И подытоживаю:

– Я думала, что, быть может, все это глюк, но кольцо, которое Алистер отдал мне и которое Честейн поцеловал, по-прежнему на моей руке... так что, должно быть, это произошло на самом деле, не так ли?

– Конечно, это произошло на самом деле. – Хадсон берет мою руку и целует и ее тыльную часть, и кольцо. И я таю – и потому, что он так легко принял то, что кажется невозможным, просто поверив моим словам, и потому, что он так легко принял то, что нелегко принять даже мне самой. Мой статус королевы горгулий.

Одно дело быть королевой, когда у тебя нет подданных, и совсем другое – править тысячами горгулий, живущими по всему свету. Часть меня хочет бежать от этой ответственности со всех ног.

Мне кажется диким, что Сайрус готов на все ради большей власти, ведь сама я хочу одного – избавиться от той власти, которая мне досталась. Мне восемнадцать лет, и всего семь месяцев назад я даже не подозревала, что этот мир существует. Как же от меня можно требовать, чтобы я правила его частью?

Корона на моей ладони слегка зудит, напоминая, что я не могу отказаться ни от этой власти, ни от всего остального. Ведь Сайрус намерен уничтожить всех, кто не желает подчиниться ему.

– А где находится этот Двор горгулий? – спрашивает Рафаэль.

– В Ирландии, – одновременно отвечаем я и Дауд.

Я, подняв брови, поворачиваюсь к нему, и он чуть заметно пожимает плечами.

– Во всяком случае, так говорится в историях про горгулий, которые рассказывают в моей стае. Хотя где именно в Ирландии, они не сообщают.

– В твоей стае знают истории про горгулий? – удивляюсь я.

– *Все* знают истории про горгулий, – говорит Иден. – Просто до встречи с тобой мы не знали, правдивы они или нет.

– Значит, ты считаешь, что мы должны отправиться в Ирландию? – спрашивает Байрон, пристально глядя на меня.

– Да, думаю, сейчас это для нас наилучший вариант. Двор горгулий находится в графстве Корк в огромном замке на вершине утеса, над океаном. Этот замок изолирован и хорошо защищен. Там мы могли бы немного отдохнуть и обсудить наши дальнейшие шаги. – Я замолкаю и делаю долгий выдох прежде, чем перейти к той части плана, которая мне не по душе. – И это даст нам возможность мобилизовать Армию горгулий. По крайней мере ту ее часть, которая находится в этом замке. Их там не так много, но, если к нам присоединятся несколько десятков людей, которые умеют делать то же, что и я... Это было бы неплохо, разве не так?

– Да, совсем неплохо, – ухмыляется Мэйси. – Как ты думаешь, они могут становиться такими же огромными, как ты сама в конце турнира Лударес или Неубиваемый Зверь на острове?

– Это было бы классно, – говорит Лайам. – Вы могли бы просто растоптать Двор вампиров в пыль.

– И вместе с ним моего говнюка-папашу, – добавляет Джексон, и в его голосе слышится гадливость.

– Мне нравится такая перспектива, – замечает Дауд. – Я считаю, что после того, как мы вытащим оттуда моего брата, это поганое место надо стереть с лица земли.

– Я не знаю, способны ли на это другие горгульи, – говорю я. – Но, если это могу сделать я, то, наверное, могут и они, верно?

Я поворачиваюсь к Хадсону за подтверждением, но он просто задумчиво смотрит на меня и молчит.

– Что не так? – тихо спрашиваю его я, пока наши друзья продолжают обсуждать, как было бы здорово, если бы горгульи просто растоптали Двор вампиров, словно великаны, отплясывающие на буйной пирушке.

– Ничего, – отвечает он. – Просто я думаю, что, когда в конце турнира Лударес ты увеличилась в размерах, дело было не в тех способностях, которыми обладают горгульи.

Я ошеломлена.

– Что ты хочешь этим сказать? Ведь Неубиваемый Зверь, то есть Алистер, тоже был огромен.

– Он был огромен, потому что много веков использовал камни, чтобы восстанавливать себя. Твоя сила носит совершенно иной характер. Не забывай, я жил в твоём сознании очень долгое время. – Он подмигивает мне. – Так что мне ли не знать, что у тебя *внутри*.

В обычных обстоятельствах подобное замечание заставило бы меня покраснеть и отвлекло бы меня от любых мрачных мыслей, но сейчас попытка Хадсона не удастся. В моем мозгу роятся мысли о том, что Алистер говорил мне о бабушке и ее склонности кусать людей. А что, если я немного чудовище? Что-то огромное, жуткое? Мне становится страшно, но я говорю себе, что все это пустяки. Если бы Хадсона беспокоило что-то подобное, он бы давно мне сказал. Моя пара из тех, кто всегда действует на упреждение, даже когда я того не хочу.

– Тогда в чем же, по-твоему, тут дело? – собравшись наконец с духом, спрашиваю я.

Одновременно Иден говорит:

– Не знаю, как вы, а я готова убраться с этого поля.

– Мы тоже готовы, и еще как, – отвечает Дауд, шаря рукой по траве. Он что, что-то уронил? Должно быть, пропажа находится, поскольку он кладет что-то в карман, затем переводит взгляд на Мэйси. – Ты готова создать эту твою штуку? – Он машет рукой.

– Я не могу. – Мэйси вздыхает. – Я никогда не бывала в Корке.

На лице Дауда отражается удивление.

– А что, ведьмы и ведьмаки не могут открывать порталы, ведущие в те места, где они не бывали?

У Мэйси тоже делается удивленный вид.

– Э-э, нет. Мы владеем магией, но мы не *боги*. А чему вас вообще учат в этой вашей стае?

– Судя по всему, того, чему нас учат, все равно недостаточно. – Он оглядывается по сторонам. – Ну а как нам попасть туда?

– Да уж, учат вас не лучшим образом, – поддразнивает его Иден и, открыв карты на телефоне, показывает картинку остальным. – Похоже, лучше всего будет двинуться отсюда напрямик на северо-запад. В конце концов путь нам преградит Атлантика, но мы же можем держаться на небольшой высоте.

– На небольшой высоте? – спрашивает Дауд, и у него округляются глаза.

– Есть только один способ добраться туда, – отвечает Флинт с улыбкой, которая почти доходит до его глаз. – Мы полетим, малыш.

Воздух вокруг него начинает переливаться, светиться, несколько секунд – и он уже принял обличье дракона, включая протез драконьей ступни с когтями.

– Вот это да! – восклицает Байрон, наклонившись, чтобы рассмотреть волшебную ногу Флинта.

Слава богу. Не знаю, почему Виола решила нам помочь, но я вечно буду ей благодарна.

Пока все остальные охают и ахают, разглядывая протез Флинта, я опять поворачиваюсь к Хадсону.

– Что ты собирался сказать? Насчет моих способностей?

Он вроде бы готовится ответить, но в последнюю секунду качает головой.

– Неважно, – говорит он и ухмыляется.

– Да нет, важно, – не соглашаюсь я, и часть меня так и подмывает потребовать у него ответа. Но, если честно, у меня сейчас и так хватает забот – я беспокоюсь о том, что мне сказать горгульям, когда мы доберемся до Двора горгулий. Так что беспокоиться о каком-то там мутном дополнительном даре, который у меня то ли есть, то ли нет, я начну как-нибудь потом, а до тех пор придется подождать. Я реанимирую – по крайней мере на этот вечер – свою старую папку под названием «Дерьмо, которое необязательно разгребать сейчас» и засовываю в нее этот вопрос.

– Значит, вы хотите, чтобы мы туда полетели? – У Дауда округляются глаза, и он делает несколько шагов прочь от Флинта. – Но как? На твоей спине?

– Это совсем не страшно, – заверяет его Мэйси, когда Байрон подсаживает ее на спину Флинта. – Давай, – говорит она, протягивая Дауду руку. – Мы с Байроном поможем тебе забраться сюда.

Но на лице Дауда написан скептицизм.

– Сейчас это единственный вариант, так что просто сделай это, – обращается к нему Лайам. – Если только ты не умеешь ходить по воде.

Дауд мрачно смотрит на него, но все-таки позволяет Байрону посадить себя. Мэйси хватается за руку, подтягивает немного выше, и Дауд усаживается с благодарным видом. Но тут Флинт двигается, и человековолк испускает истошный крик. Он замолкает только тогда, когда Дауд в ужасе прикрывает рот рукой, пока все мы смеемся.

Дракон Флинта тоже фыркает от смеха, а затем – ведь это же Флинт – исполняет небольшой танец, чтобы Дауд не расслаблялся. Он наверняка надеется, что Дауд опять заорет, но, по видимому, у того свело челюсть, потому что на сей раз человековолк не издает ни звука. Он только закрывает глаза и глубоко дышит. Помню, я делала то же самое, когда Флинт предложил мне полетать с ним в первый раз.

– А ты полетишь? – спрашивает меня Хадсон, держа мою руку и подходя к Иден, которая как раз завершает свое превращение в дракона.

– В яблочко, – отвечаю я с улыбкой. – Но ты не беспокойся. Если ты свалишься, я тебя подхвачу.

Я ожидаю, что он рассмеется, но его глаза совершенно серьезны, когда он говорит:

– А я тебя.

Он отворачивается прежде, чем я успеваю спросить его, что он имел в виду, и просит у Иден разрешения запрыгнуть на нее. Дракон кивает, и он легко вскакивает на ее спину. За ним следуют Рафаэль и Лайам, которые, судя по их виду, паникуют так же, как Дауд. Из всех членов Ордена только Байрон, похоже, чувствует себя комфортно на драконьей спине.

Я немного переживаю за них и досажую на idiotские неписанные правила Кэтмира, не приветствующие тесное общение между разными видами сверхъестественных существ. Хадсон, Джексон, Мэйси, Флинт, Иден, Мекай, Зевьер, Гвен, Лука – лучшее, что есть у меня в

этом мире, даже лучше, чем открытие о том, что я горгулья. Я даже представить не могу, какой была бы моя жизнь, если бы мы следовали этим дурацким правилам и не общались с теми, кто на нас не похож.

Поскольку мне грустно об этом думать, я посылаю Хадсону воздушный поцелуй. Затем смотрю на Джексона, который планирует пустить в ход свой телекинез, и говорю:

– Тот, кто прибудет в Ирландию последним, спляшет танец маленьких утят.

– Значит, вот так, да? – спрашивает он.

– Да, вот так, – отвечаю я и превращаюсь в горгулью.

Как только у меня появляются крылья, я взрываю в воздух, предоставив Джексону, Иден и Флинту глотать поднятую мной пыль.

И на протяжении всего полета изо всех сил стараюсь не беспокоиться насчет приема, который ждет нашу разношерстную компанию, когда мы доберемся до Двора горгулий.

Глава 29. В полете с драконами

Несмотря на то, как начался этот полет, дальше он идет совсем не так, как бывает обычно. Нет никаких кувырков, никаких мертвых петель, никаких соревнований между Иден и Флинтом или между Джексоном и мной. Есть только спокойное созерцание, когда мы пролетаем над Европой, перелетаем через Ла-Манш и в конце концов оказываемся над Кельтским морем.

Мы приближаемся к далекому острову, и я ощущаю приближение Двора горгулий так же отчетливо, как биение собственного сердца. Между нами словно натянута нить, которую кто-то медленно сматывает, притягивая меня все ближе с каждым оборотом.

– Мы уже почти на месте, – кричу я остальным и начинаю снижаться.

Я планирую над Кельтским морем, глядя, как восход окрашивает воду в чудесный оранжевый цвет, когда солнце поднимается над горизонтом. Это напоминает мне о моих утренних пробежках по пляжам Сан-Диего. И я впервые думаю о том, что, быть может, мои родители сбежали в Калифорнию именно потому, что она тоже находится на побережье. Пусть это не Атлантический океан, а Тихий, но океан есть океан. Калифорния – приморский штат, а вода – неотъемлемая часть моей магической силы.

Я смотрю на друзей и вижу, что они начинают уставать. Флинт немного отстает от остальных, его крылья широко раскинуты, и он старается как можно меньше махать ими, планируя на воздушных течениях. Иден все еще машет крыльями, но взмахи становятся все медленнее. Даже Хадсон немного сутулится и, похоже, продолжает полет только усилием воли.

Далеко впереди видны утесы Корка. Несмотря на усталость, кровь в моих жилах начинает бурлить, и инстинкт заставляет меня лететь все быстрее, пока на горизонте наконец не показывается он.

Я вижу затейливую кованую ограду, окружающую Двор горгулий – тот каменный замок, который высится за ней.

Меня охватывает трепет, и я начинаю гадать, как они встретят меня и моих друзей. Будет ли Честейн следовать моим указаниям или же решит остаться верным Алистеру даже после того, как король горгулий совершенно однозначно передал эстафету мне? Примут ли меня остальные горгульи или станут игнорировать? И что я буду делать, если они решат не слушать меня? Как мне это исправить? И, что еще важнее, можно ли вообще это исправить?

В моей голове возникает множество вопросов, и они становятся все более трудными и пугающими по мере приближения к Двору горгулий. Но когда я оказываюсь прямо над ним, меня ждет сюрприз.

Я медленно приземляюсь, гадая, не ошиблась ли. Не было ли в той путеводной звезде, которая привела меня сюда, какого-то изъяна? Не привиделись ли мне те часы, которые я провела здесь вместе с Алистером?

Место, где я стою, несколько не похоже на то, где я побывала вчера. Затейливая ограда выглядит такой же, но все остальное будто исчезло.

Внешний двор, по которому я прошла? Его нет.

Замок, где тренировались горгульи? От него не осталось ничего – только груды камней и обвивающие их вьюнки.

Сами горгульи? Они исчезли, будто их никогда тут не было.

Двор горгулий – мой Двор горгулий? Сон, который превратился в кошмар.

Глава 30. Ну как вам эти руины?

Как только Иден приземляется, Хадсон оказывается рядом со мной.

Поначалу он ничего не говорит, как и я сама. Вместо этого мы просто стоим, уставясь на руины. Двора, где я видела горгулий, больше нет. Как и огромных стен и широких круглых башен, высящихся до самых небес. Не осталось ничего, кроме множества обломков и несбывшихся надежд. Последние разбились о землю прямо у моих ног.

– Должен признаться, что эта эстетика не вызывает энтузиазма. – В словах звучит сарказм, но тон Хадсона мягок, как и его взгляд, когда он тихонько толкает меня плечом.

– Что, на твой вкус, это слишком напоминает *конец света*? – спрашиваю я, прислонясь к нему.

Он закатывает глаза.

– Скорее, это слишком напоминает мне, что *стены – это старомодно*.

– А мне по душе хорошая стена, – говорю я ему и улыбаюсь, хотя всего две минуты назад мне казалось, что я уже никогда не смогу улыбнуться.

– А я-то думал, что речь должна идти о четырех стенах. – Он прижимает мою спину к своей груди, крепко обнимает меня и кладет свой подбородок на мою макушку.

– Тебе всегда нравилось перегибать палку.

Ощущать его рядом здорово, очень здорово, даже несмотря на все эти разрушения. И потому я приваливаюсь к нему и пару секунд дышу. Просто дышу.

– Ты в порядке? – спрашивает он через несколько секунд.

– Только не тогда, когда ты спрашиваешь меня об этом таким тоном.

– Каким?

– Таким, будто ты ожидаешь, что я вот-вот сломаюсь. Или будто я уже сломлена. – Я отстраняюсь. – Двор горгулий не привиделся мне. Он был здесь. Прямо здесь.

– Я в этом нисколько не сомневаюсь, – заверяет меня Хадсон, и видно, что он мне действительно верит.

Я поворачиваюсь к развалинам, больше похожим на груды обломков, гадая, не мог ли это сделать Сайрус. Мог ли он опередить меня и разрушить замок просто для того, чтобы нам не удалось обрести пристанище? Но тогда что же произошло с теми горгульями, которых я видела здесь вчера? Может, они погребены под этими камнями и ждут, когда я их разыщу?

Эта мысль побуждает меня к действию – и я захожу за полуразрушенную проржавевшую ограду туда, где находился великолепный внешний двор, выходявший на океан. Но тут в дело включается логика – а также моя наблюдательность, которая, похоже, здорово притупилась.

Этот замок был разрушен не вчера, а много десятилетий или даже столетий назад. Все здесь заросло сорняками и выюнками, а ограда полностью проржавела. Там и сям в руинах валяются кости животных, которые приходили сюда на разведку и закончили свои дни, не сумев выбраться из россыпей обломков.

Нет, это сделал не Сайрус. Во всяком случае, не сейчас и не в прошлом веке. А что случилось здесь до того, остается только гадать.

– Я не понимаю, – шепчу я, когда нас окружают наши друзья. – Это был не сон, я в этом уверена.

Я провожу большим пальцем по изумруду в моем кольце. Он так же тверд и так же реален, как раньше.

– Я ничего не выдумывала. Я видела этот замок так ясно. – Я иду на левую часть двора и подхожу к груде больших камней, увитых плющом. – Здесь была башня – одна из четырех. В ней были витражные окна, а наверху – квадратные зубцы, и она стояла здесь. *Прямо здесь*.

– Никто не сомневается в тебе, Грейс, – говорит Мэйси.

– Я сама в себе сомневаюсь. Как тут не сомневаться?

– Я не хочу никого обидеть, но я тоже сомневаюсь, – вступает в разговор Дауд и пожимает плечами. – Я хочу сказать, что, по-моему, это немного похоже на... – Он изображает косяк.

Это худшее из того, что он мог сказать: ведь я и без того начинаю сомневаться в себе. Судя по их виду, мои друзья готовы устроить ему выволочку за его бестактность. Но в его словах есть и плюс, потому что они вызывают у меня смех – несмотря ни на что.

– Я не понимаю, что со мной происходит, – говорю я Дауду и остальным. – Когда Алистер перенес меня сюда, все казалось таким реальным.

– Скорее всего, это и было реальным, – замечает Джексон с мягкой улыбкой. – Есть тьма чудес на небе и в аду, Гораций, не снившихся философам твоим.

– Ты хочешь сказать – «на небе и земле», не так ли?³ – говорю я и тоже улыбаюсь ему, потому что как же иначе? Ведь это были едва ли не первые слова, которые он мне сказал – это было и предостережение, и обещание, хотя тогда я этого не понимала.

– После последних нескольких дней? – Он приподнимает бровь. – Нет, я однозначно хочу сказать «на небе и в аду». Потому что уверен – ни Шекспиру, ни Гамлету не доводилось переживать всего того, что за последние недели пережили мы.

– Тут ты прав. – Я состраиваю гримасу, чувствуя, как меня охватывает облегчение – наперекор всему.

В последнее время произошло множество ужасных событий, но я счастлива от того, что Джексон жив и с ним все хорошо. Глядя на него, никто бы и подумать не мог, что он умер меньше сорока восьми часов назад.

Он выглядит хорошо, по-настоящему хорошо. К тому же сейчас – впервые за долгое время – с ним снова стало приятно общаться. Неловкость между нами почти исчезла, и ее место заняло что-то другое – что-то похожее на смесь уважения, признательности и любви. Нечто большее, чем дружба, но меньшее, чем романтическая любовь.

Нечто, очень похожее на отношения между братом и сестрой.

Он прав – случилось много ужасного, но раз Джексон и я в итоге пришли к тому, к чему должны были прийти с самого начала, то думаю, все не так уж и скверно. А если учесть, что мы с Хадсоном наконец во всем разобрались – во всяком случае я так думаю, – то я не могу не испытывать осторожного оптимизма и надеяться, что все будет хорошо. Даже если все остальное в нашей жизни – и в нашем мире – лежит в руинах.

– Так что же нам делать дальше? – спрашивает Иден. Она сидит на большой груде камней, и видно, что она так устала, что у нее слипаются глаза.

– Думаю, нам надо отыскать отель, – предлагаю я. – Что-нибудь в глуши, где ни Сайрусу, ни его приспешникам не придет в голову нас искать. Нам надо выспаться, и тогда, возможно, у нас появится шанс на победу. Или мы хотя бы сможем убедить себя, что он у нас есть.

– Уже, – говорит Хадсон, быстро касаясь большими пальцами экрана своего телефона. – Я нашел в приложении дом неподалеку от этого места. И снял еще несколько коттеджей на ближайший месяц на тот случай, если нам придется залечь на дно надолго. Прошлой ночью у них не было постояльцев, так что владелец за небольшую плату разрешил нам заселиться сегодня с утра.

– В приложении? – ошеломленно спрашиваю я. – Ты имеешь в виду что-то вроде Airbnb?

– Да, что-то в этом духе. – Он улыбается.

– Мне казалось, что в таких случаях надо бронировать заранее и что для аренды нам должно быть не меньше двадцати пяти.

---

³ «Есть тьма чудес на небе и земле, Гораций, не снившихся философам твоим» – слова Гамлета: Уильям Шекспир, «Гамлет», действие 1, сцена 5. Пер. Е. Сомина. (Прим. ред.)

– Грейс, мне двести лет, и я чертовски богат. – Он произносит это шутливо и, достав из кармана темные очки, надевает их в ту самую секунду, когда лучи восходящего солнца касаются края двора. – Иногда это бывает полезно.

Наверное, это самые характерные слова, которые он когда-либо произносил, если не считать того раза, когда он сравнил Джексона с дирижаблем Goodyear Blimp, и я не могу не рассмеяться.

– Ты несносен. Но ведь ты это знаешь?

Он самодовольно ухмыляется.

– Я отправил адрес этого места всем вам – то есть всем, кроме Дауда. Извини, я не знаю твоего номера. Я встречу вас там, а сейчас мне надо отлучиться.

– Подожди, почему? – Я хватаю его за предплечье, и его ухмылка становится еще шире.

И тут до меня доходит почему, доходит еще до того, как я замечаю, что его взгляд упирается в ямку на моем горле. Он пил мою кровь в тюрьме меньше сорока восьми часов назад. Я не могу вспомнить, на какое время вампир, пивший человеческую кровь, становится гиперчувствительным к солнцу, но очевидно, что это продолжается дольше, чем два дня.

– Иди! – говорю я и, отпустив его руку, толкаю его к ограде.

– Именно это я и пытаюсь сделать, – отвечает он, устремив на меня такой взгляд, что во мне вопреки усталости вспыхивает жажда, которая не имеет отношения к воде.

– Я тоже удалюсь, – говорит Джексон и переносится прочь. Это здорово меня удивляет.

Особенно, когда я поворачиваюсь, чтобы сказать что-то Флинту, и обнаруживаю, что он смотрит в сторону, избегая моего взгляда. Между тем члены Ордена переносятся вслед за Джексоном. Я открываю рот, чтобы заговорить с Флинтом – мне просто хочется посмотреть, как он отреагирует, – но тут Иден поднимает свой телефон.

– Я нашла это место на карте. Вы готовы отправиться в путь?

– Лично я был готов еще десять минут назад, – с улыбкой отвечает Дауд, и воздух вокруг него начинает искриться.

Несколько секунд – и мы взмываем в небо. Я так и не успеваю спросить Флинта, в чем дело. Я не забыла выражения его лица, когда Джексон перенесся. На нем читались напряжение, гнев и страх.

Я могу ошибаться, но что-то подсказывает мне, что следующие несколько дней окажутся интереснее, чем я могла вообразить.

Глава 31. Мой маленький маяк

Оказывается, Хадсон снял для нас не просто дом, а целый комплекс построек – причем в их число попал действующий маяк.

– Маяк!

Хадсон ухмыляется.

– Да.

– Ты снял для нас маяк!

– И два дома рядом с ним, – замечает он, опираясь на стену плечами и одной ногой, обутой в лофер Dior Explorer.

Он выглядит классно – по-настоящему классно, – но я ему этого не скажу, отчасти потому, что его самомнение и так уже достаточно раздуто, а отчасти потому, что:

– Ты снял для нас маяк.

– Да. – Он вскидывает одну слишком уж красивую бровь. – Ты так и будешь это повторять?

– Возможно. И, вероятно, буду при этом смотреть на тебя влюбленными глазами.

– Понятно. – Проходит несколько секунд прежде, чем он спрашивает: – Это почему?

– Потому что ты снял для нас маяк! – Я раскидываю руки и кружусь, позволив себе ненадолго забыть о том, почему нам вообще нужно было снимать жилье. – Это же самая офигительная вещь на свете!

– Я рад, что тебе нравится.

– Это же маяк. На берегу океана. Только для нас двоих. Как это может не нравиться?

Он не отвечает, но, повернувшись и посмотрев на него, я понимаю, что в этом нет необходимости. Все и так написано у него на лице, и это заставляет меня кружиться еще быстрее.

Я спотыкаюсь, потому что от кружения у меня начала кружиться голова. И тут Хадсон, конечно же, хватается за руку и притягивает к себе.

– Ты что, хочешь соблазнить меня, воспользовавшись тем, что у меня кружится голова? – Я игриво шлепаю его по груди.

– Вообще-то я собирался просто поддержать тебя, поскольку у тебя закружилась голова, но, если ты настаиваешь...

В мгновение ока он обнимает меня и переносится по длинной винтовой лестнице, пока мы не оказываемся в спальне, где он толкает меня на очень удобную кровать.

Это одновременно и волнительно, и забавно, и я смеюсь, упав на пружинящий матрас. Я протягиваю руки к моей паре, ожидая, что сейчас он ляжет рядом со мной. Но вместо этого он кладет мой рюкзак в изножье кровати, садится и убирает растрепанные кудри, упавшие мне на глаза.

– Ты так прекрасна, – шепчет он, и его пальцы касаются моей щеки.

– Ты прекрасен, – вторю ему я, повернув голову, чтобы поцеловать его ладонь.

– Ну да, – с серьезным видом соглашается он, склонив голову набок. – Так оно и есть.

Но одно не исключает другого.

– О боже. – Я хватаю подушку и шлепаю его ею. – Ты невыносим, ты это знаешь?

– По-моему, ты это уже говорила, и не раз, – отвечает он и неожиданно выхватывает у меня подушку. Я готовлюсь к тому, что он в ответ тоже шлепнет меня ею, но он бросает ее на пол и наконец ложится на кровать рядом со мной.

– Ты хочешь есть? – спрашивает он.

– Да, хочу, но недостаточно сильно, чтобы встать с кровати и заказать еду. – Я протягиваю руку к своему рюкзаку. – По-моему, там еще осталась пара «Поп-Тартс».

Он закатывает глаза.

– Нельзя жить на одних «Поп-Тартс», Грейс.

– Может, и так, но я готова попробовать. – Я разворачиваю мятую серебряную обертку, отламываю кусок вишневого печенья и кладу его в рот.

Хадсон качает головой, но смотрит на меня со снисходительностью.

– А как насчет тебя? – спрашиваю я, откусив еще несколько кусочков. – Ты сам голоден?

Я произнесла эти слова, не имея в виду ничего такого, но, едва слетев с моих уст, они обретают совершенно иной смысл. Глаза Хадсона вспыхивают, внутри у меня все трепещет, и в комнате вдруг повисает напряжение, от которого мое сердце начинает биться быстро-быстро.

– А ты как думаешь? – спрашивает он после нескольких долгих напряженных секунд.

– Я думаю, что ты умираешь от голода, – говорю я ему и призывно откидываю голову. – Как и я сама.

– Тогда съешь еще одно вишневое печенье. – Но в глазах моей пары горит огонь, когда он окидывает меня взглядом, останавливаясь на моих губах... и на моем горле.

Я провожу пальцами по чувствительной коже у основания шеи.

– Я говорю о голоде иного рода.

Хадсон издает глубокий грудной звук, в котором звучат и наслаждение, и боль, а за ним следует долгий судорожный вдох, от которого руки у меня начинают дрожать, а сердце выпрыгивает из груди еще до того, как он припадает губами к моей шее.

– Грейс. – Он произносит мое имя тихо, почти шепотом, и в его устах оно звучит почти как молитва, пока он нежно осыпает поцелуями мою ключицу и ямку под горлом. Его губы теплые и мягкие, и ощущать их так приятно – ощущать его всего так приятно, – что я кладу руку на лоскутное одеяло, чтобы удостовериться, что я никуда не уплываю. Но Хадсон кладет руки на мои бедра и еще крепче прижимает меня к себе.

Мои пальцы судорожно вцепляются в шелк его темно-русых волос, пока он покрывает поцелуями мою шею. Меня охватывает наслаждение, и я не могу удержаться от стона. От звука ответного стона Хадсона – глубокого, иступленного, опасного – напряжение внутри меня нарастает. Мои пальцы еще крепче стискивают его волосы; тело выгибается, прижатое к его телу, и я выдыхаю его имя.

Я отчаянно хочу, чтобы он перестал играть. Отчаянно хочу, чтобы он сделал то, чего жаждет мое тело, о чем умоляет каждая его клетка. И Хадсон это знает – еще бы ему не знать. Его сдавленный смешок доказывает, что он медлит нарочно, нарочно мучает меня. Возможно, мне следует разозлиться на то, что он продолжает сдерживать себя, что он разжигает желание, бурлящее во мне, пока оно не превращается во что-то нехорошее, неистовое, порочное. Нечто такое, чего я почти не узнаю.

И, возможно, я бы в самом деле разозлилась, если бы это был кто-то другой. Но это Хадсон. Это моя пара. И его дрожь доказывает, что он так же растерян, как и я, так же ошеломлен тем, как это ново и драгоценно, и не хочет торопить момент. И этого мне довольно, более, чем довольно. По крайней мере до тех пор, пока он не запечатлевает долгий поцелуй на нежной коже за моим ухом. Все мое тело распалается, его охватывает страсть. Моя скованность улетучивается, как и моя гордость.

– Пожалуйста, – молю я, выгнув шею и запрокинув голову. – Хадсон, *пожалуйста*.

– Пожалуйста, что? – рычит он, и голос его звучит так хрипло, что я едва узнаю его.

Я хочу ответить ему – пытаюсь ответить ему, – но мой голос теряется в урагане страсти.

И, когда он наконец припадает губами к любимому месту на моем теле – там, где бьется пульс на горле, – все мое существо отчаянно требует его.

Он целует меня один раз, два – и вот так просто моя кровь будто превращается в бензин, а кончик его клыка, который скользит по моей коже, есть не что иное, как спичка, воспламеняющая меня даже до того, как он стонет и наконец – *наконец* – впивается в меня.

Его руки стискивают мои бедра, и на один короткий миг я ощущаю острую боль, когда его клыки пронзают мою кожу и проникают в вену. Но эта боль быстро проходит, и остаются только наслаждение и жар. Жар, который обдаёт мою кожу, переполняет мою кровь, обжигает нервные окончания. Жар, который затопляет, захлестывает меня, который заставляет меня гореть.

Меня сотрясает дрожь, бьют электрические разряды, и я загораюсь, как северное сияние, пляшущее на ночном небе Аляски. Хадсон вонзает свои клыки все глубже – и я думаю, что в легендах о вампирах все неправильно. В них говорится, что укусов вампиров следует бояться, но в укусе Хадсона нет ничего пугающего, если не считать тех ощущений, которые он будит во мне. Если не считать того, как отчаянно он заставляет меня хотеть его – настолько, что все остальное перестает существовать.

И вот уже Сайруса нет.

Нет войны.

Нет смерти.

Нет ничего, кроме Хадсона и электрического тока между нами.

Он глухо стонет, его пальцы впиваются в мои бедра, а я выгибаюсь и дрожу, прижимаясь к нему. И прошу его взять еще больше. Пока мы не доходим до точки, где уже нет меня и нет его. Есть только мы, тонущие друг в друге. Раскалившиеся от наслаждения.

Я дрожу, прижимаясь к Хадсону, позволяя ему взять меня всю – до того момента, пока он с рычанием не отстраняется. Я хнычу, пытаюсь его удержать, но из этого ничего не выходит. Он поднимает голову, бранясь, и отодвигается от меня на несколько дюймов. Это совсем немного, но я остро чувствую это и пытаюсь опять притянуть его к себе. Опять притянуть его к моему горлу, к моей вене. Но Хадсон сопротивляется, его ярко-синие глаза смотрят на меня с тревогой, от которой пламя, пылающее во мне, гаснет, словно от ушата с ледяной водой.

– Я в порядке, – заверяю я его, предвидя следующий вопрос. – Ты выпил совсем немного крови.

– Нет, я выпил слишком много, – не соглашается он, говоря с выраженным британским акцентом, который порой раздражает, но чаще возбуждает меня. – Ты дрожишь.

Я закатываю глаза и теперь уже сама покрываю поцелуями его мускулистое горло.

– Я уверена, что моя дрожь вызвана не потерей крови.

– В самом деле? Тогда чем?

– Поцелуй меня, и я покажу тебе, – шепчу я, уткнувшись в него.

– Покажи мне, и я поцелую тебя, – парирует он.

– Я надеялась, что ты это скажешь. – Я царапаю зубами его подбородок, и теперь уже он прижимается ко мне.

– Я люблю тебя, – шепчет он, уткнувшись лицом в мои волосы, и эти слова потрясают меня, словно электрический разряд, хотя и приятный.

Быть может, когда-нибудь они станут для меня привычными. Уютными. Похожими на теплое одеяло, греющее сердце и душу. Но сейчас они как фейерверк, они взрываются в глубине моего сознания и потрясают меня до кончиков ногтей.

– Я люблю тебя еще больше, – шепчу я, целуя его горло, а затем его ключицу, одновременно расстегивая пуговицы рубашки. Ему следовало бы принять душ, и мне тоже, но сейчас жар и запах его тела возбуждают меня.

Из-за того, что он так близко, я не могу ждать. Я дергаю и его одежду, и свою, отчаянно желая, чтобы прижаться к его обнаженному телу. Мне необходимо обнимать его, касаться его, знать, что что бы ни произошло, у меня всегда будет *это*.

Что рядом со мной всегда будет *Хадсон*.

Но прежде, чем я успеваю найти способ сказать ему это, он отстраняется от меня – его грудь ходит ходуном, глаза горят, на нижней губе блестит крошечная капелька крови. Его волосы, обычно идеально уложенные, растрепались, и он выглядит таким сексуальным. Я хочу

сейчас одного – опять запустить в них руки, притянуть его к себе и позволить страсти на время унести нас прочь от всего этого ужаса.

Но он держит мои руки в своих, и по тому, как он закрывает глаза и делает долгий судорожный вдох, видно – он хочет мне что-то сказать.

– Что-то не так? – спрашиваю я.

Он качает головой.

– Просто я люблю тебя, только и всего.

– Я тоже тебя люблю.

– И мне жаль...

– Тебе жаль, что ты любишь меня? – спрашиваю я и чувствую, как жар внутри меня уступает место внезапному холоду.

– Нет! – Его глаза, его прекрасные небесно-синие глаза широко раскрываются. – Я никогда не смог бы об этом пожалеть. Я буду любить тебя всю жизнь.

– Ты хочешь сказать, вечно? – Я смеюсь. – Я за.

– Вообще-то я хотел поговорить с тобой именно об этом.

– О вечности? – прикалываюсь я, стараясь не обращать внимания на звучащий внутри меня сигнал тревоги. Потому что это Хадсон, и он никогда не сделает ничего, что причинило бы мне вред.

Он сглатывает, и на его челюсти начинают перекачиваться желваки.

– Мне нужно, чтобы ты сделала для меня кое-что.

– Все что угодно.

Он закрывает глаза и опускает голову, так что волосы падают ему на лицо. Я убираю их, чтобы видеть его глаза, когда он откроет их вновь, и фокусируюсь на его мягких прядях вместо того, чтобы беспокоиться о том, что он собирается мне сказать. Потому что не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять – что бы это ни было, мне это не понравится.

Он поднимает мою руку, целует мою ладонь и крепко сжимает ее. Затем открывает глаза, и я вижу в них решимость, которой прежде там не было. У меня сжимается сердце, и тут он кладет другую мою руку, ту, на которой находится тату с Короной, на свою грудь.

– Я хочу, чтобы ты пустила ее в ход.

– О чем ты? – недоумеваю я.

– Я хочу, чтобы ты использовала Корону и лишила меня моей силы.

Глава 32. Я просто хочу отключить подачу энергии

Я раздражаюсь смехом. Это так нелепо, что я не могу не смеяться.

– Ага, как же, – говорю я наконец, повернувшись на бок. – А я-то думала, что ты действительно скажешь что-то серьезное.

– Я совершенно серьезен. – Он тоже поворачивается на бок и приподнимается на локте. – Мне в самом деле нужно, чтобы ты...

– Ты не можешь говорить серьезно, – возражаю я, стараясь не обращать внимания на противное сосущее ощущение в животе. – Не может быть, чтобы ты в самом деле хотел, чтобы я лишила тебя твоей силы – и я ни за что этого не сделаю, даже если ты всерьез попросишь меня об этом.

– Ты только что уверила меня, что сделаешь для меня все, – тихо напоминает он.

– Так оно и есть. Я готова сделать для тебя все, в чем будет хоть какой-то смысл. Я готова умереть за тебя. Но это? – Я качаю головой. – Это неправильно. Ты не можешь просить меня...

Он приподнимает бровь.

– Не могу просить тебя сделать так, чтобы я больше никогда не имел возможности легкомысленно причинить вред другим?

– Ты никогда никому не причинял вреда легкомысленно. – Я делаю глубокий вдох, затем медленный выдох, чувствуя, как внутри меня зарождается ужас. – К тому же речь идет не о том, чтобы помешать тебе причинить вред другим – ведь ты просишь меня причинить вред тебе самому. Ты не можешь этого не понимать.

– Я прошу тебя *помочь* мне, Грейс. Во всем мире только ты одна можешь это сделать. – В его голосе звучит такая мука, что к моим глазам подступают слезы.

Но я не могу сделать то, чего он хочет. Не могу. Даже если мне удастся придумать способ найти пропавшую Армию горгулий и заставить Корону работать до того, как мы сойдемся в битве с Сайрусом – а гарантий этого нет, – я просто не смогу использовать ее против своей пары. Не смогу лишить Хадсона части того, что делает его Хадсоном, даже если ему кажется, что он этого хочет.

Я снова делаю глубокий вдох и медленный выдох, пытаюсь не поддаться панике.

– Хадсон, я не верю, что ты действительно этого хочешь.

– Несмотря на то, что я говорю тебе, что это именно то, чего я хочу? – В его голосе звучит уверенность, та самая уверенность, которая так же естественна, как его темные волосы и синие глаза.

Так же неотъемлема, как и его магическая сила.

– Мы пережили ужасные дни. Мы все сейчас не в себе. Всего несколько дней назад мы были в тюрьме, затем последовала битва на острове, а затем Кэтмир. Как ты вообще можешь думать о том, чтобы принять такое решение, если у нас еще даже не было возможности как следует обдумать все то, что произошло?

– Я уже обдумал все, что произошло, и все-таки прошу тебя это сделать. – Он досадливо запускает руку в волосы. – Ты можешь себе представить, каково это – знать, что Лука погиб, потому что я не использовал свой дар вовремя? Или что моему младшему брату понадобилось драконье сердце, потому что я боялся пустить мои способности в ход? – Его голос дрожит. – Или понимать, что я боюсь того, что произойдет, если я все же использую их?

Он вскакивает с кровати и начинает ходить по комнате, обходя то место, куда из окна льется солнечный свет.

– Ты не понимаешь, как давит на меня этот мой дар, какая это тяжелая ноша, тем более, что, когда опасность угрожает тебе, я пускаю его в ход, вообще не раздумывая.

– Но они же хотели нас убить! – На этот раз уже я сама в раздражении запускаю руку в волосы. – Нельзя сказать, что ты просто взял и уничтожил человековолков, которые были ни в чем не повинны. Если бы им представился шанс разорвать наши глотки, они бы не упустили его.

– А что, если в той стае был один волк, похожий на Дауда? Что, если я убил и его?

– Ты не можешь знать, что среди них был кто-то, похожий на Дауда...

– А ты не можешь знать, что его там не было! – рявкает он. – И теперь мы никогда уже этого не узнаем. Вот о чем я говорю.

– И из-за этого ты решил навсегда отказаться от своей магической силы? Несмотря на то, что, скорее всего, ты поступил правильно? Несмотря на то, что те волки могли всех нас убить? – Я качаю головой. – Это глупо. Мы ведем битву за судьбы мира, битву, которая определит, как сверхъестественные существа и обычные люди будут жить многие века, которая определит, будем ли мы жить вообще. Ты – самое мощное оружие, которое у нас есть, и ты хочешь, чтобы я лишила тебя твоей силы, потому что ты боишься совершить ошибку?

– Я ее уже совершил. И не одну, а несколько. – Он качает головой. – И я хотел, чтобы ты забрала у меня мою силу не прямо сейчас, а после того, как мы сразимся с Сайрусом. Но я прошу тебя об этом не потому, что хочу, чтобы ты спасла мир. Я прошу тебя об этом, потому что хочу, чтобы ты спасла *меня*.

Я явственно слышу в его голосе обиду, и у меня шемит сердце. Она яснее любых слов говорит мне, что я повела себя неправильно. Но можно ли меня в этом винить? Ведь мне никогда не приходило в голову, что он может попросить меня о таком.

И, возможно, зря. Ведь я всегда знала, что у него непростые отношения с его магическими талантами – и из-за того, как Сайрус обращался с ним, когда он был ребенком, и из-за того, каким образом он использовал их, когда впервые попал в Кэтмир. А если добавить к этому все то, что произошло в последние дни, стоит ли удивляться, что у него сносит крышу? И что он думает, будто для него это единственный выход?

Но это не так, не может быть так. Его сила – это неотъемлемая часть его личности, такая же неотъемлемая, как сарказм, который он использует как щит, чтобы держать других на расстоянии, или доброта, которую он так силится скрыть.

Я обескуражена, испугана и здорово расстроена. Как он может просить меня о таком? Сейчас мне хочется одного – натянуть на голову одеяло и сделать вид, будто этого разговора никогда не было. Но, хотя мы и зашли в тупик, я не могу просто взять и оставить все как есть. Ведь очевидно, что Хадсон страдает.

Я не знаю, как это исправить, но, если я буду и дальше спорить с ним, это только усугубит дело. И я со вздохом встаю с кровати и подхожу к нему. Он стоит, опершись одним плечом о стену и скрестив руки на груди – вообще-то обычно он принимает эту чертовски сексуальную позу только тогда, когда хочет сделать вид, будто ему плевать на происходящее, и, раз он решил использовать ее сейчас, то я хреново справляюсь с ролью его пары.

– Послушай, – говорю я, когда снова оказываюсь с ним лицом к лицу – Мы можем поговорить об этом в другой раз?

Он вскидывает бровь.

– Тяжело что-то обсуждать с тем, кто уже все для себя решил.

– Знаешь, то же самое я могла бы сказать и о тебе. – Мне не стоило этого говорить, и я осознаю свою ошибку, едва только эти слова слетают с моих уст. Вот черт. – Я не хотела...

– Ты знаешь, каково это – быть мной, Грейс? Каково это – провести все свое детство взаперти, чтобы стать самым мощным оружием, которое только может существовать? Каково это – каждую секунду стараться сделать так, чтобы никого не ранить и никого не лишить воли?

Меня охватывает печаль. Мне тошно от того, что он страдает, и еще более тошно от того, что ему кажется, будто единственный способ прекратить его страдания – это заставить меня совершить ужасное насилие.

– О, Хадсон, я не могу даже вообразить...

– Вот именно, не можешь. В этом-то и суть. Ты не знаешь и половины о том, как работает моя магическая сила и чего мне стоит обладание ею. – Он с досадой вскидывает руки и поворачивается, чтобы уйти, но в последний момент поворачивается ко мне и очень тихо говорит: – Каждый раз, когда я использую ее, свет внутри меня немного тускнеет. Грейс, я боюсь, что однажды я не смогу отыскать путь обратно – и к тебе, и к себе самому.

– Тогда не используй ее! – прошу его я. Если он не будет использовать свою силу, то все образуется. Ему больше не придется страдать, а мне не придется лишать его того, что делает его им.

Но он только качает головой и, повернувшись к окну, уставляется на океан.

– Ты простила мне смерть Луки, но когда-нибудь погибнет тот, чью гибель ты не сможешь мне простить, не сможешь простить, что я не спас его. И я все равно проиграю.

– Я никогда не стану винить тебя в том, что ты не убил кого-то, чтобы спасти нас. – Я вцепляюсь в его рубашку и заставляю повернуться, чтобы по моему лицу он увидел – я убеждена в том, что говорю.

– А что, если следующей при мне погибнет Мэйси? Что, если при таком стечении обстоятельств я должен был бы обратить в пыль двух волков, чтобы спасти ее? Что тогда?

Я хочу сказать, что он ошибается, что я бы поняла. Я открываю рот, чтобы сказать, что он, конечно же, убьет двух волков, чтобы спасти Мэйси – и тут осознаю, что он прав. Мы все исходим из того, что Хадсон сам выбирает, когда использовать свои таланты, чтобы спасти нас, но так ли это? Я знаю, что всегда буду его любить, всегда буду на его стороне, всегда поддержу его выбор. Но если быть честной, часть меня была бы безутешна, если бы он не сделал всего, что в его силах, чтобы спасти последнюю оставшуюся у меня родню – ту девушку, которая пошла бы на все, лишь бы спасти своих друзей.

Он видит это в моих глазах и, судорожно вздохнув, шепчет:

– Грейс, я умоляю тебя – не оставляй меня таким. Я не знаю, как долго я еще смогу это выдержать и не потерять навсегда как себя, так и тебя.

У меня разрывается сердце. Потому что ради Хадсона я бы сделала все – все что угодно. Кроме этого. Какие бы страдания ни доставляли ему его магические таланты, есть то, чего он не учел. Хотя его сила может когда-нибудь в будущем надломить его, нет гарантии, что это обязательно произойдет. И поскольку рядом с ним всегда буду я, его пара, то, что бы ни случилось, у меня будет возможность помочь ему вновь обрести себя. Но, если я лишу его этих его способностей и кто-то попытается убить *меня* – и сумеет это сделать, поскольку у него больше не будет его дара – вот тогда его душа не сможет пережить боль от потери пары, кто бы ни пытался помочь ему собрать осколки. Я знаю это наверняка – потому что я чувствовала бы себя так же, если бы мы с ним поменялись ролями и что-то произошло с ним самим.

Когда вы сопряжены, это значит, что вы прикрываете и поддерживаете друг друга. Всегда. И я буду носить Корону до скончания времен, если это будет необходимо для спасения моей пары.

Как бы то ни было, сейчас не время пытаться убедить Хадсона, что я права. Потому что сейчас мы оба валимся с ног от изнеможения. Но я вижу, что он ждет, чтобы я согласилась положить конец его мучениям, а сама я уверена – впервые со дня нашего знакомства, – что разочарую его.

И я совершенно не представляю, что нам теперь делать.

Глава 33. Порой перерыв на кофе бывает роковым

Должно быть, он видит мой отказ на моем лице, потому что его плечи опускаются.

Но через секунду он расправляет их, и у него делается непроницаемое лицо – то, которое он показывает остальному миру. Даже его глаза, которые в последние дни всегда смотрели на меня с нежностью, ничего не выражают.

– Хадсон...

– Все в порядке, – говорит он, и его улыбка, когда он заправляет волосы мне за ухо, полна печали. – Как насчет того, чтобы немного поспать?

Я хочу возразить, хочу сказать, что надо бодрствовать, пока мы не решим эту проблему. Но, по правде говоря, я так устала, что в голове у меня туман и я уже ничего не соображаю. Так что, возможно, сон – это именно то, что нам нужно, прежде чем мы опять попытаемся разобраться в этом вопросе.

Бог свидетель, способность мыслить яснее нам бы не помешала.

– Ладно. – Я хочу принять душ, но боюсь, что засну прямо стоя под струями воды. В конечном итоге я просто раздеваюсь до нижнего белья и ложусь в кровать. Хадсон присоединяется ко мне через пару секунд, и я засыпаю еще до того, как он накрывает меня одеялом.

Я сплю как убитая четыре часа и просыпаюсь только потому, что Хадсон садится в изножье кровати, держа в руках стаканчик кофе навынос.

Части меня хочется малодушно смотреть только на этот кофе в его руке – все лучше, чем снова наткнуться на тот убитый взгляд, который я видела в его глазах, когда мы ложились спать – но он достоин большего. Наши отношения достойны большего.

Поэтому я медленно и осторожно перевожу взгляд на его лицо – и вздыхаю с облегчением, когда вижу в его глазах привычную нежность и доброту. Я не могу не спросить:

– Ты в порядке? – Я совсем не уверена, что сама сейчас в порядке.

– Да, вполне. Удивительно, что могут сделать даже несколько часов сна.

Мне становится не по себе, ведь обычно Хадсон говорит с выраженным британским акцентом, когда бывает зол, и ругается на чем свет стоит. Что же это значит? Он что, притворяется, что с ним все в порядке, но на самом деле это не так? Или же он смирился с моим решением и пытается жить с ним?

И в том, и в другом случае это как удар под дых – ведь мне совсем не хотелось сделать ему больно, – и я не знаю, что мне делать, что говорить, чтобы он почувствовал себя лучше.

В конце концов он поднимает стаканчик с кофе, держа его так, чтобы мне пришлось постараться, чтобы до него дотянуться.

– У тебя есть пятнадцать секунд, чтобы проснуться и взять его, – поддразнивает меня он, – или я вылью его в раковину.

– Ты не посмеешь! – восклицаю я, хватаясь за спасательный круг, который он бросил мне. Который он бросил нам обоим.

– Ты так считаешь? – Он пытается встать, но я хватаю его и дергаю вниз, затем жадно тянусь к кофе.

– Давай его сюда! – говорю я ему.

Он с улыбкой протягивает его мне.

– Я искал в четырех местах, но, похоже, в Ирландии нелегко найти как «Доктор Пеппер», так и «Поп-Тартс». – Он держит в руке белый бумажный пакет. – Тут фруктовый салат, йогурт, кекс и сэндвич из пекарни неподалеку.

– Из какой такой пекарни? – удивляюсь я, глядя в окно на утесы и бушующий океан – больше отсюда ничего не видно. А рядом есть только два дома, в которых поселились остальные. – Где она?

Он пожимает плечами.

– Ну, возможно, она находится не совсем неподалеку. Но я даю хорошие чаевые, и это решает дело.

– Ну еще бы. – Я закатываю глаза, поставив свой на удивление вкусный кофе на прикроватную тумбочку и взяв пакет. У меня слюнки текут – ведь я так давно не ела ничего, кроме «Поп-Тартс». Возможно, Хадсон прав – нельзя жить на одних «Поп-Тартс», как бы тебе того ни хотелось.

– А как насчет Мэйси и остальных? – спрашиваю я, поддев вилкой виноградину.

– Я заказал еду и им тоже, – отвечает он, отпив большой глоток воды из бутылки на комод.

– Ты лучший, – говорю я с улыбкой, наконец начиная по-настоящему расслабляться. *«Между нами все хорошо, – говорю я себе. – И с Хадсоном все в порядке. Возможно, нам действительно просто нужно было немного поспать».*

Он наклоняет голову набок, как бы говоря: *«Само собой».*

– Я стараюсь.

Пока я ем, мы ни о чем таком не разговариваем – только об Ирландии, наших друзьях, о Сайрусе, – но как только я проглатываю последний кусок сэндвича, Хадсон берет меня за руку.

– Нам надо поговорить.

Вот зараза. Плакал мой оптимизм. Как и моя способность нормально дышать. Потому что, хотя я проспала несколько часов, это не заставило меня передумать.

– Извини, Хадсон, но...

– Не беспокойся. – Он жестом останавливает меня. – Я не об этом.

– Тогда о чем? – настороженно спрашиваю я. – Хорошие разговоры никогда не начинаются с таких слов.

– Может, и так, – с невеселым видом отвечает он. – Но есть разные степени плохого, и то, что я собираюсь сказать, не из этой оперы.

– Понятно. – Я делаю последний глоток бодрящего кофе и чувствую, как от подступившей паники у меня в животе разверзается пустота. Я начинаю сожалеть о том, что столько всего съела. – Так насколько это плохо?

– Это вообще не плохо, если смотреть на ситуацию в перспективе.

– Фантастика. Я хочу сказать – кто не любит играть в долгую? – Я выпускаю тяжелый вздох, готовясь к тому, что он собирается сказать, что бы это ни было. – Ну хорошо. В чем дело?

Он начинает говорить, затем обрывает речь и нервно смеется.

– Почему бы нам обоим не расслабиться на секунду?

Я вскидываю бровь.

– По-моему, этот поезд уже ушел.

– Это точно. Ты права. – Он вздыхает.

Он надолго замолкает, и мне кажется, будто в тишине проходит целая вечность.

Я чувствую себя как на иголках, меня снедает тревога. Я пытаюсь уверить себя, что что бы Хадсон ни собирался мне сказать, это не так уж и важно, но Хадсон не из тех, кто суетится по пустякам – подтверждением тому может служить вчерашний вечер. Так что что бы это ни было, это все-таки важно, а нынче важное почти всегда бывает плохим.

– Я тут думал о Дворе горгулий, – наконец говорит он, когда я уже начинаю психовать.

Я не ожидала, что наш разговор примет такой оборот, и несколько секунд просто смотрю на него, моргая, затем говорю:

– И что? – И прежде, чем он успеет что-то сказать, продолжаю: – Я знаю, все считают, что у меня был глюк, но я клянусь...

– Никто из нас не считает, что у тебя глюки, – заверяет меня он. – Поэтому я и потратил несколько часов, размышляя о том, что ты видела, и пытаюсь найти разгадку.

– И как, нашел? – спрашиваю я, хотя уже знаю ответ. Хадсон подходил бы к этой теме так деликатно, если бы до чего-то не додумался и если бы это что-то не имело потенциала вывести меня из душевного равновесия.

– Возможно. – Он задумчиво щурит глаза. – Ты помнишь тот вечер в школьной прачечной? Когда ты танцевала со мной?

– Ты хочешь сказать, когда ты велел мне заткнуться и танцевать? – Я улыбаюсь, потому что, конечно же, все помню.

– По-моему, это сделал не я, а та песня, под которую мы начали танцевать.

– А кто выбирал музыку?

Он пожимает плечами.

– Я не виноват в том, что у меня хороший вкус и я выбрал удачное время.

– Не говоря уже о том, что у тебя огромное самомнение, – добавляю я, закатив глаза.

– Вообще-то такая добродетель, как смирение, сильно переоценена. Как бы то ни было, ведь именно тогда ты впервые увидела все эти нити, да?

– Да, – подтверждаю я. Я не могу понять, к чему он клонит, но знаю – это что-то важное. Я вижу это по его глазам и слышу в его голосе.

– Тогда я впервые и увидел вблизи узы твоего сопряжения с Джексоном. – Он кривится. – Это было занятно.

– Не сомневаюсь. – Я сжимаю его руку. – Хадсон, к чему ты клонишь? Потому что я должна сказать тебе, что, когда ты вот так отрезаешь собаке хвост по частям, я начинаю психовать.

– Извини, я просто пытался подготовить почву. – Он наклоняется и нежно целует меня. – И тебе не из-за чего психовать, я тебе обещаю.

– Понятно. – Я ему не верю, но думаю, сейчас не время спорить, если я хочу, чтобы он скорее перешел к делу.

– Там была еще зеленая нить. Ты ее помнишь?

– Помню ли я? Да я вижу ее всякий раз, когда пытаюсь коснуться любой из нитей. А это я делаю постоянно, ведь мне нужно взяться за платиновую нить, чтобы превратиться в горгулью.

– Точно. – Он прочищает горло. – А ты знаешь, с чем именно тебя связывает зеленая нить?

Меня охватывает волнение.

– У меня есть вопрос получше – знаешь ли ты, с чем она связывает меня?

Он пристально смотрит мне в глаза и отвечает:

– Возможно.

Глава 34. Теория (зеленых) струн

– «Возможно» – это не ответ, – говорю я, вглядываясь в его лицо и ища глазами что-нибудь такое, что подсказало бы мне, о чем он думает.

– Это ответ, когда я точно не знаю, прав я или нет. – Он делает паузу – Я собирался поговорить с тобой об этом еще тогда, когда мы вернулись в Кэтмир в первый раз, но, честное слово, на это просто не было времени, к тому же я даже не был уверен в том, что не ошибаюсь. Но твои воспоминания о том, как ты оказалась при Дворе горгулий... Как я и сказал, я точно не знаю, прав ли я...

– Да, конечно, но ты также точно не знаешь, ошибаешься ли ты, так что просто давай, колись, пока я окончательно не слетела с катушек. С чем меня связывает эта зеленая нить?

– Ты когда-нибудь трогала ее? – спрашивает он. – Или, может быть, слегка задевала?

Я хочу сказать, что, по-моему, нет, но, заглянув внутрь себя и посмотрев на свои нити, вижу, как близко зеленая находится от платиновой нити. А если учесть, насколько часто я беру за эту нить и в каких ситуациях я это делаю, то все возможно.

– Не знаю, то есть, возможно, да, я касалась ее. А что?

– Ты не могла бы подумать об этом как следует? Ты касалась ее в тот раз в библиотеке, когда мы ссорились и ты обратилась в камень?

– Вряд ли... – начинаю я, но выражение его лица говорит мне, что это важно – по-настоящему важно, – так что я закрываю глаза и пытаюсь восстановить в памяти ту картину. – Я тогда была так зла на тебя. Ты вел себя как последний козел, и я просто потянулась и взялась за свою платиновую нить и... – Я замолкаю, замечая, как, когда моя рука обхватывает платиновую нить, костяшки слегка задевают зеленую.

– Поэтому ты тогда так перепугался? – спрашиваю я. – Потому что знал, что я коснулась зеленой нити?

– Я психанул, потому что ты превратилась в камень – в настоящий камень, – как в те четыре месяца, когда мы были заперты вместе.

– Ты хочешь сказать, что это было то же самое? – изумляюсь я.

– Я хочу сказать, что мне это показалось тем же самым.

– Но это же не имеет смысла. – Я качаю головой, пытаюсь уложить в ней то, что он говорит. – Когда я впервые обратилась в камень, я даже не подозревала о существовании всех этих нитей. Каким образом я могла коснуться зеленой нити?

– Инстинкт? – предполагает он. – Случайность? – Если это все-таки произошло, какое это имеет значение? Не все ли теперь равно?

– Я не понимаю, почему это вообще может быть важно.

– Потому что ты хочешь выяснить, как ты оказалась при Дворе горгулий. А я уверен, что дело тут в зеленой нити.

– Но я не касалась ее, когда мы попали ко Двору горгулий.

– Ты в этом уверена?

– Конечно, уверена. Он слегка коснулся меня и... – Я запинаясь, потому что до меня доходит, что Хадсон может быть прав. Я тогда спешила схватиться за платиновую нить и была не очень осторожна. Так что вполне возможно, что мои пальцы действительно задели зеленую нить.

– Я не понимаю, – говорю я, помолчав секунду. – Я никогда прежде не бывала при Дворе горгулий. И не подозревала, что он вообще все еще существует. Как же я смогла перенести нас туда, задев эту самую зеленую нить?

– Я не знаю, но я почти убежден – так оно и было.

– Все мои нити связывают меня с кем-то. С тобой, с моими друзьями, с моей горгульей. Так как же получилось, что эта нить способна... – Я запинаюсь, пытаюсь подобрать слова, которые бы выразили, на что способна зеленая нить, и тут до меня доходит, что я этого не знаю.

– Замораживать время? – подсказывает Хадсон.

У меня внутри все обрывается.

– Значит, вот что она делает? – шепчу я. – Замораживает время?

– Да. Именно это ты и сделала с нами на те четыре месяца. И потом совершила обратное – когда мы вернулись, и время стало другим.

– И что это может означать? Я имею в виду мою способность замораживать и размораживать... – начинаю я, но Хадсон быстро перебивает меня.

– Грейс, кого еще мы знаем, кто способен замораживать и размораживать время?

– Кого еще... – Я запинаюсь, потому что меня вдруг охватывает ужас. – Я больше не хочу об этом говорить.

– Думаю, мы *должны* об этом поговорить, – мрачно говорит Хадсон. – Потому что из тех, кого я знаю, только она может делать то же, что и ты.

– И что это значит? – спрашиваю я, хотя гадкое сосущее ощущение в животе подсказывает мне, что я уже знаю ответ на этот вопрос.

– Точно не знаю. Но думаю, нам надо это выяснить. – Он сжимает зубы. – Грейс, возможно, Кровопускательница – единственный человек на земле, который может помочь нам отыскать Армию горгулий.

Глава 35. Давай, соберись

– Я так и знала, что ты это скажешь, – со стоном бормочу я, перевернувшись и уткнувшись лицом в подушку. – Я не хочу опять встречаться с этой женщиной. Просто не хочу, и все.

Черт, черт, черт. Мне ужасно хочется заорать в подушку, и меня останавливает только то, что я чувствую на себе взгляд Хадсона и знаю, что он уже беспокоится обо мне. Мне совсем не хочется слететь с катушек у него на глазах.

Да ладно – ведь эта женщина просто чудовище. Да, я знаю, она мне помогала – не бескорыстно – всякий раз, когда я о чем-то просила ее, но, даже если она помогала мне расхлебать кашу, разве это отменяет тот факт, что она сама ее и заваривала? Разве это отменяет тот факт, что именно она и запустила конфликт, когда сотворила узы сопряжения между Джексоном и мной?

Гибель моих родителей, гибель Зевьера и Луки, нога Флинта, *душа Джексона*... Все это произошло потому, что Кровопускательница вмешалась в мою жизнь.

От этой мысли я поворачиваюсь и, взяв Хадсона за руку, прижимаю ее к своей груди и заглядываю ему в глаза. Он снисходительно улыбается мне, но его улыбка кажется мне немного вымученной. Его скулы очерчены резче, чем обычно, а в его чудных глазах бушует шторм.

– Ты в порядке? – спрашиваю я, хотя знаю, что это не так.

Его улыбка становится еще шире.

– Разумеется.

– Вид у тебя не очень. – Я поднимаю руку и глажу его щеку.

Он напускает на себя оскорбленный вид.

– Ух ты. Выходит, укатали сивку крутые горки, да?

Я закатываю глаза.

– Ты знаешь, что я имею в виду.

– В самом деле? – Он убирает с постели остатки моей трапезы, потом вдруг перекатывает меня к противоположному краю кровати и ложится сверху, так что его сногшибательное лицо оказывается в считанных дюймах от моего.

– Ты все еще считаешь, что я плохо выгляжу? – спрашивает он, и его пальцы пробегают по моей коже, щекоча ребра.

Я так заливаюсь хохотом, что не могу ответить.

– Это значит нет? – Он щекочет меня еще сильнее.

– Перестань! – выдыхаю я, смеясь так, что на глазах у меня выступают слезы. – Пожалуйста, перестань!

Движение его пальцев замедляется.

– Значит ли это, что ты закончила оскорблять меня?

– Не знаю. – Я хватаю его за руки. – Значит ли это, что ты закончил устраивать кордебалет?

– Устраивать кордебалет? – Его брови взлетают вверх. – Похоже, кто-то здесь изучал британские идиомы. Хотя, строго говоря, я вовсе не закатывал сцен.

Черт возьми, похоже, я использовала не то выражение. А ведь я специально изучала британский сленг, чтобы произвести на него впечатление.

– Ага, ведь кто-то здесь сопряжен с британцем и думает, что ей, вероятно, следовало бы начать понимать его, когда он в следующий раз *устроит кордебалет* и примется сыпать сленговыми выражениями.

В его глазах вспыхивает озорной блеск.

– Думаю, ты и так отлично понимаешь меня.

– Верно, – соглашаюсь я. – Поэтому-то я и беспокоюсь за тебя, Хадсон.

– Тебе не о чем беспокоиться, – отвечает он, и секунду мне кажется, что сейчас он снова примется щекотать меня. Однако в конце концов он просто улыбается, глядя на меня с нежностью.

Я знаю, что мне следовало бы надавить на него, настоять на том, чтобы он рассказал мне, что беспокоит его. Но, когда он так смотрит на меня, когда мы на несколько минут оказываемся наедине, вдалеке от всего того дерьма, которое нам надо разгрести, мне не хочется на него давить. Мне хочется одного: прижать его к моему сердцу – и к моему телу – и не отпускать.

И я делаю это – обвиваю его руками и ногами и обхватываю так крепко, как только могу.

– Я люблю тебя, – шепчу я, уткнувшись в прохладную кожу его горла. И чувствую, как быстро бьется его сердце и как судорожно вздымается и опускается его грудь, пока он борется с демонами, о которых не желает мне рассказать.

– Я тоже тебя люблю, – шепчет он, обнимая меня.

Но в конечном итоге нам приходится вернуться к реальности, поскольку и на его, и на мой телефоны одновременно приходят сообщения. Значит, остальные уже проснулись и готовы обсуждать планы.

Хадсон откатывается, чтобы взять свой телефон, а я закрываю лицо подушкой. Возможно, если я спрячу голову в песок, мне удастся отвертеться от участия в предстоящем обсуждении. А значит, и от решений, которые я, как мне хорошо известно, должна буду принять.

– Ты же понимаешь, чем дольше ты будешь здесь прятаться, тем больше решений будет принято без тебя, не так ли? – весело спрашивает он.

– Ты говоришь это так, будто это плохо, – отзываюсь я, и мне в рот попадает наволочка.

Хадсон смеется и стаскивает подушку с моего лица.

– Отдай. – Я пытаюсь выхватить у него подушку, но он держит ее так, что я не могу до нее дотянуться. – Почему ты не хочешь посмотреть на вещи разумно?

Он ухмыляется еще шире.

– Потому что в этом вопросе я неразумен.

– Ладно. – Я опять плюхаюсь на спину и уставляюсь в выложенный белыми плитками потолок. – Мы можем отправиться к Кровопускательнице.

– И ты будешь сохранять объективность при встрече?

– Ты это серьезно? Это же ты постоянно цапаешься с ней, так к чему эти нотации насчет того, что я должна сохранять объективность?

– Мне можно цапаться с ней – ведь она ненавидит меня. Но к тебе она питает слабость. А значит, чтобы что-то выудить у нее, ты должна быть милой с этой старой стервой и подыгрывать ей.

– Что же я такое, если ко мне питает слабость старуха с маниакальными наклонностями, совершившая столько убийств? О чем это говорит?

Хадсон опять улыбается и наконец кладет подушку на кровать рядом со мной.

– Может быть, о том, что ты такая классная, что даже психопатка вроде нее не может тебя не любить?

– Ты просто подлизываешься ко мне, – говорю я, и чтобы он не думал, что это сойдет ему с рук, кидаю в него подушку.

Он ловит ее и подмигивает мне.

– Ну и как, у меня получается?

– А сам как думаешь? – Я встаю с кровати и по дороге в ванную натыкаюсь на свой рюкзак. Может, одевшись, я смогу посмотреть на все это более спокойно.

С этой мыслью я чищу зубы, включаю душ и изо всех сил стараюсь не обращать внимания на то, что Хадсон врубил в спальне песню Linkin Park «One Step Closer». Я знаю, он думает, будто я не слышу ее из-за шума воды, но это одна из тех песен, которые невозможно не замечать – особенно если принять во внимание то, о чем он попросил меня перед сном.

Случайно ли он наткнулся на нее в своем плей-листе? Или сыграло его подсознание, потому что песня отражает то, что он чувствует? Что он близок к тому, чтобы сломаться?

Это ужасная мысль, которая пришла мне в голову в ужасной ситуации, и я провожу полчаса, накручивая себя по поводу всего этого дерьма, пока принимаю душ и одеваюсь. Сейчас чуть больше десяти утра, значит, на Аляске глубокая ночь – возможно, не самое лучшее время для того, чтобы заявляться к Кровопускательнице, но поскольку до восхода остается еще три часа, а Хадсон пока не может находиться на солнце, стоит отправиться к ней сейчас. А раз так, то у меня почти не остается времени на то, чтобы подготовиться к встрече. Придется просто сделать это.

Однако прежде, чем мы навестим Кровопускательницу и попросим ее ответить на наши вопросы – о чем мне противно даже думать, – мне надо убедиться, что Хадсон прав. Натянув худи, я прислоняюсь к столику с раковиной и закрываю глаза. Затем делаю глубокий вдох и приказываю себе рассмотреть – притом хорошенько – все нити у меня внутри. Что, как ни странно, не означает, что я смотрю на них глазами.

Дело в том, что, когда я описываю, как *выглядят* мои нити, мне проще говорить, что я *смотрю* на них, но, чтобы увидеть их, глаза не нужны. Мне достаточно подумать о них, и я вижу их в моем мозгу, как могу видеть плюшевого мишку, которому я в детстве дала имя Проказник, или улыбку моей матери всякий раз, когда мне хочется их вспомнить. Так что я *заглядываю* внутрь – все мои нити на месте, как и всегда.

Ярко-синяя нить – узы моего сопряжения с Хадсоном. Нить, связывающая меня с Джексоном, теперь стала полностью черной. Ярко-розовая нить, соединяющая меня с Мэйси. Совсем тонкая бирюзовая – это нить моей матери, и красновато-коричневая – нить моего отца. Меня пробирает дрожь, когда я осознаю, как истончились эти узы, но, наверное, это закономерно, ведь прошло много месяцев после того, как они погибли. Но мне все равно больно видеть, что нити, связывающие меня с ними, мало-помалу исчезают.

Я рассматриваю свои нити одну за другой, оставив зеленую нить напоследок, потому что мне не хочется иметь с ней дело. А еще я, если честно, немного побаиваюсь ее. Тем более что она светится ярче всех остальных, кроме разве что нить уз моего сопряжения с Хадсоном. Я не знаю, что это значит, и не уверена, что хочу это знать. Мне совсем не хочется выяснить, что я сопряжена еще и со мстительной старухой, которая живет в пещере. Это слишком жутко, так что нет, благодарю покорно, это не для меня.

Но я понимаю все яснее, что, прячась от своих проблем, я не заставлю их рассосаться. Я делаю глубокий вдох и, решив больше не раздумывать, впервые в жизни намеренно беру за зеленую нить.

Я оказываюсь совершенно не готова к тому, что происходит после этого. Я думала, что, возможно, обращусь в камень, а может, часы на моем телефоне замедлят свой ход. Или даже, что я, черт возьми, превращусь в двадцатифутовую горгулью.

Любой вариант лучше, чем это, чем этот *беспредел*.

Глава 36. Ты будишь во мне зверя

Меня пронизывает электрический разряд, от которого у меня пресекается дыхание. И я сразу же чувствую, как что-то сворачивается в клубок глубоко внутри, как кобра, готовящаяся к броску. Магическая сила скручивается в спираль и наполняет каждую клетку моего тела. Затем так же молниеносно наполняется тату, которое покрывает мою руку от плеча до запястья и в котором магическая сила может накапливаться и храниться. И все равно в моей крови бурлит все большая и большая сила и требует выхода. Требуется дать ей совершить то, для чего она предназначена – уничтожить все, что стоит на ее пути.

Я никогда в жизни так не боялась. Меня страшит эта жгучая потребность внутри меня – поджечь мир и смотреть, как он горит, горит, горит.

Я сразу же отпускаю эту нить, но сила, сжимающая все мои мышцы в пружину, все так же настойчиво требует, чтобы я выпустила ее на волю, и я знаю – пройдет всего несколько секунд, и я больше не смогу ее контролировать. Мой взгляд мечется по ванной, ища выход, но едва до меня доходит, что выбраться отсюда можно только через дверь, я слышу, как Хадсон в спальне говорит кому-то:

– Заходи. Грейс сейчас выйдет из душа, но...

Чисто инстинктивно я ныряю в ванну и сворачиваюсь в клубок... и тут мое тело взрывается – или то, что мне кажется моим телом. Раздается оглушительный хлопок – это все электричество внутри меня мгновенно вырывается наружу. Ударная волна сотрясает стены, зеркало разбивается вдребезги, потолок проваливается, и меня осыпает разлетевшейся штукатуркой, так что образуется облако пыли – такое плотное, что я перестаю что-либо видеть.

Хадсон распахивает дверь; я делаю судорожные поверхностные вдохи, у меня звенит в ушах, перед глазами все расплывается – иными словами, на меня обрушивается паническая атака. Что я сейчас сделала? И как?

Я держала эту нить не дольше двух секунд, и это поглотило меня целиком, превратило в существо, которое я не узнаю – в чудовище, желавшее уничтожить весь мир.

Я подтягиваю колени к подбородку и раскачиваюсь взад и вперед; по щекам текут слезы. Какое-то время я беспокоюсь, что они напугают Хадсона, но я, должно быть, нечаянно включила душ, когда погрузилась в ванну, и теперь вода орошает одну сторону моего лица, смывая слезы.

– Все нормально, Грейс. Я с тобой, – шепчет Хадсон, уткнувшись лицом в мои волосы. Но я не понимаю, как это возможно, если я нахожусь в ванне, а он стоит у двери...

Пол ходит ходуном, и я моргаю.

– Я что... Я что, расколола землю? – Мой голос звучит слабо, тонко, он дрожит, но, по-видимому, Хадсон все же услышал меня, потому что он издает смешок. Хотя это больше похоже на нервный смех, ведь ничего смешного я не говорила.

– Нет, детка, землю ты не расколола, но я уверен, что теперь мне не получить мой депозит обратно. Собственно, теперь мне, возможно, придется купить этот маяк.

Я чувствую под собой что-то мягкое, и до меня доходит, что Хадсон, должно быть, вынес меня из ванной комнаты и уложил на кровать. Его руки ощупывают мою мокрую одежду, он проверяет, нет ли у меня каких-то ран или травм, но я в таком шоке, что могу только уйти в себя и молчать. Дышать полной грудью почти невозможно, от поверхностного дыхания я чувствую слабость, мои руки трясутся, когда я обхватываю ими колени и сворачиваюсь в клубок.

– Она в порядке? – спрашивает Мэйси, стоя в дверях, а затем вскрикивает: – Что с ней, что произошло?

– Грейс, ты можешь сказать мне, сколько будет два плюс два? – спрашивает Хадсон.

Почему он заставляет меня считать, когда я едва могу дышать? Боже, должно быть, я ударила головой, и он опасается, что у меня сотрясение мозга. Мои зубы стучат, ударяясь друг о друга с такой силой, словно они могут раскрошиться в любой момент, но я все же ухитряюсь произнести:

– Че-четыре.

– Правильно, умница. А сколько будет четыре плюс четыре?

Я делаю один быстрый вдох, затем еще один и, заикаясь, говорю:

– Во-восемь.

– А восемь плюс восемь?

На сей раз я делаю более глубокий вдох и открываю глаза, чтобы показать ему, что я в порядке. Должно быть, он сам не свой, если так беспокоится, что я получила травму головы. Еще раз сделал медленные вдох и выдох, я ухитряюсь сказать:

– Шест-надцать.

Хадсон испускает долгий вздох, садится на кровать рядом со мной, затем сажает меня себе на колени. Я прижимаюсь к его теплomu телу, и мои зубы стучат уже не так сильно, когда он обнимает меня.

– Сделай еще один глубокий вдох, Грейс. Да, вот так. С тобой все будет нормально. – Его ладони гладят мои руки от плеч до запястий и обратно, изгоняя леденящее чувство, оставшееся после прикосновения к этой чертовой зеленой нити.

Я перевожу взгляд на мою кухню, которая машет волшебной палочкой, направив ее в сторону ванной, затем подходит к кровати и начинает переминаться с ноги на ногу, словно не зная, что ей делать, как помочь. Я беру ее за руку.

– Со м-мной все х-хорошо.

Джексон и Мекай появляются в дверях мгновение спустя и ошеломленно уставляются на ванную. Я поворачиваю голову, чтобы увидеть то, на что смотрят они, и застываю.

Вся стена, отделявшая ванную от спальни, исчезла. Как и противоположная, так что теперь отсюда открывается панорамный вид на океан. Раковина, расколотая на две фаянсовые половинки, валяется на полу рядом с лопнувшими трубами, и я смутно осознаю, что Мэйси, должно быть, махала волшебной палочкой для того, чтобы остановить хлеставший оттуда поток воды. Сама ванна уцелела, но больше почти ничего. Часть потолка лежит на ее краях – там, где находились мои ноги, – и я содрогаюсь, осознав, что еще пара дюймов – и он бы обрушился прямо на мою голову.

– Что тут произошло? – спрашивает Джексон, поворачивая голову поочередно то к Хадсону, то ко мне. – Ты в порядке, Грейс?

– Со м-мной все хо-рошо, – повторяю я немного увереннее, но это все, что мне удается произнести.

Хадсон поднимает одну бровь и говорит:

– Я уверен, что Грейс решила взяться за свою зеленую нить – и сократила мою жизнь на сотню лет.

Глава 37. Все путем

– Эта зеленая нить... – Я делаю паузу, ища в своем лексиконе подходящие слова, чтобы охарактеризовать ее, и понимаю, что подходящего определения для нее просто нет. В конце концов я останавливаюсь на единственном ответе, который могу подыскать. – Опасна.

Хадсон расплывается в улыбке.

– Что ж, это звучит многообещающе.

Я качаю головой. Моя пара заблуждается, если думает, что *это* было прикольно. Я все еще чувствую слабость, когда поворачиваюсь к своей кухне, но, едва взглянув на нее, решаю отодвинуть свои собственные проблемы подальше. Видно, что моя милая кухня настроена решительно – ее решимость просто бьет через край.

Вид у нее чертовски свирепый – волосы выкрашены в красный, оранжевый и желтый цвета, так что ее голова как будто объята огнем. Глаза густо подведены карандашом, а одежда черна, как уголь.

– Твои волосы смотрятся потрясно, – говорю я.

Она отвечает коротко:

– Я решила, что настало время для перемен.

– Мне они нравятся, – заверяю ее я. – Ты выглядишь невероятно.

– Играй роль, пока роль не станет тобой, да? – говорит она, печально скривив губы, и у меня все сжимается в груди.

– Да, что-то в этом духе, – соглашаюсь я и делаю ей знак сесть на край кровати. – Как у тебя дела?

Она закатывает глаза.

– Я хотела посетовать на мою мать, но это может подождать. – Она показывает на обрушившуюся стену и, взмахом своей палочки мгновенно высушив мою одежду, кладет ее обратно в поясную сумку. – Ты решила сделать здесь небольшой ремонт с утра пораньше?

Я пытаюсь пропустить это мимо ушей, но она бросает на меня предостерегающий взгляд, и я передумываю. Я глубоко вздыхаю – мне совсем не нравится думать о том, что все это значит – и говорю:

– Хадсон считает, что моя зеленая нить каким-то образом связывает меня с Кровопускательницей.

– С Кровопускательницей? – Глаза Мэйси округляются, голос становится немного похожим на писк. – С той самой Кровопускательницей, которая *живет в пещере и является самым опасным сверхъестественным существом на планете?*

– А что, разве есть какая-то другая? – сухо спрашивает Хадсон.

– Господи, надеюсь, что нет. – Она делает вид, будто содрогается. – Ну и какие это вызывает у тебя чувства? Как тебе это?

Я перевожу взгляд на спину Джексона, который вместе с Мекаем разбирается с разрушениями в ванной. Он ведет себя как ни в чем не бывало, так, будто не прислушивается к нашим словам, но, услышав вопрос Мэйси, на мгновение останавливается, и я понимаю, что он ждет моего ответа. Однако куда более странно другое – он, похоже, ничуть не удивлен тем, что между мной и Кровопускательницей существует какая-то связь. Я отмечаю про себя, что надо будет спросить его об этом, затем опять поворачиваюсь к Мэйси.

– А как ты думаешь, какие чувства это может во мне вызывать? Мне хочется блевать. Она ужасна, и, клянусь, если я узнаю, что я сопряжена и с ней, то я повешу на гвоздь и мои крылья, и мою Корону, и все вообще.

Хадсон смеется.

– Узы сопряжения работают не так. Невозможно иметь много разных уз с теми, с кем вас не связывает взаимный интерес.

– Да уж, я это уже слышала, – фыркнув, перебиваю его я. – И вот куда меня это привело.

– Ты сопряжена со мной – вот куда это тебя привело. – Он пытается изобразить возмущение, но хохочет так, что из этого ничего не выходит.

– И что же ты хочешь сделать? – помолчав секунду, спрашивает Мэйси.

– Что я *хочу* сделать? Или что, как я считаю, мы *должны* сделать?

Она смеется.

– Недалек тот день, когда два этих варианта будут означать одно и то же.

– Но этот день не сегодня.

– Я так и думала. – Она делает паузу, наматывая один огненно-красный локон на палец и избегая моего взгляда. – Как ты думаешь, ей что-то известно о моей матери?

– Честно? Думаю, ей что-то известно обо всем. И ты однозначно должна будешь спросить ее об этом, когда мы отправимся к ней.

– Значит, мы все-таки отправимся к ней? – спрашивает Хадсон.

– Тут речь опять идет о разнице между «хотим» и «должны». Разумеется, мы отправимся к ней. Хочу ли я этого? Совсем не хочу. Но у меня к ней есть вопросы, и у Мэйси тоже, и мы обе заслуживаем ответов.

– Я знаю, что ты права. Но, по правде говоря, я даже не представляю, какие именно вопросы мне следует ей задать. – Мэйси всплескивает руками, глядя то на Хадсона, то на меня.

– Как насчет такого вопроса: «Почему моя мать бросила меня, чтобы сбежать с королем вампиров»? – предлагает Хадсон. – Или: «Почему почти за десять лет она ни разу не связалась за мной»? Или варианта, который лично мне нравится больше всего: «С какой стати ведьма встала на сторону самого гнусного гребаного вампира на планете»?

– Все это хорошие вопросы, – соглашается Мэйси, судорожно вздохнув. – Проблема состоит в том, что я не знаю, вынесу ли я ответы.

– О, Мэйс. – Я сжимаю ее руку.

Она отвечает мне тем же, затем высвобождает руку.

– И это не все – почему мой отец не открыл мне правду? Он позволил мне думать, что она просто бросила нас и что он понятия не имеет, где она сейчас.

– Может быть, он действительно не знает... – начинаю я, но она перебивает меня прежде, чем я успеваю добавить что-то еще.

– Я в это не верю. Знаешь, сколько раз в год он разговаривает с Сайрусом? Или сколько раз он за последние десять лет побывал при Дворе вампиров? – Она качает головой. – Он не мог не знать. А значит, ничего не говорил нарочно. Хуже того, он лгал мне, когда я спрашивала его.

Она права. Я знаю, что она права, и отлично понимаю, каково ей сейчас. Потому что всякий раз, когда я узнаю, что мои родители лгали мне о чем-то, я испытываю такие же чувства. Боль от предательства. Гнев. Досаду из-за собственной легковёрности.

Как я могла не раскусить обман, думаю я. Как не разглядела все те маленькие нестыковки, которые наверняка были? Ведь невозможно все время лгать о стольких вещах – лгать насчет того, кто вы такие и кто ваша дочь – и не допустить при этом ошибок. Как же я могла их не заметить?

Понимая, что Мэйси сейчас, скорее всего, задается тем же вопросом и испытывает такую же боль, я чувствую злость на дядю Финна. Почему он скрыл это от нее? И собирался ли он вообще когда-нибудь сказать ей об этом? Или же решил, что ей лучше жить, думая, что ее мать просто исчезла с лица земли?

– Мы действительно должны повидаться с Кровопускательницей, – выдавливаю я. Хотя, если бы я могла поступать, как хочу, то больше никогда бы не отправилась к этой стерве. –

Чтобы спасти учеников Кэтмира и снова увидеть твоих родителей, нам нужны ответы. К тому же мы с Хадсоном считаем, что она может знать, где скрывается Армия горгулий.

– Что ж, иметь за своей спиной целую армию было бы неплохо, – со вздохом соглашается Мэйси. – Когда?

Мне хочется отложить визит, но, встретившись глазами с Хадсоном, я понимаю, что это не вариант. Даже до того, как он вскидывает бровь и говорит:

– Не откладывай на завтра то, что можешь сделать сегодня.

Глава 38. Разделяй, и тебя завоюют

– Я знала, что ты это скажешь. – Мэйси снова вздыхает. – Я могу открыть портал на Аляску, но не в саму пещеру Кровопускательницы, поскольку я в ней никогда не была. Так что возьми с собой куртку.

Она обращается ко мне, а не к Хадсону – это очевидно. Но мое худи – это самая теплая вещь из тех, которые я взяла с собой, и сейчас оно уже на мне. Я встаю и начинаю рыться в рюкзаке, чтобы посмотреть, могу ли я что-то надеть под него, и обнаруживаю, что у меня остался только один комплект чистого белья. Значит, как только мы вернемся на этот маяк, мне придется заняться стиркой. Нам всем придется заняться стиркой, ведь у остальных нет даже того, что есть у меня.

Джексон и Мекай пошли за остальными, стало быть, у меня есть несколько минут для того, чтобы одеться потеплее.

– Должна сказать, что, когда приходится одновременно беспокоиться и о чистом белье, и о том, чтобы спасти мир, то это полная жесь, – ворчу я, стягивая через голову худи, чтобы надеть под него еще одну футболку.

– Это точно, – соглашается Мэйси.

– Когда стемнеет, я пройду по магазинам, – говорит Хадсон, закрывая свой телефон после интересного разговора с нашим арендодателем.

Из того, что мне удалось услышать, он теперь является владельцем исторического маяка в Ирландии. Должна признаться, что от этого мне немного не по себе, ведь это я разнесла здешнюю ванную на куски. Так что, когда все это закончится, я планирую непременно вернуться и показать моей паре, как я люблю маяки.

– Прежний владелец пообещал прислать сюда мастера по ремонту, чтобы затянуть пленкой наше новое... окно. – Хадсон подмигивает мне и добавляет: – Позже я постараюсь купить для всех кое-какую одежду.

– Ты не обязан это делать... – начинаю я, но Мэйси бросает на меня предостерегающий взгляд, как бы говоря: «заткнись сейчас же», после чего хлопает ресницами и дарит ему свою самую лучезарную улыбку.

– Хадсон, ты лучший.

– Вот и Грейс все время так говорит, – соглашается он и смотрит на меня с лукавой улыбкой.

Я закатываю глаза.

– Мечтай.

Но, когда он протягивает мне руку, я беру ее. Потому что это Хадсон, и он принадлежит мне, и мне все равно, что иногда он делает нелепые заявления и что у него такое огромное самомнение.

– Обычно я предпочитаю создавать порталы под открытым небом, поскольку там больше места, но здесь не стоит рисковать из-за туристов, – замечает Мэйси. – Думаю, мне удастся соорудить портал на первом этаже.

– Раз уж ты смогла сотворить то, что сотворила, чтобы перенести нас ко Двору ведьм и ведьмаков, – говорит Хадсон, – то я уверен, что ты сумеешь создать портал где угодно.

– Однозначно, – подтверждаю я и качаю головой, все еще изумляясь тому, что она смогла держать тот портал открытым даже после того, как сама вышла из него. – Это было нереально круто. Лично я даже не подозревала, что такое возможно.

– Это потому, что на земле очень мало ведьм и ведьмаков, которые могут проделывать подобные вещи, – объясняет мне Хадсон, затем снова поворачивается к моей кухне. – Двору ведьм и ведьмаков следовало бы носить тебя на руках, а не вышвыривать за порог.

– Ага, а Двору вампиров следовало бы вести себя так с тобой, – отвечает она. – Сайрус настоящий... я не могу подобрать достаточно сильного слова.

– Психопат, – твердо договаривает Хадсон.

– Согласна, – говорит она, и мы все поворачиваемся и идем к лестнице.

Видимо, Джексон наказал всем поспешить, потому что остальные уже собрались в тесной гостиной на первом этаже. Мекай развалился на кожаном диване, положив ноги на журнальный столик, Байрон сидит рядом с ним, а остальные члены Ордена устроились на барных стульях у кухонной стойки. Дауд занял единственное кресло, а Флинт и Иден стоят, прислонясь к стене. Что касается Джексона, то он расположился в середине комнаты с таким видом, будто он здесь хозяин.

Тут не найдется и трех квадратных футов свободного пространства, и я начинаю гадать, не планирует ли Мэйси открыть портал в чулане.

– Мы отправляемся к Кровопускательнице, – объявляю я. – Но те, кто не хочет с ней встречаться, не обязан этого делать. Лично я знаю, что не хочу ее видеть.

– Вы это серьезно? – изумляется Дауд, округлив глаза. – Вы что же, собираетесь вот так запросто заявиться к ней? – Он произносит это так, будто это самая дикая вещь на свете. И возможно, он прав, ведь эта женщина ничем не лучше кровожадного дикого зверя.

– Лично я в деле! – Мекай ставит ноги на пол. – Мне всегда хотелось познакомиться с ней.

– Мне тоже, – говорит Лайам.

– Нет, – отрезает Джексон. – Мне необходимо, чтобы члены Ордена за исключением Мекай отправились ко Двору вампиров.

В комнате повисает тишина, и мы все ошеломленно уставляемся на него.

– Это единственно верное решение, – говорит он. – Нам нужна информация. Где Сайрус держит учеников Кэтмира, грозит ли им сейчас опасность или же у нас все же есть время на то, чтобы разработать план действий, любые сведения, которые могли бы быть нам полезны.

Хадсон кашляет.

– Значит, ты готов послать своих друзей на смерть? Я не знал, что ты на это способен, Джексон.

Джексон смотрит на него волком.

– Родители Луки были преданы Сайрису – так что нет причин думать, что при Дворе не примут и членов Ордена. А если тамошние обитатели выскажут какие-то подозрения, скажите им, что вам надоело быть на стороне той, кто в этой схватке наверняка проиграет. – Взмахом руки он показывает на меня.

– Ну спасибо, – ворчу я.

Лайам качает головой.

– Вряд ли кто-то на это купится. Думаю, нам нужно держаться вместе. Когда вы будете иметь дело с Кровопускательницей, вам может понадобиться наша помощь.

– А вы *заставьте* их купиться, – возражает Джексон. – Мы ничего не достигнем, если у нас не будет своих людей в стане врага. И вы будете в большей безопасности, если отправитесь туда все вместе. К тому же Кровопускательница вырастила меня, так что нам ничего не грозит. А вам надо попасть ко Двору вампиров и провести там разведку.

Похоже, Лайам опять собирается возразить, но тут руку поднимает Дауд.

– Я с вами. Никто не знает, что я здесь, к тому же Сайрус доверяет моей семье.

Я выгибаю бровь. Его последние слова вызывают вопросы, но я, пожалуй, приберегу их на потом, когда у нас будет больше времени.

– Иден и Флинт отправятся с нами на Аляску.

Флинт потирает руки.

– Что ж, это будет занятно.

– Нам надо как-то подготовиться? – спрашивает Иден. Вид у нее немного обалделый.

– Просто постарайтесь держать руки в карманах, – бормочу я и, взяв из-под двери свои ботинки, обуваюсь. – Она кусается.

Джексон бросает на меня укоризненный взгляд.

– Только когда бывает голодна.

– Или раздражена, – добавляет Хадсон.

– Ну да, тебе ли не знать, – говорит Джексон.

Хадсон пожимает плечами.

– Я не виноват, что она не способна оценить мое чувство юмора по достоинству.

– Ага, потому что все прочие способны его оценить, – вворачивает Флинт.

Я понимаю, он потерял в этой борьбе своего бойфренда и ногу, не говоря уже о гибели брата. Я знаю, что его мать пожертвовала своим драконьим сердцем, чтобы спасти Джексона, и из-за этого он может лишиться своего наследства. Так что он имеет право злиться. Но это не значит, что у него есть право всякий раз, когда ему захочется, вымещать свою злость на Хадсоне, который сражается вместе с ним.

Но я не упрекаю его за это, я не стану делать этого при всех. Однако позже я обязательно найду время, чтобы поговорить с ним об этом.

Мэйси поворачивается к Джексону.

– Где именно находится ее пещера? Мне не нужны точные координаты, но было бы неплохо иметь общее представление о ее местонахождении, чтобы я знала, какая из тех частей Аляски, где мне доводилось бывать, находится к ней ближе всего.

– Держи путь в Коппер-Сентер, если ты бывала там, – отвечает Джексон. – Я бы на твоём месте отправился к пещере из этого городка.

– Я бывала в Коппер-Сентере, и не раз. – Мэйси расплывается в улыбке. – Значит, это будет намного легче, чем я опасалась. Но сначала я открою портал возле Двора вампиров для остальных.

Она поднимает руки и начинает создавать портал. За нами члены Ордена и Дауд получают последние инструкции от Джексона, а Мекай высказывает предположения относительно того, где, по его мнению, Сайрус может держать похищенных учеников. Флинт смотрит на них, набычившись и плотно сжав губы. На другой стороне комнаты Хадсон и Иден смеются над чем-то. Жаль, что я их не слышу. Возможно, это успокоило бы меня.

Я ничего не могу поделать с моим страхом – я боюсь, что мне не понравится то, что Кровопускательница расскажет мне о моей зеленой нити и той катастрофе, которую я устроила в ванной.

Глава 39. Это жесть

Быстро пройдя через радужный портал, Мэйси, Джексон, Флинт, Мекай, Иден, Мэйси, Хадсон и я оказываемся в самом центре Коппер-Сентера в час ночи. Во всяком случае, я предполагаю, что мы находимся в центре, поскольку нас окружают постройки, что, как я теперь знаю, в этом штате случается редко.

– Хорошая работа, Мэйси, – говорит Джексон и ободряюще касается ее плеча. Это так непохоже на него, что она изумленно поворачивается к нему, как и я сама. Я уже начинаю гадать, не подменили ли его, когда мы находились в портале, но тут он добавляет: – Пошли.

Он сразу же переносится прямо на север, даже не подумав спросить нашего мнения. Это успокаивает меня – нет, его не подменили. Это все тот же Джексон, даже если теперь он кажется более дружелюбным, чем когда-либо прежде.

Хадсон картинно закатывает глаза, и я смеюсь. Но тут он сгребает меня в охапку и переносится вслед за Джексоном в сторону широкого поля.

– Вообще-то я собиралась полететь туда, – говорю я, прильнув к нему.

– Я так и подумал. Но если бы ты полетела, я не смог бы сделать вот это. – Он наклоняется, и его губы касаются моей щеки. – Или это, – продолжает он и быстро целует меня в губы.

– Верно подмечено, – соглашаюсь я. Я задыхаюсь, и он тоже, хотя я уверена, что это вовсе не потому, что он так быстро бежит. Чтобы проверить эту теорию, я целую его снова и не могу удержаться от смеха, когда он спотыкается о камень – впервые с тех пор, как я его знаю.

– О, черт! – бормочет он, восстановив равновесие. – Ты опасная женщина, Грейс.

– Я рада, что ты наконец это понял, – поддразниваю его я, и мы бежим дальше. Сейчас темно, но луна светит достаточно ярко, чтобы я могла разглядеть цветы, речки и ручьи.

Я бывала здесь только тогда, когда вокруг лежал снег, и удивляюсь тому, что моего худи оказалось достаточно для того, чтобы не мерзнуть.

Минут через тридцать Хадсон резко останавливается рядом с Джексоном.

– Это здесь? – спрашивает Мекай. Он догнал нас и теперь, похоже, немного взволнован.

– Да, это здесь, – отвечает Джексон, осторожно шагая по каменистой земле ко входу в пещеру, который и теперь частично замаскирован.

Мы все решаем, что сейчас хорошее время для того, чтобы немного отдохнуть перед тем, как мы войдем в логово этой вампириши. Имея с ней дело, никогда не знаешь, понадобится тебе вся твоя сила для схватки или нет.

– Я могу с тобой поговорить? – спрашиваю я Джексона и кивком показываю ему, чтобы он подошел к скальной стене у входа в пещеру. Мэйси и драконы пьют воду из бутылок и подкрепляются снеками после нашего путешествия, собираясь с духом перед встречей с женщиной, которая регулярно подвешивает людей вниз головой на крюках над ведрами для сбора крови.

– Конечно. Поговорить о чем? – Он вслед за мной обходит дерево, улыбается мне, и вид у него в эту минуту куда приветливее, чем то, к чему я привыкла.

Он по-прежнему властен – думаю, этого ничто не изменит, – но он выглядит менее отстраненным, более *счастливым* – кажется, это слово подходит больше всего. Поэтому я колеблюсь, не зная, стоит ли мне начинать этот разговор. Недавно я решила, что он заслуживает того, чтобы узнать правду о Кровопускательнице – о том, что она сделала с нашими узами сопряжения, но мне совсем не хочется делать ему еще больше, ведь ему и так приходится несладко.

Но, когда он поднимает брови, я понимаю, что не могу придумать, что еще можно было бы ему сказать. К тому же у меня нет права скрывать от него эту информацию. Я думала, что

имею такое право, оправдывая себя нежеланием ранить его, но ведь сама я терпеть не могу, когда люди скрывают что-то от меня. Я не могу просто переобуться и поступить так с ним.

Поэтому я кивком показываю ему отойти подальше от остальных с их сверхострым слухом. Джексон следует за мной, но, оглянувшись на остальных, я замечаю, что за нами наблюдает Хадсон. Судя по его виду, он не ревнует, и, по правде сказать, ему даже не любопытно. На его лице написана покорность судьбе, и я понимаю, хотя и немного запоздало, что мне, наверное, следовало сказать ему, что я планирую все рассказать Джексону. Я даже не знаю, почему я этого не сделала. Возможно, я подумала, что он попытается меня отговорить.

– Грейс? – говорит Джексон, видя, что я продолжаю оглядываться. – Ты в порядке?

– Да, конечно. – Я переключаю внимание на него. Ведь я начала это сама. – Я хотела поговорить с тобой пару минут. О... – Я начинаю нервничать, мой голос срывается, я прочищаю горло и начинаю снова. – О Кровопускательнице. Есть кое-что, что ты должен знать.

Судя по его лицу, его осеняет какая-то догадка, и он крепко сжимает мою руку.

– Тебе не нужно ничего мне говорить.

– Нет, нужно. Я не хочу скрывать это от тебя...

– Она уже сказала мне, – перебивает меня он. – Когда я был здесь в прошлый раз. Все в порядке, Грейс.

Из всего, чего я в этой ситуации ожидала от Джексона Веги, эти слова: «*Все в порядке, Грейс*», – не фигурировали среди первой сотни тысяч возможных реакций. Тревога поднимается из моего живота к горлу, и секунду мне кажется, что сейчас моя голова взорвется.

Мне не сразу удастся снова заговорить, но в конце концов я выдавливаю из себя:

– погоди. Она рассказала тебе, что она сделала? *Сузами нашего сопряжения?*

– Да, она мне рассказала, – отвечает он. – Я знаю, это жесть...

– Ты знаешь, что это жесть? – вскрикиваю я так громко, что один из кружащихся над нами белоголовых орлов, возможно, принимает мой крик за брачный зов. – И это все, что ты можешь сказать о том, что она сделала с нами? Что это *жесть*?

Его улыбка гаснет, и на мгновение в его глазах снова появляется та печаль, которая разрывает мне сердце.

– Я не знаю, что еще тут можно сказать, Грейс. Мне больно от того, что тебе пришлось страдать, от того, что тебе пришлось столько пережить из-за одного неверного решения...

– Неверного? – повторяю я. Может, мне поискать видеокамеры? Потому что он наверняка разыгрывает меня. Другого объяснения его спокойствию просто нет. – Как ты можешь проявлять такое понимание? Как ты можешь просто взять и простить ее за то, что она едва не разрушила наши жизни? Ты почти потерял свою душу, Джексон. Ты... – Я замолкаю, потому что не могу даже говорить о том, что едва не случилось всего несколько дней назад.

– Она подарила мне тебя, – просто отвечает он. – Что бы ни произошло в будущем, она преподнесла мне этот дар – любить тебя и быть любимым тобой. Ты знаешь, что это значит для такого человека, как я? Я ничего не чувствовал всю свою жизнь, а теперь я могу чувствовать... я чувствую все.

В его обсидиановых глазах стоят слезы. Он быстро смаргивает их, но это неважно. Потому что я видела их, и они снова разрывают мне сердце.

– О, Джексон...

– Все в порядке, Грейс. – Он протягивает руку и теребит одну мою кудряшку, как делал это раньше. – Если я способен любить тебя, значит, когда-нибудь я смогу полюбить кого-то еще, возможно, даже ту пару, которая была предназначена мне изначально. До встречи с тобой я даже не мог представить себе такого. А теперь... – Он пожимает плечами. – Нет, это было не так уж плохо.

От этих слов у меня сжимается сердце. Не потому, что я люблю его как мужчину – я люблю Хадсона, – а потому, что он моя семья, и я хочу, чтобы он был счастлив – и не когда-нибудь, а прямо сейчас.

– Ты самый лучший, но ведь ты это знаешь, правда? – спрашиваю я.

Он пожимает плечами.

– Возможно.

Я толкаю его плечом, но он только смеется и спрашивает:

– Как называется бумеранг, который не желает возвращаться?

– Буменежелатель? – без особой надежды спрашиваю я.

– Что? – Он качает головой, изображая брезгливость. – Это было очень плохо. Очень, очень плохо.

– Да ну? Так каков же ответ, умник?

– Палка, что же еще?

Я смеюсь.

– Это так плохо, что даже хорошо.

Он явно ужасно гордится собой.

– Вот именно.

Мы поворачиваемся и снова идем к пещере, и я сразу же перевожу взгляд на Хадсона. Он больше не смотрит на нас – и ни на кого вообще. Вместо этого он стоит, прислонясь к дереву сбоку от входа, глядя на что-то в своем телефоне, как будто лента новостей, которую он читает, это самая интересная вещь на свете.

Выглядит он нормально, настолько нормально, что другие наверняка ничего не замечают. Но я достаточно хорошо его знаю, чтобы заметить, что он постукивает указательным пальцем по задней панели телефона, как делает, когда чувствует себя не в своей тарелке. Я вижу, что его губы сжаты, плечи напряжены, как будто он приготовился к удару – и к тому, чтобы притвориться, будто ему все нипочем.

Боль от его вида – это удар под дых, эта боль пронзает меня всю.

Возможно, поэтому я и поворачиваюсь к Джексону и спрашиваю:

– Ты мог бы сделать мне одолжение?

– Конечно. Все что угодно. – Его брови взлетают вверх.

– Оставь Хадсона в покое. Он...

– Это не так легко, Грейс.

– Знаю. Но подумай о нашем разговоре. Ты простил Кровопускательницу с такой легкостью, а ведь она едва не уничтожила тебя. Она едва не убила твою душу.

– Да, но он позволил, чтобы Лука погиб.

– Ты думаешь, ему это легко? – спрашиваю я, и от раздражения мой голос становится резким.

Он складывает руки на груди.

– Это не кажется мне трудным.

– Убивать людей? – не веря своим ушам, спрашиваю я. – Ты думаешь, это не давит на него? Думаешь, он не страдает всякий раз, когда использует свой дар? Пусть он и не показывает этого вам, но ему тяжело. Тяжело от того, что он не вмешался прежде, чем погиб Лука. И еще тяжелее от того, что он все-таки вмешался и истребил всех этих волков, притом разом, без разбора.

Я качаю головой, впервые осознавая, что я разочарована в Джексоне. Что я разочарована во Флинте, Мекае и в Мэйси. Хадсон страдает так, что он даже попросил меня отобрать его магическую силу, а они не желают видеть ничего, кроме своих эмоций.

– Это ужасный дар, Джексон, решать, кто будет жить, а кто должен умереть. Отнимать жизни одним щелчком пальцев – даже проще, всего лишь силой мысли. Одной короткой

мысли. Один миг – и домой никогда не вернется чей-то брат, чей-то сын, чья-то мать. А ты ведь не хуже меня знаешь, что большинство тех, кто следует за Сайрусом, не злы и не гнусны по своей природе, как зол и гнусен он сам. Они просто хотят выйти из тени. – У меня дрожит голос, в горле встает ком. – А Хадсон убил их в один миг, чтобы спасти нас тогда, в Кэтмире. Если ты не можешь понять, чего это ему стоило и стоит до сих пор, то ты самый ужасный брат на свете, и он достоин лучшего.

На щеках Джексона ходят желваки, но он ничего не отвечает и не размыкает скрещенных рук. Но он слушает меня, я это вижу и пользуюсь своим преимуществом.

– У Кровопускательницы был детальный план, который лишил нас выбора и едва не лишил тебя твоей души. И ты прощаешь ее, как будто это пустяк. А твой брат не хочет использовать свой дар, чтобы убивать людей, не хочет быть похожим на вашего отца, и он, по-твоему, подлец?

Джексон не отвечает, но все же кивает прежде, чем мы поворачиваемся и возвращаемся к остальным.

– Ты не хочешь помочь мне снять оставшуюся часть этих защитных заклинаний? Это не так много, но это какое-никакое начало. И я его приму.

Глава 40. Бабушка, какие у тебя большие зубы

Сейчас ничто здесь не кажется мне знакомым, но вокруг темно, и снег давно растаял, так что я не удивлена. Впрочем, прежде мне тоже было чертовски трудно найти эту пещеру, даже когда мы являлись сюда при свете дня.

Но, похоже, для Джексона это плевое дело, ведь он спокойно идет к крошечному проему в скалах, снимая по пути защитные заклинания. Хадсон движется к нему с другой стороны, также нейтрализуя заклинания. Они оба избавляются от них невероятно быстро, так что через две минуты мы уже спускаемся по ледяному проходу, ведущему внутрь пещеры.

Здесь темно, и я включаю фонарик на телефоне, чтобы не поскользнуться на льду. Мэйси делает то же самое, и мы с ней обмениваемся сочувственными взглядами, пробираясь все дальше по скользкому подземному ходу.

На секунду я поворачиваюсь к Флинту и вижу, что его протез справляется с задачей, несмотря на то, что здесь ужасно скользко. Я также не могу не заметить, что за ним слежу не я одна – Джексон, который идет сразу за Флинтом, тоже смотрит на него, готовый подхватить его, если тот поскользнется.

Флинт же не обращает внимания ни на Джексона, ни на меня, ни на лед под ногами. Его мысли сейчас далеко, он сжимает зубы, и у него отсутствующий взгляд.

– Это гнусное место, – говорит Иден, и, когда свет моего фонарика падает на нее, я замечаю, что она то и дело оглядывается по сторонам и что в ее широко раскрытых глазах застыл ужас.

– Ты даже не представляешь насколько, – отзываюсь я.

– Что ты имеешь в виду... – Иден замолкает, когда мы сворачиваем за угол и ей становится ясно, что я имела в виду.

Потому что перед нами по левую руку находится самая чудовищная часть пещеры Кровопускательницы – если не считать ее самой. То место, где она извлекает кровь из своих жертв.

Оно используется по назначению – здесь на цепях висит целая группа пеших туристов. Их глотки перерезаны, а кровь стекает в ведра – зрелище, к которому я, как это ни печально, привыкла за последние пару визитов к этой вампирше.

Правда, на сей раз есть кое-какое отличие – рядом с ними стоит Кровопускательница и тонкой льняной салфеткой вытирает со своих губ их кровь. Наверняка она еще теплая.

Она только что убила этих людей – всех шестерых. И поскольку я не вижу на их телах следов борьбы, они, хотя их было немало, не имели в этой схватке ни единого шанса. И мне становится все понятно – во всяком случае, так я себе говорю. Таков уж этот мир: обычные люди – это пища для вампиров. И, хотя некоторые вампиры, как мои друзья, питаются кровью животных, а также кровью тех людей, которые не имеют ничего против и которых они не убивают (привет тебе, Хадсон), другие ведут себя несколько более старомодно. Как Кровопускательница. Или Сайрус. И кто знает, сколько других.

Думать об этом страшно. А смотреть еще страшнее – поэтому я стараюсь не присматриваться к телам, висящим на крюках, и к каплям крови на подбородке Кровопускательницы.

Мэйси, взглянув на туристов, спотыкается, вскрикивает и падает. Не знаю, что так пугает ее – вид мертвых туристов или падение. Вероятно, и то, и другое.

Иден бросается вперед и подхватывает ее.

– Она что, только что... – начинает она, затем закрывает рот, когда Кровопускательница поворачивается и смотрит на нее своими безумными зелеными глазами.

– Мой дорогой Джексон, ты привел ко мне целую туристическую группу, – говорит она сладким голосом, который, словно скальпелем, режет мой слух. – И без всякого предупреждения. Чему я обязана такой *чести*?

Джексон склоняет голову, и меня снова, уже в который раз, поражает почтение, которое он выказывает этой женщине. Поражает то, какое уважение и какой страх она внушает ему. После всего, что произошло – после всего, что я узнала о ней, – мне трудно это принять.

Возможно, именно поэтому я выхожу вперед и говорю:

– Явиться сюда – моя идея.

И, кто бы сомневался, Хадсон выбирает именно этот момент, чтобы ввернуть:

– Уединение слишком переоценено. Но нам нет нужды говорить об этом, вам ли этого не знать. – Тот факт, что он в это время стоит, прислонясь к ледяной стене, и играет на своем телефоне в судоку – как будто это куда интереснее, чем общаться с самой крутой вампиршей на земле, – только делает его реплику более нахальной.

И все здесь знают это.

Джексон издает гортанный звук, будто давясь, Мэйси тихо скулит. Флинт и Иден молчат, но по их лицам видно – они просто ждут, когда она прихлопнет его.

Сама я наполовину ожидаю, что сейчас она заморозит его, как в прошлый раз, но она ничего не предпринимает, просто бросает на него взгляд – такой же холодный и острый, как сосульки, свисающие с потолка ее пещеры.

– И все же вы здесь. Из этого следует только один вывод – моя помощь не кажется вам переоцененной, даже если, по-вашему, переоценена я сама.

– Ну не знаю. – Хадсон пожимает плечами. – Ведь даже сломанные часы показывают правильное время два раза в день.

Флинт смотрит на Хадсона так, будто тот потерял рассудок... и оглядывается по сторонам, словно ища глазами запасной выход. И немудрено. Если Хадсон продолжит дразнить ее, нам всем может понадобиться запасной выход, чтобы бежать отсюда со всех ног.

Поэтому я встаю между ними. Я люблю Хадсона, но, если Кровопускательница разозлится и превратит его в таракана, мне придется пересмотреть свой взгляд на наши узы.

– Это мне нужен ваш совет, – говорю я, положив руку на предплечье Хадсона, чтобы удержать его от новых опрометчивых слов.

Он и Кровопускательница не понравились друг другу уже при первом знакомстве – в основном потому, что тогда она пыталась убедить меня, что он не что иное, как холодный убийца, начисто лишенный совести. А если прибавить к этому тот факт, что она сотворила фальшивые узы сопряжения между Джексоном и мной, то ясно, почему Хадсон считает ее самым гадким человеком на планете. Такое надо заслужить, если учесть, что на нашем шарике есть еще и Сайрус.

И я его не виню – ведь сама я испытываю к ней те же чувства. Но мне также совсем не хочется возвращаться сюда, так что я предпочитаю просто взять себя в руки и выяснить то, что нам необходимо. Если Кровопускательница каким-то образом связана со мной, подобно тому, как был связан со мной Джексон, то я хочу это знать. Чтобы найти способ разорвать эту связь.

Поначалу Кровопускательница даже не смотрит на меня. Вместо этого она продолжает пожирать глазами Хадсона – прищурясь, оскалив зубы и сжав кулаки. Он тем временем даже не удостоивает ее взглядом. Я неплохо его знаю, но никогда не видела, чтобы он был так поглощен своим телефоном. Или судоку.

Поэтому в надежде на то, что она перестанет смотреть на мою пару так, будто подумывает подвесить его над ведром, я поспешно говорю:

– Я могу видеть в своей голове связи с теми, кто мне дорог, включая мою горгулью. Это похоже на цветные нити – лучшего слова я подобрать не могу. И одна из этих нитей... думаю, одна из этих нитей связывает меня с вами. И в ней заключена огромная сила.

Кровопускательница не торопится повернуться ко мне, но, когда она это делает, выражение ее лица становится намного мягче.

– Пойдем. – Она протягивает мне руку. – Я обнаружила, что в последнее время холод утомляет меня. Пойдем в мою гостиную, туда, где тепло.

И, не дав себе труда посмотреть, следуем ли мы за ней, она разворачивается и идет по ледяному проходу вперед, вид у нее при этом такой, будто за те месяцы, что прошли с нашего прошлого визита, она постарела на сотню лет.

Глава 41. Наверное, ты хочешь сказать «Дарт Мейдер»?

– Джексон, не мог бы ты принести мне одеяло? – спрашивает она, и ее голос немного дрожит, когда она опускается на диван, обитый белым бархатом.

Ее гостиная опять изменилась – я отмечаю это про себя, пока Джексон достает одеяло из комода, стоящего рядом. Стены стали сиреневыми, как и кресла напротив. И обивка дивана, и обивка кресел украшены вышивкой, изображающей фиалки и зеленые листья, а на другом конце комнаты пылает камин, бросая на нас розовые блики.

– У нее здесь горит огонь? – шепчет мне Мэйси, пока Джексон накрывает одеялом колени Кровопускательницы.

– Но почему лед не тает? – спрашивает Иден.

– Это иллюзия, – отвечаю я. – Как и вся обстановка.

«А исходящее от нее ощущение хрупкости?» – гадаю я, пока она устраивается под одеялом. Это что, тоже иллюзия? И если да, то зачем самой могущественной вампирше притворяться слабой?

– Кто-нибудь хочет чаю? – спрашивает Кровопускательница, взмахнув рукой, и на журнальном столике вдруг появляются фарфоровый чайник и чашки.

– Это правда чай? – чуть слышно бормочет Мэйси. – Или это тоже иллюзия?

Я пожимаю плечами и качаю головой. Хотя нас и соединяет какая-то чудная зеленая нить, я знаю о Кровопускательнице ничуть не больше прочих.

Когда никто не отвечает, моя кузина говорит, прервав молчание:

– Спасибо. Я с удовольствием выпью чаю. – И бросает на меня взгляд, говорящий, что есть только один способ выяснить, иллюзия это или нет.

В глазах Кровопускательницы вспыхивают веселые огоньки, и она поворачивается к Мэйси.

– Конечно, моя дорогая.

Мэйси наклоняется и, взяв чайник, наливает горячую янтарную жидкость в чашку. Затем берет щипчики и кладет туда два кусочка сахара. Тут неизбежно возникает еще один вопрос.

– Откуда у нее сахар, если она предпочитает... человеческую кровь? – тихо спрашивает Иден.

Да. Хороший вопрос.

Руки Мэйси дрожат, когда она, склонившись над чашкой, дует на чай прежде, чем сделать глоток. Она сказала, что хочет выпить чаю, и не может пойти на попятную просто потому, что нам всем непонятно, откуда взялся сахар – да и чай тоже. Однако приятное удивление на лице моей кузины свидетельствует о том, что чай по-настоящему хорош – но думаю, вопросы об этом лучше задать потом. Потому что, когда Кровопускательница устремляет на меня свой грозный взгляд, я понимаю, что наше время вышло.

Даже до того, как она говорит:

– Грейс, дорогая, почему бы тебе не присесть рядом со мной на диван? Мы можем обсудить то, о чем ты меня спрашивала.

Мне не хочется садиться на диван, мне вообще не хочется к ней приближаться. Но судя по ее взгляду, она не примет возражений. И поскольку нам – поскольку *мне* – нужна ее помощь, дело обстоит так же, как всегда. Надо либо играть по ее правилам, либо выметаться вон. Так что я иду к ней под пристальными и тревожными взглядами Хадсона и моих друзей. Однако сажусь не на диван, а в одно из миленьких сиреневых кресел. Одно дело – вести себя любезно, и совсем другое – быть размазней.

А мне здорово надоело быть размазней, когда речь идет об этой женщине, которая причинила тем, кто мне дорог, столько мук. Чьи козни привели к ужасным последствиям.

Кровопускательница поднимает брови, когда я сажусь в кресло, а не на ее диван, и несколько минут сверлит меня взглядом, пока мои друзья беспокойно мнутя в стороне. Я отвечаю ей тем же, не желая подчиняться. Способна ли она прикончить меня? Наверняка. Сделает ли она это здесь и сейчас, на глазах у своего драгоценного Джексона? Нет, не думаю – ведь она так старается впечатлить его.

– Почему бы тебе не сесть на диван, Грейс? – наконец спрашивает она голосом, в котором звучит сталь. – В последнее время мой слух начал меня подводить.

– Спасибо, но мне удобно и здесь, – отвечаю я, специально повышая голос, чтобы эта бедная старушка могла услышать меня. Я едва удерживаюсь от того, чтобы картинно закатить глаза.

Ее глаза сужаются, и я жду, каким будет ее следующий выпад. Щелкнув пальцами, она замораживает остальных. Ее лицо сразу же меняется, уязвимость улетучивается, и она вновь превращается в ту жестокую и беспощадную женщину, которую я знаю и которую совсем не люблю. В женщину, способную, не моргнув глазом, прикончить целую группу туристов.

– В какую игру ты играешь, Грейс? – рявкает она, и по ее тону понятно, что больше она не потерпит послушания.

Но мне уже надоело подстраиваться под нее. Если ей хочется разодрать мне горло, то пусть попробует. Потому что я больше не стану прогибаться. Ни сейчас, ни потом.

– По-моему, мне следует задать вам этот вопрос, – огрызаюсь я.

– Это не я пришла к тебе, а ты ко мне, – парирует она. Это правда, и это здорово раздражает меня.

Я смотрю на нее.

– Да, но именно вы делаете так, что мне приходится обращаться к вам снова и снова. – Затем, сделав глубокий вдох, чтобы подавить тревогу, я провожу рукой по зеленой и по всем остальным нитям, связывающим меня с моей парой и моими друзьями. Именно так я разморозила Хадсона, когда мы прибыли сюда в прошлый раз, возможно, это сработает и сейчас.

Оглянувшись, я вижу, что оказалась права. Моя пара и все мои друзья разморожены, хотя им, похоже, невдомек, что произошло. Кроме разве что Хадсона, который смотрит на нас обоих пристальным и оценивающим взглядом.

Кровопускательница подняла руку, будто готовясь заморозить их всех опять. И тут я подаюсь вперед и цежу сквозь сжатые зубы:

– Перестаньте. Перестаньте разыгрывать из себя бога.

Ее губы растягиваются в ухмылке – похоже, мои слова позабавили ее.

– Ты просишь о невозможном – о том, чего не знаешь, Грейс.

– Да ну? Почему же?

Какое же самомнение надо иметь, чтобы так ответить?

– Вообще-то мне трудно не разыгрывать из себя бога, – говорит она наконец. – Если учесть, кто я.

– Самая древняя из всех вампиров? – Я произношу это таким тоном, чтобы было ясно – я не считаю, что это большая честь.

– Богиня хаоса, – отвечает она, и ее зеленые глаза снова начинают странно поблескивать, от чего мне становится не по себе. – А что касается твоей зеленой нити, которую ты то и дело задеваешь, то да, она в самом деле связывает нас – потому что ты моя внучка.

Глава 42. Не думаю, что для этого есть своя хромосома

Ее слова повисают в воздухе, словно граната с выдернутой чекой. Проходит всего несколько секунд прежде, чем происходит взрыв.

Все потрясены.

Мэйси шумно втягивает в себя воздух.

Мекай отшатывается.

Иден бормочет:

– Вот это да.

Даже Флинт, обычно мрачный, как туча, ошеломленно спрашивает:

– Что она сказала?

Только Хадсон и Джексон никак не реагируют на ее слова, и у меня стынет кровь. Я поворачиваюсь и смотрю на них, чтобы понять, верят ли они ей. Чтобы понять, верю ли ей я сама.

Хадсон продолжает стоять, прислонясь к стене, но в нем чувствуется напряжение, которого прежде не было. В нем появилась настороженность, свидетельствующая о том, что, как бы он ни тщился изобразить безразличие, он внимательно прислушивается к этому разговору и что, возможно, – возможно – Кровопускательница не сказала ничего такого, что могло стать для него шоком. До чего же еще он смог додуматься благодаря своему чересчур острому уму и почему не счел нужным поделиться догадками со мной?

Когда наши взгляды встречаются, он чуть заметно улыбается. В его улыбке читается ободрение – ободрение, поддержка и вера в меня, заставляющие меня поверить в то, что я могу все – даже противостоять Кровопускательнице, причем на ее же территории.

Джексон же, похоже, так же потрясен, как и я, а еще чертовски зол.

– О чем ты говоришь? – спрашивает он, встав за моей спиной. – Ты же вампир...

– Я решила быть вампиром, – отзывается она. – Точно так же, как моя сестра решила быть человеком. А Грейс – горгулья. Но почему все должно этим ограничиваться?

– Значит, вы могли решить быть чем-то еще? – вырывается у меня. Все это противоречит моему самоощущению, которое говорит мне, что я являюсь горгульей на клеточном уровне. Могла бы я стать кем-то другим, будь у меня такая возможность?

Кровопускательница поднимает одну царственную бровь.

– Конечно. Я создала сверхъестественных существ из источника моей силы, так что все они – часть меня, а я – часть их. Все мои создания прекрасны и совершенны. Ну, кроме... – она переводит взгляд на Флинта, – драконов. Я никак не могу поверить, что после того, как я дала вам такую силу, вы позволяете золотым побрякушкам ставить вас на колени. По большому счету вы слабые существа.

Флинт с рыком прыгает вперед и приземляется перед Джексоном.

– Ах ты су...

Но его речь обрывается, когда она впечатывает его в ближайшую стену. Джексон бросается к нему, но он не принимает помощи и сам встает на ноги. Не желая спускать Кровопускательнице оскорбление, нанесенное его народу, он пытается кинуться на нее – чем она, похоже, весьма и весьма позабавлена, – но Мекай и Иден тут же преграждают ему путь.

– Да кто она такая? – вопит Флинт, вне себя от гнева. – Кем она себя возомнила?

– Той, которая может делать и говорить что хочет, – спокойно отвечает она.

Похоже, она намекает, что является богиней.

– Богиня ты или нет, ты все равно сволочь, – рычит он.

На сей раз она не утруждается швырянием о стену. Вместо этого она щелкает пальцами, и Флинт повисает вниз головой в нескольких дюймах от потолка.

– Кто-то должен научить тебя соблюдать приличия, – рычит она в ответ.

Он показывает ей средний палец, вися вниз головой, что злит ее еще больше. Она поднимает руку, чтобы сокрушить его – или что там делают боги, – но Джексон заслоняет его.

– Не делай этого, – предостерегает он, и секунду кажется, что сейчас она сокрушит и его. Но в конце концов она просто качает головой и со вздохом опускает руку.

Флинт падает вниз головой, не успев ни превратиться в дракона, ни перевернуться. Я вскрикиваю и бросаюсь к нему, но Джексон уже тут как тут, и его ноги в черных ботинках твердо стоят на скользком льду.

Флинт с глухим звуком приземляется на него, и мгновение кажется, будто время остановилось. Но тут Флинт рычит:

– Отвали от меня, мать твою, – и толкает Джексона в грудь.

Джексон отпускает его, едва ноги Флинта касаются земли, но продолжает придерживать дракона за локоть – до тех пор, пока Флинт не стряхивает его руку.

В пещере повисает молчание, пока мы пытаемся свыкнуться с тем фактом, что Кровопускательница еще могущественнее, чем мы думали. Что несмотря на ее сегодняшнее комедианство, когда она корчила из себя хрупкую старушку, она способна по шелчку пальцев расправиться со всеми нами.

Это непросто переварить, если учесть то, что она только что сказала. Но теперь, когда потрясение от ее первого откровения прошло – или хотя бы немного притупилось, – мне хочется поспорить с ней, сказать ей, что мы не можем быть родней. Но тут она поворачивается ко мне, и я вижу в ее поблескивающих зеленых глазах что-то новое.

Что-то, очень похожее на уязвимость. Во всяком случае, мне так кажется, особенно когда я думаю о том, что она назвала меня своей внучкой. Моя голова раскалывается от боли, под ложечкой сосет, колени дрожат.

Богиня хаоса. Она *Богиня хаоса*? Я даже не подозревала, что такое возможно. Что хоть что-то из этого возможно.

Да, Карга рассказала нам историю о том, как Богиня хаоса создала сверхъестественных существ, но я полагала, что это всего лишь сказка. Я знаю, что этот мир полон существ и вещей, о существовании которых до моего прибытия в Кэтмир я даже не подозревала, но *реально существующие боги и богини*? Хаоса и кто знает чего еще? Да, это очень далеко от сенсации: что мой парень – вампир.

И она считает, что она моя бабушка?

Подобно тому, как встают на свои места сувальды замка, обретает новый смысл и замечание Алистера о том, что, если я оскорблю его пару, она может меня укусить. Король горгулий сопряжен с Кровопускательницей. Но это, к сожалению, не самое жуткое из того, что я сегодня открыла для себя.

Однако тут у меня обрывается сердце, поскольку я кое о чем вспоминаю. Я пообещала Неубиваемому Зверю, что отдам его паре Корону.

Глава 43. Не самая милая бабуля

– Ты можешь называть меня Grand-mère⁴, – продолжает она. – Хотя твоя сила – это сила дочери, а не внучки.

– Я не знаю, что это значит, – говорю я и закусываю губу. Часть меня – и, если честно, огромная часть – надеется, что она говорит в переносном смысле.

Похоже, она собирается сказать что-то еще, но затем переводит глаза на остальных и говорит:

– Сядьте.

Как только она произносит это, в комнате возникают стулья.

Несмотря на то, что рядом с ним теперь стоит стул, Хадсон подходит ко мне и усаживается на другое сиреневое кресло. Иден и Мекай тоже садятся, а Флинт и Джексон не сдвигаются со своих мест.

Кровопускательница улыбается натянутой улыбкой и, выгнув одну бровь, поворачивается ко мне. Пропустив мое замечание мимо ушей, она спрашивает:

– Что привело тебя сюда на самом деле, Грейс?

– Я же вам сказала. Зеленая нить.

Она складывает руки домиком и смотрит поверх них на меня.

– Но ты же несколько месяцев знаешь, что у тебя есть эта нить. Что же заставило тебя вдруг явиться ко мне и заговорить о ней?

– Хадсон понял, что, прикасаясь к ней, я делала те же вещи, которые можете делать вы. К тому же отправиться к вам мне посоветовал Алистер...

– Ты видела его? – Кровопускательница щурится и, подавшись вперед, так крепко стискивает мою руку, что я чувствую боль. – Как он? Он в порядке? Где он?

Я слегка отшатываюсь, но она по-настоящему дрожит, и мое сердце смягчается – правда, только чуть-чуть.

– Да, я видела его, но потом он исчез, – говорю я, вспоминая наш разговор в холле. – Он сказал, что ему надо отыскать свою пару. Что же до того, как он... – Я запинаюсь, не зная, как описать его состояние, ведь сказать, что он «в порядке», было бы натяжкой.

– Он сбит с толку, – опять вступает в разговор Хадсон, помогая мне. – Он тысячу лет просидел на цепи в пещере, где на него то и дело нападали те, кто хотел его убить. Думаю, в таких условиях любой будет немного не в себе.

– Это из-за голосов, – объясняю я. – Он слышит голоса горгулий, которые звучат в его голове. Они все говорят с ним одновременно, просят его вернуться, умолют спасти их. Он не может их заглушить и не может думать, потому что они мешают ему. Их слишком много.

– Слишком много? – спрашивает Флинт. – Сколько же в мире горгулий?

– Тысячи, – одновременно отвечаем Кровопускательница и я.

– Тысячи и тысячи, – продолжает она, когда я замолкаю. – И Алистер был более тысячи лет заперт в пещере с их голосами. Когда он был на пике формы, ему удавалось их фильтровать, но заточенный в той пещере... – Она оглядывает собственную пещеру. – Мне понятно, почему ему не удалось блокировать их, ведь они становились все настойчивее. И их так много.

Я вновь начинаю испытывать сочувствие к ней. Я пытаюсь подавить это чувство, что должно быть не трудно, если вспомнить все те ужасные вещи, которые она натворила. Но тут я думаю о том, что ее пара – это Неубиваемый Зверь, и гадаю: если бы я была заперта в пещере тысячу лет без Хадсона, возможно, я тоже потеряла бы человечность?

⁴ Grand-mère (фр.) – бабушка. (Прим. ред.)

Это наводит меня еще на одну мысль: что бы я сделала ради освобождения Хадсона, если бы в тысячелетнем заточении оказался он? Мне не хочется думать, что я поставила бы под угрозу чью-то жизнь или счастье, чтобы спасти его, но я не могу сказать наверняка, как бы поступила. Я готова пойти почти на все, лишь бы знать, что он останется цел и невредим. Именно из этого я исходила, отказываясь лишать его магической силы, потому что убеждена – он впоследствии пожалеет об этом решении.

– Что-то я не понимаю, – говорит Мэйси. – Я думала, Грейс единственная горгулья, родившаяся за последнюю тысячу лет. Когда в Кэтмире она превратилась в камень, это произвело фурор. В школу прибывали эксперты со всего света, чтобы увидеть ее, потому что...

– Потому что они считали, что это невозможно, – заканчивает ее фразу Кровопускательница. – И это было бы правдой, если забыть о том, что она происходит из древнего рода горгулий. Ее мать была горгульей, как и мать ее матери и мать матери ее матери.

От боли от этого предательства у меня сжимается горло, и из комнаты будто разом выкачивают весь воздух. Я поняла, что моя мать должна была быть горгульей, когда Алистер сказал мне, что я его потомок, но, услышав это из уст Кровопускательницы, я осознаю, что мама так и не сказала мне, кто я. Это надрывает мне сердце. По-видимому, Хадсон чувствует мое смятение, потому что он кладет мою руку себе на колени и, переплетя свои пальцы с моими, сжимает их.

– Моя мать знала, что она горгулья? – судорожно шепчу я, с трудом выдавливая слова из своего сжавшегося горла. – И не сказала мне об этом?

Глаза Кровопускательницы широко распахиваются, когда она видит мою реакцию.

– Она не знала, кто она, как и ты сама.

Я смаргиваю слезы, пытаюсь разобраться в том, что сказала мне Кровопускательница. Меня жутко раздражает, что она выдает информацию по кускам, выбирая, что нам нужно знать, а чего не нужно.

– Почему вы никогда не говорите правду целиком? – Я качаю головой. – Мы же могли убить вашу пару, когда вы отправили нас за сердечным камнем, так и не сказав, кто он на самом деле?

Кровопускательница самодовольно улыбается.

– Нет, не могли. Его не зря окрестили Неубиваемым Зверем. – Увидев по моим поднятым бровям, что я по-прежнему не понимаю, она пожимает плечами. – Дело в том, что он сопряжен с богиней, Грейс.

Я бросаю быстрый взгляд на Хадсона и сглатываю. Затем спрашиваю ее:

– Значит ли это, что Хадсон бессмертен, по-настоящему бессмертен, как и я, потому что он моя пара?

Но она качает головой.

– Я родилась богиней и всегда буду богиней, даже если моя сила уменьшилась до уровня полубожества, когда сестра отравила меня. – Она откидывается на диванные подушки. – Ты потомок полубожества и горгульи, поэтому ты никогда не станешь чем-то большим, чем полубожество. Если только ты не трансцендируешь, однако это уже тема для отдельного разговора.

Мои плечи опускаются. На секунду я позволила себе представить такой мир, в котором мне не надо бояться, что что-то или кто-то отнимет у меня мою пару, в котором я никогда не потеряю того человека, которого люблю больше всего на свете, как потеряла родителей.

Я стискиваю зубы.

– Как бы там ни было, не кажется ли вам, что было бы проще, если бы вы просто выложили все карты на стол? И хотя бы раз рассказали нам все?

– Да, тогда нам, возможно, не пришлось бы смотреть, как умирают наши друзья, – резко бросает Флинт, и я морщусь – от муки, которая звучит в его голосе, а еще от страха перед тем,

как Кровопускательница может отреагировать на его слова. Ведь она только что подвешивала его под потолком, как вешают туши на рынке.

Но она даже не удостоивает его взглядом. Вместо этого она продолжает пристально смотреть мне в глаза.

– Я предложу тебе то, чего обычно не предлагаю никому, Грейс, – говорит она наконец. – Я дам тебе возможность выбрать. Я могу рассказать тебе, как отыскать Армию горгулий – ведь это и есть настоящая причина твоего появления здесь... – Мэйси ахает, но Кровопускательница и ухом не ведет. – Но тогда мне придется рассказать тебе все о том, кто ты такая и что представляешь собой на самом деле. И я не могу обещать, что тебе это понравится... Или же... я могу рассказать тебе, как сбежать и спрятаться от Сайруса навсегда. И как спрятать от него твоих друзей. И то, и другое остановит Сайруса на какое-то время, но, если ты выберешь бегство, это не спасет тех учеников, которых он похитил. Это также не помешает ему продолжить поиски того, что даст ему безграничную власть, зато ты сможешь жить полной жизнью. Жить вдалеке от смерти и разрушений, от боли и мук – настолько далеко, насколько вообще может надеяться человек. Выбор за тобой, Грейс.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.